КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVIII.

1900 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. КЪ БІОГРАФІИ А. И. СТОРОЖЕНКА. Съ пред. **М. Комарова** . . . . . 173—311
II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Окончаніе*). **П. Житецкаго.** . . . . 312—336
III. СМЕРТЬ МАКАРЫХЫ. **Л. Яновской** . . . . . 337—372
IV. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСК. У., ПОЛТ. Г., (Глава III). **В. Милорадовича.** . . . . . 373—395
V. КЪ ВОПРОСУ О ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Проф. **В. Антоновича.** . . . . . 396—423

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и юго-зап. краѣ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сообщ. **О. Л**; б) Мелочи изъ архивовъ юго-запад. края. Сообщ. **А Мёрдеръ**; в) Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры? **Н. Петрова**; г) Рождественскіе обычаи въ Угорской Руси; д) Изъ воспоминаній стараго полтавца; е) О собираніи народныхъ легендъ; ж) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. . . . . 141—154
Текущія извѣстія . . . . . 154—159
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в.). В. **Дурдуковскаго**; б) Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1900 г.). **О. Л.**; в) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1898 г., подъ ред. директора коллегіи А. І. Степовича. То-же съ 1 окт. 1899 г. **Н. В.**; г) Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. **Т. І. В. Д.**; д) Обозрѣніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 159—185
Археологическая лѣтопись . . . . . 186—205
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 года съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 5-й и 6-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVIII.

1900 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Г., Кіевъ, 14 февраля 1900 года.

Къ біографіи А. П. Стороженка.

(Свѣдѣнія изъ его формуляра, его письма и литературныя мелочи).

Исполнившееся 7 ноября минувшаго 1899 г. 25-лѣтіе со дня смерти извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка, умершаго 7 ноября 1874 г., вызвало въ печати нѣсколько статей и замѣтокъ, касающихся литературной дѣятельности и біографіи Стороженка. Къ сожалѣнію, однако-жъ, до сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго собранія его сочиненій. Печатавшіеся въ 1861 и 1862 г.г. въ журналѣ „Основа“ талантливые малорусскіе разсказы его были, правда, собраны въ отдѣльномъ изданіи, вышедшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1863 г., въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Украінські оповідання“, но изданіе это давно уже составляетъ библіографическую рѣдкость. Изданная въ 1879 г. въ Одессѣ повѣсть Стороженка „Марко проклятый“ также давно разошлась въ продажѣ. А между тѣмъ малорусскія произведенія Стороженка всегда находили обширный кругъ читателей и до настоящаго времени, благодаря художественному юмору и прекрасному, чисто народному языку, которымъ Стороженко владѣлъ въ совершенствѣ, сохранили ту прелесть и интересъ, которые надолго обезпечиваютъ имъ распространеніе въ публикѣ. Послѣ смерти Стороженка были, какъ мнѣ извѣстно, желающіе издать его малорусскіе разсказы, но почему-то всегда

встрѣчали затрудненія, не зная, кто изъ далекихъ родственниковъ его имѣетъ право разрѣшить новое изданіе. Только въ недавнее время потребность въ новомъ изданіи сочиненій Стороженка отчасти удовлетворена, благодаря совершенно неожиданному содѣйствію А. Суворина, извѣстнаго книгоиздателя и редактора „Новаго времени".

Это изданіе Суворина „Украинськи оповидання О. Стороженка", по всей вѣроятности, поставило его въ немалое затрудненіе. Оно перепечатано очевидно съ изданія 1863-го года, но это изданіе было напечатано господствовавшимъ въ то время малорусскимъ правописаніемъ — *кулишивкою*, а тутъ Суворину пришлось встрѣтиться съ требованіемъ „общепринятаго русскаго правописанія", къ тому же, вѣроятно, ни наборщика, ни корректора, знающихъ малорусскій языкъ, у Суворина не нашлось—и въ результатѣ появилось изданіе съ такимъ неправильнымъ правописаніемъ и съ такою массою ошибокъ, что чтеніе прекрасныхъ разсказовъ Стороженка въ изданіи Суворина крайне затруднительно. Но какъ бы то ни было, потребность въ новомъ изданіи разсказовъ Стороженка, благодаря Суворину, хотя отчасти удовлетворена. Было бы весьма желательно, чтобы и русскія произведенія Стороженка, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. романъ „Братья близнецы", разсказъ „Сотникъ Петро Серпъ" и нѣкоторые другіе, печатавшіеся въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ г г. въ русскихъ журналахъ, нашли издателя, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній Стороженка не лишены интереса и для настоящаго времени.

До сихъ поръ также мы не имѣемъ сколько-нибудь обстоятельной біографіи Стороженка, которой онъ, несомнѣнно, заслуживаетъ, какъ одинъ изъ видныхъ представителей малорусской литературы въ шестидесятыхъ годахъ. Едва ли впрочемъ и возможна такая біографія въ настоящее время, при крайней скудости біографическихъ матеріаловъ. Желательно поэтому, чтобы лица, близкіе къ Стороженку или случайно имѣющіе у себя матеріалы, касающіеся жизни и литературной дѣятельности его,

озаботились опубликованіемъ ихъ. Въ этихъ видахъ печатаю имѣющіеся у меня матеріалы, оставшіеся по смерти одесскаго книгопродавца В. И. Бѣлаго, предпосылая имъ нѣсколько объяснительныхъ строкъ.

Въ 1872 году умеръ въ Одессѣ книгопродавецъ Григорій Ивановичъ Бѣлый. Друзья и знакомые его пожелали почтить достойнымъ образомъ полезную дѣятельность его, какъ книгопродавца и издателя, въ особенности же его преданность и любовь къ дѣлу народнаго образованія, и порѣшили устроить въ память его народную школу на Среднемъ фонтанѣ въ 6 верстахъ отъ Одессы, гдѣ онъ раньше содержалъ народную школу на свои собственныя средства. Съ этою цѣлью братъ покойнаго, Василій Ивановичъ Бѣлый, къ которому перешелъ книжный магазинъ, предположилъ издать малорусскій литературный сборникъ, предназначивъ выручку отъ продажи сборника на усиленіе средствъ для устройства и содержанія той школы. По совѣту земляковъ, В. И. Бѣлый обратился между прочимъ и къ Стороженку съ просьбой принять участіе въ предположенномъ сборникѣ. Стороженко въ то время проживалъ въ своей усадьбѣ Тишинѣ близъ г. Бреста, состоя предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ и предводителемъ дворянства. Съ чувствомъ живѣйшаго участія отнесся Стороженко къ этому приглашенію Бѣлаго — и такимъ образомъ между ними завязалась весьма дѣятельная переписка. Всѣхъ дошедшихъ къ намъ писемъ Стороженка къ Бѣлому осталось 17, изъ нихъ первое отъ 13 декабря 1873 г., а послѣднее писано 21 октября 1874 г., т. е. за 16 дней до смерти Стороженка. Кромѣ этихъ писемъ, въ бумагахъ, оставшихся по смерти Бѣлаго, сохранился также „Краткій формулярный списокъ“ о службѣ его, доставленный вѣроятно, упоминаемымъ въ письмахъ А. А. Глушановскимъ, который въ сохранившемся письмѣ къ В. И. Бѣлому обѣщалъ ему добыть выписку изъ формуляра Стороженка. Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, могущія служить дополненіемъ къ біографіи Стороженка. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ формулярѣ никакихъ свѣдѣній о воспитаніи Стороженка. Формуляръ начинается сообщеніемъ о томъ, что Стороженко вступилъ на правѣ вольно-

опредѣляющихся въ Нѣжинскій Конно-Егерскій полкъ унтеръ-офицеромъ въ 1824 г. 31 декабря. Затѣмъ изъ формуляра видно, что во время пребыванія въ военной службѣ онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1829 г., потомъ въ усмиреніи Польскаго мятежа 1831 года, при чемъ дѣйствовалъ въ сраженіи противъ корпуса Ружицкаго, въ преслѣдованіи коего перешелъ въ Галицію и за участіе въ сихъ дѣлахъ, за храбрость и мужество награжденъ орденомъ св. Анны съ бантомъ. Потомъ во время войны 1849 г. противъ „мятежныхъ Венгровъ" вновь находился въ походахъ и по переходѣ границы Царства Польскаго „слѣдовалъ по Галиціи чрезъ Перемышль, Ржешовъ, Тарновъ, Самборъ, Лембергъ и обратно въ Радзивиловъ". Въ 1851 г. 13 марта онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, а въ 1854 г. 15 іюня опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій VI кл. при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Состоя въ этой должности, онъ не разъ былъ командируемъ по весьма важнымъ порученіямъ, какъ напр. въ Москву для открытія виновныхъ въ кражѣ у помѣщика Мусина-Пушкина до 300 тысячъ рублей, въ Рязань для изслѣдованія духовнаго завѣщанія, составленнаго помѣщикомъ Огаревымъ не въ пользу дѣтей своихъ, въ Тверь для обозрѣнія мѣстъ заключенія и т. п. Въ то-же время ему давались и иныя, такъ называемыя „секретныя порученія", какъ напр. въ 1855 г. по предписанію министра В. Д. возложено было на него „секретное порученіе, по исполненіи коего онъ представилъ донесеніе г. министру".—По всей вѣроятности, всѣ эти порученія исполнялись имъ успѣшно, потому что вскорѣ онъ былъ повышенъ и приказомъ по министерству В. Д. 9 іюля 1861 г., т. е. во время самаго большаго расцвѣта литературной дѣятельности Стороженка, онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V кл. при министрѣ В. Д. и командированъ приказомъ отъ 23 августа 1861 г. „въ разныя губерніи по особо возложенному на него порученію", а 6 октября того же года въ г. Москву „по особому секретному дѣлу". Затѣмъ въ 1864 г. онъ былъ командированъ въ распоряженіе генералъ-губернатора сѣверо-

западнаго края (М. Муравьева), а въ 1868 г. 25 мая по прошенію уволенъ отъ службы, при чемъ по всеподданнѣйшему докладу министра В. Д. Стороженку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника назначена была пенсія 1500 руб. въ годъ. На этомъ и оканчивается „краткій формулярный списокъ". Какъ извѣстно изъ біографіи Стороженка, послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ на службѣ въ должности Брестскаго предводителя дворянства и предсѣдателя съѣзда мировыхъ посредниковъ. Несравненно больше интереса, біографическаго и общественнаго, представляютъ уцѣлѣвшія письма Стороженка къ Бѣлому. Письма эти несомнѣнно удостовѣряютъ, что послѣ изданія въ 1863 г. „Украінськіхъ оповідань" Стороженко совершенно прекратилъ свою дѣятельность, какъ малорусскій писатель, и въ послѣдніе 11 лѣтъ своей жизни ничего по-малорусски не написалъ. Присланныя имъ къ Бѣлому XI главъ изъ начатой повѣсти „Марко проклятый" и нѣкоторыя мелочи: байка „Куры та Собака", разсказъ „Вывивъ дидька на сухеньке" и побасенка „Чоловикъ та жито" были написаны имъ еще до изданія „Оповиданій". Даже повѣсть „Марко проклятый", надъ которою онъ такъ много поработалъ, которою онъ вообще былъ доволенъ, говоря въ одномъ письмѣ, что она „выношена имъ подъ сердцемъ" и ссылаясь на лестный отзывъ Гулака-Артемовскаго, даже это произведеніе, начатое имъ въ то время, „когда писалось такъ легко", осталось неоконченнымъ, не смотря на то, что авторомъ выработанъ былъ даже планъ дальнѣйшаго продолженія и окончанія повѣсти. Несомнѣнно, что должны были существовать серьезныя причины, заставившія одного изъ талантливыхъ и плодовитыхъ малорусскихъ писателей 60-хъ годовъ, прекратить литературную дѣятельность. Въ своихъ письмахъ къ Бѣлому, на неоднократные вопросы послѣдняго, Стороженко объясняетъ это, повидимому, различно. Такъ, въ письмѣ № 1 онъ объясняетъ: „когда обрушился на насъ Катонъ (т. е. Катковъ) и благонамѣреннымъ нашимъ дѣйствіямъ придалъ безобразное значеніе сепаратизма, я пересталъ писать", а изъ письма № 5 видно, что его сильно задѣла критическая статья, напечатанная въ „Современникѣ" по

поводу его „Оповиданій“, а еще болѣе то, что за него не вступились земляки „восхвалявшіе Марка Вовчка“. „Съ тѣхъ поръ я далъ слово прекратить писанье на родномъ языкѣ и, какъ видите, сдержалъ слово“, заканчиваетъ Стороженко. Въ сущности же въ объясненіяхъ этихъ нѣтъ противорѣчія. Если принять во вниманіе служебное положеніе Стороженка въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ В. Д., постоянно командируемаго то въ распоряженіе генералъ-губернаторовъ, то по „секретнымъ дѣламъ“, а также сильное опасеніе Стороженка прослыть „неблагонамѣреннымъ“, доходившее до того, что невинную байку „Куры та Собака“, написанную имъ очевидно по поводу ожидаемаго освобожденія крестьянъ еще въ 1860 г., какъ и самъ онъ объясняетъ въ письмѣ № 2, онъ долго стѣснялся не только печатать, но и списывать никому не давалъ, опасаясь, что она можетъ быть отнесена къмъ-либо къ позднѣйшимъ событіямъ,—то станетъ вполнѣ понятно, что обвиненіе въ сепаратизмѣ, заимствованное Катковымъ изъ еврейской газеты „Сіонъ“ и брошенное имъ въ лицо дѣятелей малорусской литературы, должно было произвести особенно сильное впечатлѣніе на Стороженка. Это и была первая по времени и наиболѣе сильная по дѣйствію причина, а затѣмъ уже появившаяся въ 1863 г. критическая статья и задѣтое авторское самолюбіе еще болѣе укрѣпили Стороженка въ намѣреніи его порѣшить съ малорусскимъ писательствомъ. Къ тому же справедливо признать, что и послѣдовавшая служба Стороженка, требовавшая усиленныхъ занятій и частыхъ разъѣздовъ, не благопріятствовала писательству, а въ послѣдніе годы къ этому присоединилось и нездоровье, на которое постоянно жаловался Стороженко. Какъ бы тамъ ни было, но оставивъ литературную дѣятельность, Стороженко не отрѣшился отъ малорусскихъ симпатій. Съ сердечнымъ участіемъ отнесся онъ къ намѣренію Бѣлаго издать малорусскій сборникъ и въ письмахъ своихъ постоянно интересовался литературными малорусскими новинками, присылаемыми ему Бѣлымъ, высказывалъ о нихъ свои замѣчанія, а въ одномъ письмѣ передаетъ благодарность одесскимъ землякамъ за то,

что они считаютъ его „своимъ“ и въ свою очередь проситъ поклониться „нашимъ“. Весьма интересны также сообщаемыя въ письмахъ свѣдѣнія и замѣчанія Стороженка, относящіяся къ современнымъ ему дѣятелямъ малорусской литературы, его мнѣнія о козачествѣ, о малорусскомъ переводѣ Евангелія, о причинахъ паденія „Основы“ и другія сообщенія, имѣющія, несомнѣнно, общественный характеръ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу предполагавшагося Бѣлымъ малорусскаго сборника или, лучше сказать, по поводу собранныхъ имъ матеріаловъ такъ какъ изданіе сборника, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не состоялось. Изъ всего собраннаго матеріала В. И. Бѣлый издалъ только повѣсть Стороженка „Марко проклятый“ (Одесса 1879 г.), въ которую вошли XI главъ, написанныхъ Стороженкомъ, а остальные 5 главъ были составлены издателемъ или кѣмъ-либо изъ земляковъ—этого я не могъ узнать,—но однако жъ по плану, составленному Стороженкомъ и сообщенному имъ въ письмахъ къ Бѣлому. Затѣмъ уже по смерти В. И. Бѣлаго нѣкоторые матеріалы, предназначенные для сборника были напечатаны мною въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, другіе остаются до времени въ моемъ портфелѣ. Между прочимъ во Львовскомъ журналѣ „Літературно-науковий вістник“ напечатаны мною тѣ литературныя мелочи Стороженка, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Бѣлому. Что же касается писемъ Стороженка къ В. И. Бѣлому, извѣстныхъ въ печати только лишь по нѣкоторымъ, весьма краткимъ, выдержкамъ изъ нихъ, то эти письма предлагаю почти въ полномъ объемѣ вниманію читателей „Кіевской Старины“, за исключеніемъ мѣстъ, имѣющихъ частный характеръ, и съ тѣми примѣчаніями, какія мнѣ казалось умѣстнымъ сдѣлать для объясненія писемъ.

М. Комаровъ.

№ 1. *13 декабря 1873 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Не нахожу словъ выразить Вамъ мою признательность за Ваше любезное вниманіе къ старому

дидугану присылкою книгъ, которыя доставили мнѣ истинное удовольствіе: „по нашому кажучы: полаталы мени душу".

На счетъ повѣсти, Антонъ Андреевичъ[1]) сказалъ Вамъ отчасти только правду, потому что она не окончена, а написано только XI главъ, а еще слѣдуетъ 9. Повѣсть эта въ формѣ поэмы подъ названіемъ „Марко проклятый"—отверженный скиталецъ, котораго за грѣхи не принимаетъ ни земля, ни адъ. Существуетъ у насъ поговорка „товчеться, якъ Марко по пеклу". Стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда похожденій Марка, и вотъ 30 лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и кое-что собралъ. Каждый народъ имѣетъ своего скитальца: французы—вѣчнаго жида Сантенера, Испанцы—Мельмота, у нѣмцевъ и Англичанъ такъ ихъ много, что не перечтешь, у русскихъ—Кощей безсмертный, а у насъ Марко. И кажется нашъ-то Марко заткнетъ за поясъ всѣхъ скитальцевъ. Чтобы придать болѣе живости и разнообразія поэмѣ, я связалъ ее съ войною 1648 года (возстаніе Хмельницкаго). На сценѣ много историческихъ лицъ: Еремія Вишневецкій, езуитъ Залинскій, княжна Корецкая, князь Четвертинскій, Кривонисъ, Павлюга, Гуня, Свитъ и многіе другіе. Началъ я мою поэму въ то время, когда писалось такъ легко, но когда обрушился на насъ Катонъ[2]) и благонамѣреннымъ нашимъ дѣйствіямъ придали самое безобразное значеніе сепаратизма, я пересталъ писать, какое-то равнодушіе къ „ридній мови" выказалось повсемѣстно, и признаюсь Вамъ, охладѣли на столько мои порывы, что я потерялъ всякую охоту къ тому занятію, которое доставляло мнѣ немалое наслажденіе, просто не подымается рука, хоть поэма моя выношена подъ сердцемъ.

---

[1]) А. А. Глушановскій—пріятель Стороженка, который посвятилъ ему одинъ изъ своихъ разсказовъ „Чортова корчма".

[2]) Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о редакторѣ Московскихъ вѣдомостей Катковѣ, выступившемъ въ 1863 г. съ страстными обличеніями малорусскаго сепаратизма, изобрѣтеннаго впервые еврейскою газетою «Сіонъ». (См. ст. «Основа и вопросъ о національности» - Сіонъ 1861 № 10.

Мнѣ кажется, если-бы кто-нибудь взялся составить сборникъ (въ духѣ хаты Кулиша), то я бы охотно передалъ XI главъ, и если землякамъ понравилось бы мое писаніе, то, можетъ быть, когда продлится вѣкъ, и докончилъ. Нашъ старый батько Гулакъ-Артемовскій, прочитавши Марка, своею рукою написалъ: „зъ роду лучшого не чытавъ и до смерти вже не прочытаю". Може старый и шутковавъ, а може й правду казавъ, не мыни се дило ришаты.

Есть у меня еще нѣсколько стихотвореній Гулака-Артемовскаго, 3 псалма, перелож. на малор. языкъ, пародія на упадокъ вѣка и мелкихъ нѣсколько. Эти стихотворенія очень бы украсили сборникъ.

Посылаю 6 р. и прошу прислать соч. 5 т. Гребенки. Ще спасыби Вамъ за Вашу ласку.

Всею душою до Васъ прыхыльный.

А. Стороженко.

Рs. Колы побачыте Ант. Андре: то поклонится та вылайте, що мовчыть.

№ 2. *13 января 1874 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Нужно отдать Вамъ полную справедливость, большой Вы мастеръ баловать старого дида Вашимъ обязательнымъ вниманіемъ. Опять присылка книгъ, весьма интересныхъ по изданію, и задушевныя строки, которыя полаталы мыни душу на новый рикъ. Спасыби Вамъ, добрый земляче, николы не забуду Вашои ласкы. Не знаю вже чымъ Васъ оддякувать и посвящаю Вамъ мою байку „Куры та собака", вылылась вона на папиръ у ти часы, якъ свята правда переважила виковичню неправду и зачарованый людъ зъ быдла зновъ ставъ людомъ. Дуже буду радъ, колы вона Вамъ подобается, никому я іи не дававъ спысовать, хоча й просылы, и до Васъ дійде першому.

Марка перепышу и Артемовского виршы и прышлю Вамъ. Продолжать Марка тяжело, не подымается рука, нужно что

нибудь особенно сильное, могучее, чтобы двинуло поэму впередъ. Бо й старый вже ставъ, морока и зъ тыею службою, подай Боже сылы и те перепысать, що напысано.

Если нужно для сборника, то можно включить Марка, будетъ листовъ на пять печатанныхъ большого формата. Если же вы думаете сборникъ составить на русскомъ языкѣ, то могу служить Вамъ повѣстью на русскомъ языкѣ.

Хотѣлось бы подольше съ Вами побесѣдовать, но времени нѣтъ, завтра открывается рекрутское присутствіе, на цѣлый мѣсяцъ мученія и дѣла много. Поневолѣ нужно отложить бесѣду на дальше, и подяковавшы Васъ ще разъ и пожелавшы усёго того, що вы добрымъ людямъ желаете, остаюсь всею душою преданный

А. Стороженко.

Куры та собака.

У якогось вельможного пана куры збунтувалысь,
Разкудкудахкалысь, розлютувалысь,
Дарма що куры, а такый гармидеръ пиднялы,
Що трохы курныкà у пень не рознеслы.
На ту добý де не взялась собака,
Дворóвая, не то що гультипака,
Сьмиленько пидбигла до дверей
И такъ загавкала на курей:
„Тю, дурни!.. Чы вы сказылысь
Чого се такъ вы розбисылысь?..
Невдячни!.. Чы ще мало панъ печется
Объ любенькыхъ своихъ курáхъ?
Винъ якъ рыба объ лидъ бьется,
Щобъ вы тыхенько кунялы по куткахъ.
Чого вамъ треба оглашенымъ,
Чого бракуе навиженымъ?
Вамъ курныкъ збудувалы и сидала зробылы,
Щобъ васъ тхоры не йилы, не губылы

По мирци въ день проса высыпають,
Повнисеньке корыто воды налывають,
А тилькы заквокала курочка яка,
То заразъ и яечка пидкладають,
Бо у пана, бачъ, думонька така,
Щобъ курячый вашъ ридъ плодывся,
Благоденствувавъ и веселывся"!..
Рябко хотивъ бувъ ще брехаты,
Курамъ тымъ де що доказаты,
Якъ куры усею громадою загомонили,
Заверещалы и заголосылы:
„А щобъ вамъ благоденствие таке
До вику вичного було,
Тоди-бъ побачылы, яке
Насъ горе оплело!..
Що дня десяткамы въ поварню забырають,
Панамъ на обидъ, на вечерю прыправляють.
И рижуть, и скубуть,
И варять и печуть;
Та нехай бы тилькы панамъ,
А то и всимъ чортáмъ!..
А дворня хиба не ласа
До курячого мяса?
А вы, Рябкы,
Не грызетé наши кисткы?..
Такъ колы насъ бережуть,
Годують и стережуть,
То для тіеи тилькы справы,
Щобъ мы смачнійшъ булы въ потрави!
Та нехай бы вже хочъ мовчалы
И байдыкамы насъ не улещалы,
А то ще ту ману у вичи напускають
И тымъ благоденствіемъ докоряють"!..
На видповидь таку Рябко не ставъ уже брехаты,
Та, правду кажучы, нычого було й казаты,

И тилькы прогарчавъ: яки теперенькы чудніи куры сталы:

Бачъ, чого схотилось, щобъ йисты ихъ перестали!

1860 р. Санжары.

О. Стороженко.

№ 3. *15 февраля 1874 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Причины замедленія въ отвѣтѣ вполнѣ достаточныя. Поздравляю и желаю отъ всей души побольше цвѣтовъ на жизненномъ пути Вашимъ новобрачнымъ.

Нездужаю,—простудился во время встрѣчи Государя и надсадился во время рекрутскаго набора; такъ чтобы по аккуратнѣй изложить все, что слѣдуетъ,—буду писать по пунктамъ.

1. Посылаю Вамъ Марка 4 главы, переписанныя мною,—можете оставить у себя, а остальныя 7 перепишите и пришлите ихъ ко мнѣ, авось, можетъ быть, когда Богъ продлитъ вѣку, да у меня сердце отойдетъ, то можно будетъ и кончить. Во всякомъ случаѣ, если будете издавать сборникъ, о которомъ пишете, то печатайте; развѣ у насъ въ литературѣ мало такихъ примѣровъ, что печатается нѣсколько главъ изъ романа. Въ арабескахъ Гоголя напечатана одна глава изъ его романа Миргор. пол. Глечикъ. [1])

2. Гулака-Артемовскаго только и нашелъ, что посылаю. Было больше, но вѣроятно прикарманили тѣ, которые брали переписывать.

3. Посылаю мой портретъ 1864 года и карточку 1872-го года. Послѣднія таки уцѣлѣли. Въ свою очередь прошу и Вашу карточку, а въ случаѣ неисполненія, также съумѣемъ процессъ съ Вами завести. Я съ нетерпѣніемъ желаю полюбоваться чертами моего любого и щырого земляка, доставившаго мнѣ такъ много утѣшеній на чужбинѣ своимъ привѣтливымъ словомъ.

---

[1]) Вѣроятно изъ романа подъ заг. „Гетьманъ“, гдѣ Миргородскій полковникъ Глечикъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. См. соч. Гоголя изд. 10 подъ. ред. Н. Тихонравова. Т. V 1889 г. стр. 130.

4. Стороженко, о которомъ вы пишите, двоюродный мой братъ, Андрей Яковлевичъ. [1]) Былъ сначала въ Варшавѣ военнымъ генералъ-полицмейстеромъ, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. На сына сердился онъ за то, что онъ, бывши уже поруч. Семеновскаго полка, оставилъ гвардію и поступилъ студентомъ въ Дерптскій университетъ. Братъ часто мнѣ на него жаловался: „Не будетъ изъ него никакого прока", обыкновенно говорилъ онъ, „представь себѣ, поѣхалъ онъ заграницу; я ему на вояжъ далъ 3 т.; что-же ты думаешь?—возвратился назадъ и привезъ мнѣ тысячу, которую не одолѣлъ издержать. Ну скажи, еслибы наши батьки дали бы намъ грошей, то хиба дулю пидъ нисъ довелось имъ одъ насъ побачить, а грошей выбачай.

5. Спасыби за брошюрку. Только она очень коротка, а предметъ, о которомъ идетъ дѣло, громаденъ.

6. Лышко тяжке съ тимъ генералъ-губенаторствомъ,—розсыпалось воно зъ тимъ нещастнымъ людомъ, що тепереньки деяки не тильки зостаются, якъ А: А: Г. безъ портфеля, а и безъ штанивъ. Шутка-ли содержаніе генер.-губернаторства въ Одессѣ стоило казнѣ около 300 т.... Сколько пришлось челюстей съ зубами положить на полку?

Бачыте, коханый земляче, пишучи до Васъ и хворобу свою забувъ. Пышить, голубчику, та тилькы цуръ не титуловать мене тимъ превосходительствомъ, нехай ёму аби що мижъ нами. Бувайте здорови. Усею душою прыхильный до Васъ

А. Стороженко.

№ 4. *25 февраля 1874 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Любезное Ваше письмо отъ 20 февраля я получилъ очень скоро—22 вечеромъ. Слава Богу, что все получили исправно и остались довольны.

---

[2]) См. о немъ Кіев. Ст. 1896 г. 5, 8 и 10—Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженко—Н. С—ка и Рус. Архивъ 1873 г. т. 2—Воспоминанія объ А. Я. Стороженкѣ—Н. Ушакова.

Здоровье мое по *трохи* поправляется, но еще не выѣзжаю. Не обвиняйте меня въ напрасныхъ жалобахъ на нездоровье,—я страдаю болѣзнію сердца, которое отъ продолжительнаго употребленія (68 лѣтъ) износилось порядочно. Если еще маюсь на свѣтѣ, то силою, данною мнѣ при рожденіи; не такъ давно еще я сгиналъ двугривенные, разгиналъ подковы и носилъ на гору 10 пудовъ. Короче—былъ когда то козакъ, а теперь *казна-що*.

Говорилъ я о сборникѣ, по случаю вашего заявленія издать оный для поддержанія или основанія школы въ память достойной дѣятельности Вашего брата. Впрочемъ, не знаю, понялъ ли я хорошо выраженное Вами въ письмѣ, и писалъ, что Марка можно помѣстить и въ 11 главахъ.

Карточку Вашу ожидаю съ нетерпѣніемъ. Гдѣ Антонъ Андреевичъ и що зъ нимъ *дiецця*?

Поправляйтесь и Вы отъ простуды, та й *бувайте* здоровы.

Всею душою Васъ любящій и уважающій

А. Стороженко.

№ 5. *8 марта 1874 г.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Надобно вамъ отдать полную справедливость, большой вы баловникъ: ну скажите на милость, даже стали лакомить меня виноградомъ, *да якимъ солодкимъ якого у насъ и въ Варшави не знайты*. Вышло совершенно по пословицѣ: „не дорогъ твой подарокъ, а дорога твоя любовь“, вниманіе. *Спасыби Вамъ, мій друже, за Вашу ласку.*

Отзывы ваши о Маркѣ еще слаще винограда, но, положа руку на сердце, съ полнымъ смиреніемъ заявляю, что особеннаго достоинства и значенія моему творенію, какъ неоконченному, не придаю и не считаю себя въ правѣ принимать незаслуженныя похвалы. Я, кажется, писалъ уже Вамъ, что Марка я выносилъ подъ сердцемъ, а между тѣмъ не кончилъ. Какая тому была причина, я Вамъ признаюсь и да останется это признаніе между нами тайной. Въ 1863 году вышли въ свѣтъ мои украинскія оповиданія. Вслѣдъ за ихъ появленіемъ явилась въ Современ-

никѣ,[1]) не критическій разборъ, а просто ругня и наглая ложь. Видно было, что критикъ даже не читалъ оповиданій и не зналъ, что они въ 2 частяхъ.—Я мало обратилъ вниманія на выходку Современника, но возстали другіе, и, представьте, изъ русскихъ, между тѣмъ какъ наши: Кулишъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій и tutti quanti, занимались восхваленіемъ Марка Вовчка, а за меня не наёршилась ни одна украинская душа. Съ тѣхъ поръ я далъ честное слово прекратить писанье на родномъ языкѣ и, какъ видите, сдержалъ слово.

Поговоримъ теперь о сборникѣ и о Маркѣ. Разскажу вамъ о планѣ поэмы и еще кой о чемъ.

По моему крайнему разумѣнію, сборникъ долженъ имѣть названіе независимое отъ какой-либо статьи въ немъ помѣщаемой. Назовите сборникъ какъ хотите: Будинокъ, Куринь, де-що, вискребки и т. п., а затѣмъ, что есть, то и помѣщается съ отмѣткою имени автора. Необходимо, чтобы сборникъ составилъ не менѣе 25-ти печатныхъ листовъ, а въ страницѣ 1500 или 1600 буквъ.

Марка печатать 9-ть главъ. 4 главы составляютъ экспозицію и 5 будетъ дѣйствія. Главы: X и XI относятся къ эпизоду, который сгруппируется изъ 5 главъ. Въ этотъ эпизодъ, кромѣ событій, описанныхъ въ X и XI глав., войдутъ слѣдующія произведенія: формированіе Павлюгою (Кобзою) загона, военнаго совѣта о нападеніи на Еремію, размѣщеніе загоновъ на позицію, к. Четвертинскій съ женою попадаютъ въ руки Павлюги, смуты въ загонѣ Вишневецкаго, извѣстія о разбитіи Хмельницкимъ подъ Корсунемъ двухъ гетмановъ, Еремія получаетъ секурсъ 3 т. кварцяного войска; нападеніе на замокъ, битва, появленіе Марка, замокъ взятъ штурмомъ, рѣзня, Еремія бѣжитъ и наконецъ смерть полк. Гуни. Слѣдующій затѣмъ эпизодъ группируется изъ 4 главъ. Въ нихъ войдутъ слѣдующія происшествія: отступленіе Ереміи, который, какъ искусный полководецъ, обманываетъ козаковъ и благополучно переправляется черезъ Днѣпръ, Богданъ Хмельницкій въ Бѣлой-Церкви, его универсалы. Паны, пораженные

[1]) Современникъ 1863 г кн. 8: «Русская литература», стр. 129.

паникой, разбѣгаются по своимъ замкамъ и приводятъ ихъ въ оборонительное положеніе. Хмельницкій направляетъ загоны на замки пановъ, Кривоносъ и Павлюга идутъ на Немировъ, резиденцію к. Четвертинскаго. Взятіе приступомъ Немирова, безпощадная рѣзня, убіеніе к. Четвертинскаго, бенкетъ козаковъ. Павлюга (Кобза) женится на княгинѣ Четвертинской. Эти 4 главы основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которыя и теперь еще живутъ въ изустномъ преданіи народа.

Передамъ вамъ хоть вкратцѣ кое-что изъ этихъ преданій, разсказанныхъ мнѣ еще въ 1825 году, во время стоянки нашего полка въ Немировѣ, слѣпымъ 98 лѣтнимъ священникомъ, который на 9 году своего возраста былъ *поводатаремъ* у своего прадѣда, также слѣпого столѣтняго дѣдугана, самовидца Немировской рѣзни, козацкаго бенкета въ замкѣ и распѣвавшаго *Исаія ликуй*, когда вѣнчали Павлюгу (Кобзу) съ к. Четвертинской. Вотъ какъ прадѣдъ передавалъ ему эти интересныя продѣлки героевъ 1648 года.

„За недѣлю до Ильи пришли Вовхурянцы, а тамъ загонъ Павлюги, и осадили Немировъ. Со всей околицы въ городъ собралась шляхта, защитниковъ было довольно, и потому два штурма ляхи отразили съ большою потерею для козаковъ. Въ самый день пр. Ильи, на зарѣ, послѣдовалъ третій штурмъ, и козаки ворвались въ городъ. Кривоносъ съ своими Вовхурянцами мегнулся на грабежъ и убійства по городу, а Павлюга направился къ укрѣпленному замку к. Четвертинскаго, окруженному высокою стѣною, вооруженною самопалами, гаковницами и гарматами. Да и задали же козаки лупку шляхтѣ и жидамъ! Болѣе 20 т. лоскомъ положили, не было пощады ни старому, ни малому; рѣзали мать, рѣзали и ребенка на ея груди. На третій день пришли къ Кривоносу Вовхурянцы съ донесеніемъ, что всѣхъ ляховъ и жидовъ вырѣзали,—осталась въ живыхъ только одна жидовка.

— Чому-жъ и еи не заризалы?—спытавъ Крывонисъ.

— Тамъ така гарна, матери ій лыхо,—одказали козаки, що не пиднялась ни въ одного й рука...

— Якъ бачу, голопузи вы пуцьвирынкы, а не козакы,— скрыкнувъ Крывонисъ,—приведить лышень ій до мене, такъ побачыте, якъ подыймается рука и на гарну.

Привели жидовку, дѣвушку лѣтъ 17-ти, стройную, поразительной красоты. Свирѣпымъ взглядомъ окинулъ ее Кривоносъ, но и жидовка безъ страха глядѣла ему прямо въ глаза. А когда Кривоносъ, выхвативши саблю, приблизился къ ней, то ея лицо освѣтилось радостною улыбкою; она быстро одною рукою сорвала съ плечъ платокъ, а другою подобрала длинную, чорную какъ гайворонъ косу и, обнаживъ нѣжную шейку, склонила голову передъ Кривоносомъ. Несчастная сама жаждала смерти: все для нея дорогое погибло, осталась только ненавистная жизнь, ожидалъ позоръ.

— Бачъ, чого схотилось,—гримнулъ Крывонисъ, вкладывая въ ножны саблю,—не буде-жъ по твоему.

Жидовка кинулась на колѣни предъ Кривоносомъ и умоляла его убить ее, но Кривоносъ впился въ нее своимъ взглядомъ и, казалось, не слышалъ ея словъ.

— Справди, гарна,—пробормоталъ онъ и, обращаясь къ козакамъ, добавилъ: одвесты въ мій куринь.

Пока Павлюга осаждалъ замокъ, вовхурянцы пьянствовали и дѣлились награбленнымъ имуществомъ, а Кривоносъ, тѣмъ временемъ, возился съ своею жидовкою, *якъ китъ зъ оселедцемъ*. Носа не вытыкалъ изъ своего куреня и не участвовалъ въ бенкетахъ товарищества.

Наконецъ, загонъ Павлюги разрушилъ замковую браму и взялъ замокъ на копье. Въ замкѣ попрятались значные паны и духовенство, и въ нѣсколько часовъ все было вырѣзано вмѣстѣ съ жолнерами. Самого к. Четвертинскаго за чубъ вытащили изъ палаца и около крыльца отрубили топоромъ голову. Осталась въ живыхъ только княгиня, которую прибралъ къ рукамъ Павлюга.

Вечеромъ, того же дня, собрались въ замокъ козаки на бенкетъ. Было чѣмъ и угощать: княжескіе кухари готовили вечерю, изъ подвала замка цѣлыми бочками вкачивали въ залы мальвазію, токай, старые меды и рейнское. Когда компанія не-

много подгуляла, на Кривоноса посыпались насмѣшки и язвительные намеки за предосудительную связь его съ жидовкою. Кривоносъ самъ сознавалъ свою вину и ясно видѣлъ, что терялъ своимъ поступкомъ довѣріе товарищества. И вотъ онъ рѣшился во-что-бы ни стало, снова возстановить свой авторитетъ. Онъ приказалъ разрядить жидовку въ пухъ и прахъ и привести въ замокъ.

Явилась жидовка разодѣтая въ самое роскошное платье изъ гардероба к. Четвертинской. Длинная коса до колѣнъ была распущена и голова украшалась только вѣночкомъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Чтобы лучше можно было ее разсмотрѣть, Кривоносъ поставилъ ее на столъ по срединѣ залы и самъ сталъ возлѣ нея по правой ея сторонѣ.

— Ось вамъ, паны-молодци, и жыдивка,—крикнулъ Кривоносъ, якъ бачыте, не бороню ій и не ховаю; у кого пидыймется рука, нехай той и збавыть ій вику!

Козаки сбились около стола и любовались красотою жидовки. Мщеніемъ и кровью насытились они вдоволь, такъ что, если бы теперь привели не то красивую жидовку, а сквернаго жида или ляха, то и на того не поднялась бы ни у кого рука.

— Чого-жъ мовчыте, та зубы скалыте,—съ злобою проговорилъ Кривоносъ, подбирая лѣвою рукою косу,—рижте, стриляйте—на те и прывивъ сюды жыдивку?

— Колы доси не заризалы,—озвалысь де-яки,—дакъ нехай жыветь небога...

— Нехай жыветь, нехай жыветь!..—раздался общій говоръ козачества.

— Ну, дакъ не корить же й мене!..

Съ послѣднимъ словомъ, шваркнула изъ ноженъ сабля, сверкнула, голова жидовки на аршинъ поднялась къ верху, а трупъ, изрыгая фонтаномъ кровь, грохнулся на полъ. Толпа поспѣшно отхлынула назадъ и съ ужасомъ глядѣла на Кривоноса.

— Товарыши,—гаркнулъ Кривоносъ, потрясая саблей,—ся шабля перетяла ланцюги кохання, чы вдержатся-жъ видъ неи лядскіи кайданы?!..

— Ай, отаманъ, ай, отаманъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ. Вовхурянцы кинулись къ своему отаману, сняли его со стола и долго колыхали на рукахъ, восхваляя его геройскій подвигъ.

Бенкетъ продолжался, вино болѣе и болѣе разжигало страсти, и вотъ посыпались насмѣшки и укоризны и на Павлюгу. Не одни Вовхурянцы, а и многіе изъ загона Павлюги потребовали отъ него, чтобы онъ вывелъ передъ товарищество свою коханку княгиню и расправился съ нею, какъ съ жидивкою Кривоносъ. Павлюга, не смутясь, отвѣчалъ козакамъ, что на сегодня довольно и одной жидовки, а завтра утромъ выведетъ на замковый майданъ княгиню и порѣшитъ съ нею, какъ Богъ ему на сердце положитъ.

На другой день, съ утра, замковая площадь покрылась козаками и православнымъ народомъ. Ближе къ крыльцу палаца былъ поставленъ аналой съ образами и зажженными свѣчами, а также собралось духовенство съ клиромъ въ полномъ облаченіи. Когда явились отаманы и войсковая старшина, отслужили благодарственный молебенъ за ниспосланную Господомъ побѣду, а потомъ подошелъ къ аналою Павлюга, ведя за руку к. Четвертинскую. Княгиня была въ украинскомъ костюмѣ: въ шелковой плахтѣ, малиноваго бархата шушунѣ, обшитомъ золотыми снурками, а голова украшалась парчевою кибалкою, обвитой тончайшимъ, какъ паутина, серпанкомъ.

Такой красивой пары, разсказывалъ прадѣдъ, ему не приходилось на вѣку встрѣчать. Княгиня только была очень печальна. Слезы ручьемъ лились изъ очей и обливали жемчугъ и самоцвѣты, горѣвшіе на высокой ея груди. Когда обрядъ вѣнчанія совершился, Павлюга обнажилъ свой мечъ-кладенецъ. Козаки съ искаженными отъ ужаса лицами, глядѣли на отамана, у всѣхъ похолодѣло на душѣ, каждый не забылъ еще обезглавленной жидовки.

— Паны-молодци, гаркнулъ Павлюга, указывая на молодыцю,—передъ вами не княгиня, а козачка, жинка моя, просымо поважать ии, а колы якый необачный скрывдыть ии словомъ або

поглядомъ, то я ёму отсіею шаблею также одчешу голову, якъ учора Крывонисъ одчесавъ голову жыдивци!

— Ай, отаманъ!—загудѣла толпа. Шапки полетѣли къ верху и молодыхъ ввели въ палацъ съ почотомъ, и свадьбу отпраздновали какъ слѣдуетъ по обычаю".

Не правда-ли, матеріалъ для повѣсти великолѣпенъ. Въ поэмѣ онъ далъ бы мнѣ золотые страницы.

Остальныя затѣмъ главы посвящаются преимущественно Марку. Страшный его бой съ Кривоносомъ, котораго онъ убиваетъ, а потомъ рядъ христіанскихъ подвиговъ,—истинное покложеніе, смывающее проклятіе. Поэма оканчивается эпилогомъ.

Записался и заболтался. Возвратимся къ сборнику.

Если украинскаго матеріала не хватитъ на 25 печ. лист., то можно помѣстить статейки и на русскомъ. Можно будетъ обратиться и къ Кулишу,—вѣроятно съ нимъ знакомы,—и попросить у него какую-нибудь стат.: онъ человѣкъ запасный, а коли нѣтъ, то не долго думавши напишетъ.

Присылайте вашу Зозулю,[1])—увѣренъ что она удачна. Богъ въ помощь на рисунки къ Марку; если возможно пришлите адресы, чтобы можно было по нимъ составить понятіе. Я и самъ, какъ художникъ, кое-что маракую по этой части и даже за скульптуру получилъ въ Ак. Худ. медаль, а за проэктъ памятника Нестору лѣтоп. званіе художника.

Не думаю, чтобы можно было встрѣтить какіе-нибудь затрудненія при печатаніи Марка со стороны цензуры. Напротивъ, въ IV главѣ съ такимъ сочувствіемъ говорится о соединеніи Россіи съ Украиною. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Вамъ лучше знать, гдѣ печатать. Вы спрашиваете меня объ условіяхъ въ случаѣ печатанія. Предоставляю это вамъ самимъ рѣшить, съ

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о популярной пѣснѣ П. И. Нищинскаго «Закувала та сыва зозуля», напечатанной затѣмъ въ 1886 г. въ музыкальной пьесѣ П. И. Нищинскаго подъ заг. «Вечерныци» — Кіевъ, изд. Б. Корейво.

однимъ только условіемъ, чтобы вознагражденіе было самое умѣренное и незначительное. Всѣ гонораріи, которые я получаю, не принадлежатъ мнѣ, а моимъ бѣднымъ.

Не откажите сообщить, какой эфектъ произвелъ на слушателей при чтеніи 28 страницы?

Отъ всей души благодарю за поклоны и за то въ особенности, что назвали меня—бобыля своимъ. Теперь и я попрошу Васъ поклониться *нашимъ*.

Написалъ бы я вамъ и о своемъ кумѣ, (?) котораго мнѣ Богъ послалъ въ Брестѣ, написалъ бы и о Гюпферахъ, (?) съ которыми въ 1865 г. возился въ Таврической губерніи, но утомился и дальнѣйшее писаніе отлагаю на дальше.

Карточки ожидаю съ нетерпѣніемъ да не Вашу одну, а всего Вашего семейства.

Бувайте здорови. Всею душею прихильный А. Стороженко.

Гулаку-Артемовскому очень не нравилось направленіе украинской литературы, направленной къ восхваленію *козащины*, вызванной въ краѣ бѣдствіями и преслѣдованіемъ православія, козащины, принесшей съ собою и панство, и крипатство и въ настоящемъ времени потерявшей всякое политическое и соціальное значеніе. Въ посланіи къ Пантелеймону Александровичу Кулишу Артемовскій очень мѣтко, съ свойственнымъ его таланту юморомъ, посмѣялся надъ всѣми козако-любцами минувшаго времени. Вотъ оно, переданное мнѣ авторомъ и писанное собственною его рукою.

До П. А. К.

Тай хвацька жъ то колысь була,
Козацькая наша маты,
Эге... була, та поплыла,
Іи не вертаты.
Не слынь, Паньку, и не журысь,
Бо й слизъ пожалысь, Боже,
Наймы псалтыръ та помолысь—
Журба не поможе.

Ткны попови коповыка,
На содухы въ церкви,
Щобъ лежалы мовчака,
Въ сырій земли мертви.
Тай ты зъ попомъ хочъ у кулакъ,
Прохлыпай партесне, [1])
А щожъ робыть, що сталось такъ,
Царство ій небесне!...

Гулакъ-Артемовскій.

Это стихотвореніе будетъ золотою страницею для сборника.

№ 6. *13 марта 1874 г.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Послѣдними письмами мы какъ-то разошлись. Едва отправилъ къ Вамъ мою обширную эпистолу, какъ получилъ отъ Васъ письмо и табакъ.

Насчетъ карточекъ мнѣ болѣе ничего не остается, какъ благодарить добрыхъ моихъ земляковъ за желаніе имѣть мое изображеніе. А что касается до окончанія Марка, то къ тому, что писалъ Вамъ въ предыдущемъ письмѣ, прибавляю: что съ 1863 г. по 1870 сильно меня понукало продолжать; не знаю, какъ смогъ я удержаться отъ этого литературнаго давленія, но съ 70 года успокоился и за послѣдніе 3 года многое даже вывѣтрилось изъ выношеннаго подъ сердцемъ.

Переводчикъ *Золотаренки* плохо владѣетъ языкомъ, „Де що про козацство и украину“ тоже неудачно. Кто это Л. Б.? [2])

Антонъ Андреевичъ всегда былъ падокъ на барынь, но былъ довольно акуратенъ и въ перепискѣ съ друзьями, а теперь какъ то разбаловался. Когда увидитесь съ нимъ, пожурите, и какъ заѣдетъ ко мнѣ въ Тишинъ, ѣхавши на сенаторство въ

---

[1]) Нотное пѣніе.—Примѣчаніе въ подлинникѣ.

[2]) Въ 1874 г. издана была въ Кіевѣ книжечка: „Ниженський полковникъ Иванъ Золотаренко. Повисть Е. Гребинки. Перевивъ Л. Б. Зъ додаткомъ „Де-що про козацство и Украину“, которая, вѣроятно, и послана была В. И. Бѣлымъ А. П. Стороженку, какъ новинка.

Варшаву, то я приготовилъ ему наказаніе, такую ему покажу землячку, что у него и очи рогомъ полизуть.

Здоровье мое поправилось, но старость сама по себѣ есть уже болѣзнь. Не думайте, чтобы я былъ мнителенъ, я никогда о себѣ не хлопоталъ и умирать готовъ хоть сію минуту. Такова, видите, козачья натура. Поберегайте Ваше здоровье, у Васъ семейство: есть для кого жить и работать, а я вильный козакъ: жилъ-жилъ а потомъ взялъ да и умеръ!

Почтеннѣйшему Вашему семейству свидѣтельствую мой нижайшій поклонъ. Ожидаю карточекъ.

Будьте здоровы и благополучны. Всею душою преданный

А. Стороженко.

№ 7. *1 апрѣля 1874 г.*

Христосъ Воскресъ! Достойнѣйшій и многоуважаемый Василій Ивановичъ:

Желаю Вамъ всего лучшаго на свѣтѣ, въ томъ числѣ, въ особенности, здоровья и охраны отъ надувалъ. Странно, всегда и мы себя и другіе обвиняютъ тѣхъ, которыхъ надули, а не тѣхъ, которые надуваютъ. „Зачѣмъ, говорятъ, довѣрили“? Да какъ же можно жить на свѣтѣ не вѣривши...

Благодарю Васъ за совѣты лѣченія, но они мнѣ не принесутъ пользы. У меня просто аневризма въ сердцѣ, произшедшая отъ контузіи 2 маія 1829 года подъ Журжою. Въ Парижѣ мнѣ сказали медики: „старайтесь съ этимъ недугомъ жить“. Вотъ я и стараюсь, хотя иногда и плохо приходится. Въ 1863 г. наши украинско-литературныя дѣла вовсе не были въ дурномъ положеніи въ отношеніи правительства. Это мнѣ достовѣрно извѣстно потому, что я былъ дѣйствительнымъ и довѣреннымъ лицомъ Валуева. Валуевъ —человѣкъ умный, и прозорливый; онъ очень хорошо понимаетъ, что наше писанье никакого вреда не могло причинить Россіи. „Основа“ же прекратилась въ слѣдствіе неспособности и несостоятельности редактора Бѣлозерскаго и такихъ ярыхъ сотрудниковъ какъ Кулишъ, вооружившихъ зем-

ляковъ своими непослѣдовательными статьями противъ Котляревскаго, Гулака, Полуботка и проч. Въ 1863 году за сепаратизмъ сильно досталось Каткову и строго запрещено писать. Это произошло вотъ по какому случаю. При обыскѣ, въ Вильно, одного патріота, отыскали по 200 экземпляровъ (Московскихъ вѣдомостей о сепаратизмѣ) каждаго (3 №) номера и при нихъ, письмо еще неотправленное. Въ этомъ письмѣ писалось въ Парижъ: „Посылаю Вамъ по 200 № каждаго № для распространенія, чтобы вы могли убѣдиться, какъ быстро разлагается Россія. Въ справедливости писаннаго не сомнѣваюсь, потому что это статьи извѣстнаго публициста Каткова, человѣка преданнаго правительству и Россіи.“ Вотъ М. Н. Муравьевъ и поднялся на дыбы, и тогда Катковъ много грязи съѣлъ. Стегали же Каткова немилосердно въ 62 и 63 годахъ Костомаровъ и Мордовцевъ, и вовсе того не было, о чемъ разсказывалъ Вамъ докторъ Задирака. (?)

Если для сборника не хватитъ на 25 л. то можно уменьшить число буквъ на страницахъ и листа на 2 въ толщину. Не нужно ли Вамъ статей на русскомъ языкѣ?

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Вашихъ карточекъ. Что рисунки изъ Марка? а также Зозуля?

Всему Вашему семейству низкій поклонъ и дружескій привѣтъ. Бувайте здоровы та не лайте, що такъ пышу швыдко и не до шмыгы.

Всею душою прихыльный А. Стороженко.

№ 8. *16 мая Брестъ.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Разъѣзды по уѣзду, для устройства помѣщеній для нашего бездомнаго духовенства съ причтами, поглотили много времени и лишили меня возможности писать къ Вамъ. Забравшись на полѣсье, во время сильныхъ и продолжительныхъ дождей и холодовъ, принужденъ былъ по недѣлѣ сидѣть на мѣстѣ. Еще на бѣду взялъ съ собою складчину, надѣясь найти въ ней какое либо развлеченіе, но

оказалось, что эта богопротивная складчина, [1]) отвратительнѣй полѣсскаго болота. Да, надобно отдать справедливость нашимъ литераторамъ: удрали такую штуку, учинили такой позоръ, что и читатели за нихъ краснѣютъ. За то стиховъ, стиховъ, а говорятъ у насъ поэтовъ нѣтъ. Но да проститъ ихъ Богъ, если они не преподали духовной пищи, то накормили матеріально сотню другую голодающихъ.

Вы также довгенько помалчивалы; я уже безпокоился за Ваше здоровье, мнѣ даже сонъ снился, что я съ Вами видѣлся и физіономія Ваша такъ врѣзалась въ мою память, что и теперь Васъ вижу: сѣдые волосы довольно коротко острижены, глаза каріе благодушные; привѣтливая улыбка; росту средняго, немного сутуловатый. [2]) Въ сертукѣ коричневого цвѣта съ бархатнымъ чорнымъ воротникомъ. Представилъ Васъ другой мущина лѣтъ за 30, въ черномъ сертукѣ съ зеленоватыми большими глазами, немного носъ съ горбомъ.

— Прошу полюбить,—сказалъ онъ, В. И. Бѣлаго; вотъ онъ передъ Вами на лицо.

— Опоздали съ предложеніемъ,—отвѣчалъ я,—я уже давно полюбилъ В. И., какъ родного.

На этомъ меня разбудили. Я увѣренъ, что карточка Ваша будетъ похожа на Васъ, какъ видѣлъ во снѣ. Это со мною не разъ въ жизни случалось.

Спасыби Вамъ за брошюру, только она ужъ черезчуръ безцвѣтна и юмора въ ней очень мало. Такія вещи не легко писать, они рѣдко удаются.

Въ іюнѣ или іюлѣ пойдетъ мой романъ въ Русск. Вѣстникѣ „Былое не минувшее“, и еще другая забавная повѣсть, которую пристроилъ въ Петербургѣ.

По возвращеніи изъ поѣздки опять хворать началъ. Здоровье очень оплошало; кости просятся на покой. На долго ли и когда поѣдете въ Петербургъ?

---

[1]) Литературный сборникъ „Складчина“, изданный въ пользу голодающихъ.

[2]) Въ общемъ портретъ В. И. Бѣлаго довольно вѣрный.

Ожидаю карточки. Вылайте А: А: Глушановскаго чомъ винъ не йиде у Варшаву. Теперечки дуже великій моръ на губернаторивъ и богацько вакансій, колы Коцеба, якъ зовуть ёго у Варшави, знае его за чоловьяку чесного и розумного.

Кланяюсь Вашимъ, не забувайте старого дида, усимъ серцемъ до Васъ прыхильного А. Стороженко.

№ 9. *7 іюня 1874 г.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Изъ послѣдняго письма моего Вы знаете причину молчанія и, конечно, сомнѣнія Ваши разсѣялись. Кромѣ самой сильной благодарности и пріязни за Ваше ко мнѣ вниманіе, я другого, враждебнаго, чувства не могу къ Вамъ питать. Вотъ и теперь все хотѣлъ писать къ Вамъ, а тутъ дѣла по воинской повинности озаботили меня до такой степени, что всѣ дѣла пришлось бросить. Бѣда! все теперь валятъ на предводителей дворанства, а средствъ никакихъ не даютъ.

Что это Вы все хвораете? Дѣло другое я: мнѣ 68 лѣтъ и хоть у меня и отекли ноги, но я все еще движусь и не жалуюсь.

Валуевъ никогда не просилъ Костомарова оставить всякое участіе въ украинской литературѣ, да и никого объ этомъ не просилъ, а совѣтовалъ ему прекратить устройство школъ исключительно для одного малорус. языка. Костомаровъ былъ избранъ тогда собирателемъ доброхотныхъ приношеній на украинск. школы. Очень понятно, что въ то время устройство подобныхъ школъ могло вызвать со стороны Каткова и ком. новые нелѣпые предлоги къ сепаратизму. Вы пишете, чтобы я попросилъ Костомарова что-нибудь для сборника. Напишу ему, но предваряю, что надежда плоха. Какъ беллетристъ, Костомаровъ, очень плохъ, особенно же на малорусск. языкѣ, всѣ же его ученыя статьи теперь довольно велики, и онъ болѣе не пишетъ маленькихъ, какъ прежде. Кромѣ того лѣнивъ въ перепискѣ, и случалось

такъ, что отвѣчалъ мнѣ на письма, когда я писалъ Кожанчикову, отъ чего нѣтъ отвѣта.

О книжкѣ Нечуя [1]) ничего не слыхалъ, много обяжете прислави. Изъ Москвы получилъ пренепріятное письмо. Печатаніе моего романа *Былое не минувшее* отложено, на томъ основаніи, что въ Р. В. шелъ романъ изъ польс. револ. Крестовскаго „Двѣ силы". Водили почти годъ и ничего не вышло, еще протянули на полъгода. Бувайтежъ здоровы та не забувайте старого дида. Нызенько кланяюсь Вашымъ. Всею душою прихыльный

А. Стороженко.

№ 10. *22 іюня 1874 г.*

Многоуваемый Василій Ивановичъ! Не гнѣвайтесь за продолжительное молчаніе. Безпрестанные разъѣзды причиною тому. Ѣздилъ въ Варшаву во время пребыванія Государя, а потомъ въ Вильну, попрощался съ Потаповымъ, которой назначался Шефомъ Жандармовъ. Потомъ, какъ водится теперь со мною *занедужавъ*, а тамъ наѣхали добрые люди и, ударивши лихомъ объ землю, вспомнили былое и провели время незамѣтивши, какъ оно промелькнуло.

Милое Ваше вниманіе, достойнѣйшій Василій Ивановичъ, и безчисленныя одолженія такъ велики, что, право, не припомнишь за что и благодарить слѣдуетъ. Благодарю за соч. Нечуя; явленіе въ нашей родной литературѣ весьма отрадное. Благодарю и за карточки; только какъ я ни приглядывался, а сходства между ними никакого: 62 года, похожъ на нѣмца а послѣдній настоящій типъ украинскій—козарлюга хоть куда.

Жаль мнѣ Милорадовички; славная вона пани, съ душою теплою и щирою. Во время оно, когда еще волочился, я написалъ ей въ альбомъ и сравнилъ ее съ нашею матерью Украиной. Не помню всего стихотворенія, а Украину я представилъ въ слѣдующихъ очертаніяхъ.

---

[1]) Вѣроятно: «Повисти Івана Нечуя», Т. I у Львовѣ: 1872. (Дви московки. Причепа. Рибалка Панасъ Круть).

Була гарна наша маты,
Значна, сановита,
Сынимъ небомъ заквитчалась,
Зъ стёпу сукню мала,
Лисѣмы вбыралась
И стёжкою блакытною
Въ косы Днипръ вплитала.
Була гарна наша маты,
Пышно, велычаво,
Въ Случи оченькы вмывала,
Въ Чорнимъ мори нижкы
И видъ Дону до Карпата
Слала соби лижко...

—

Ваши слова да Богу въ уши. Якъ бы справди плюнулы въ хату старого дида, велыку радисть прывезлы-бъ съ собою.

Будьте здоровы и благополучны и да пошлетъ Вамъ Господь терпѣніе переносить мелкія невзгоды. Перемелется и все будетъ мука.

Пишите, не забывайте старого дида всею душою Вамъ прихильнаго.

А. Стороженко.

№ 11. *17 августа.*

Достойный и многоуважаемый Василій Ивановичъ! Душевно благодаренъ за присланные Вами *шпаргалы*, относящіеся къ Запорожскому кошу. Они очень интересны, въ нихъ проливается свѣтъ на событія, которыя были поводомъ къ уничтоженію сѣчи, до сихъ поръ еще не разъясненныя какъ слѣдовало бы, нашими историками. У Скальковскаго этотъ предметъ подернутъ тьмою, по нашему *мряковатый*. Намѣреніе мое обработать шпаргалы по возможности, кое-что разъяснить и послать на печатаніе въ Русскую Старину. Одобрите-ли такое рѣшеніе?

Марка получилъ, но при моихъ черновыхъ приложены переписанныя главы. Вѣроятно они присланы по ошибкѣ и не слѣдуетъ-ли Вамъ ихъ возвратить?

Все лѣто я хворалъ, поправлюсь и опять плохо приходится. Къ осени однакожъ мнѣ лучше, сердце успокоилось, отекъ ногъ прошелъ, осталась только худоба, но и это поправляется, есть аппетитъ и кажется прійдется еще помаяться на свѣтѣ.

Августъ у насъ прохладный и скучный; неурожай на фрукты обѣщаетъ самую непріятную осень. Докторъ мнѣ совѣтуетъ побольше ѣсть арбузы и виноградъ, который намъ въ это время въ изобиліи доставляли изъ Венгріи, а теперь и невидать и неслыхать въ привозѣ. Нельзя ли, на мой счетъ, прислать десятка два или три Алешковскихъ *кавуновъ*. Полагаю, у Васъ въ Одессѣ они дешевы и не дорого будетъ стоить доставка черезъ транспортную контору. У насъ за такой кавунъ заплатили-бы 3 р., еслибы нашелся.

Обращусь снова къ шпаргаламъ. Въ молодости у меня было призваніе къ составленію описанія „Послѣдніе дни Запор. сѣчи“, но служа въ военной службѣ и не имѣя матеріаловъ подъ рукою, я не въ силахъ былъ осуществить моего желанія. Познакомившись съ Скальковскимъ, я передалъ ему мою мысль, далъ совѣтъ обратиться къ г. Воронцову и просить разрѣшенія проникнуть въ архивы Ек. Губ. правл.; вмѣстѣ съ этимъ я передалъ ему все, что у меня было собрано и написано о Запорожцахъ. Скальковскій въ предисловіи описанія Запор. Коша объ этомъ говоритъ и былъ такъ справедливъ, что не скрылъ этого обстоятельства—черта, какъ видите, весьма похвальная, не все брать на себя, а воздать коемуждо по заслугамъ.

Досвиданія, такъ пишу, бо може й справди побачымось; будьте здоровы, благополучны и незабывайте старого дида всею душою и сердцемъ, хоть больнымъ, Вамъ преданнаго.

А. Стороженко.

Всѣмъ Вашимъ мой низкій и усердный поклонъ.

№ 12. *29 августа 1874 г.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Не знаю какъ и благодарить Васъ за Ваше вниманіе; едва только заикнулся, какъ вдругъ, точно по-щучьему повелѣнію, является прекраснѣйшій виноградъ, а въ перспективѣ виднѣются Алешковскіе *кавуны*. Виноградъ дошелъ въ хорошемъ положеніи, испорченнаго оказалось на 5% не болѣе. *Дуже Васъ дякую за Вашу ласку.*

На счетъ Марка, вѣрно я не такъ ясно выразился, въ послѣднемъ письмѣ, что Вы меня не совсѣмъ поняли. Дѣло вотъ въ чемъ: первыя 4 главы, переписаны моею рукою Вамъ, въ вѣчное потомственное владѣніе. Прославши назадъ остальныя 7 главъ, вы приложили къ нимъ и копію, снятую съ нихъ. Вотъ я и спрашивалъ Васъ, и теперь спрашиваю, не по ошибкѣ ли онѣ присланы ко мнѣ и не слѣдуетъ ли мнѣ возвратить Вамъ назадъ?

На счетъ запорожскихъ шпаргаловъ, требуется отъ Васъ болѣе точныхъ инструкцій, на случай чтобы не сдѣлать промаха.

Вотъ что я намѣренъ сдѣлать: снять копію съ шпаргаловъ, по мѣрѣ силъ моихъ, обработать цитатами и поясненіями и отправить въ Рус. Старину, затѣмъ шпаргалы обратить во свояси, т. е. къ Вамъ. Такъ-ли это? Ожидаю Вашей резолюціи.

У насъ до сихъ поръ продолжается засуха; не будетъ ни капусты, ни картофеля. Изъ всѣхъ садовъ въ окрестности, одинъ мой зеленѣетъ и благоухаетъ. За то, чего же это стоитъ, по 10 бочекъ выливаютъ воды, привезенной за $1\frac{1}{2}$ версты, потому что въ колодцѣ едва держится вода для домашняго обихода. На дняхъ былъ въ Варшавѣ, и немало изумился, когда увидѣлъ Саксонскій садъ совершенно высохшимъ: ни травинки, ни листочка. Представьте, весь садишка состоитъ изъ 3 десятинъ. По срединѣ огромный фонтанъ съ обширнымъ бассейномъ, а шуты допустили такое безобразіе. Не знаю кого винить, но при Бергѣ этого бы не случилось.

Съ наступленіемъ осени, опять начинаю *хирѣть*. За лѣто и на подножномъ корму не совсѣмъ поправился и въ такомъ

положеніи не знаю, перезимую-ли? Каково Ваше здоровье? *Пишите, серденько.*

Свидѣтельствуя мое почтеніе всему Вашему семейству, остаюсь всею душею преданный и любящій.

А. Стороженко.

№ 13. *3 сентября.*

Друже мій мылый, Васылій Ивановычъ! Не журыться, кавуны дойшлы благополучно. Та якы й кавуны, якъ свитъ сонця тутечкы, у Брести, такыхъ не то що не смаковалы, а й не снылось никому. Вчора одного зъилы, товарыство лопало ажъ за ушамы лящало. „Тай прыятель же у васъ у Одесси", озываются, „пошлы ёму Господь щастя и здоровъя, якъ будете пысать до ёго, то подякуйте и за насъ. Изъ 20 кавун. тилькы одынъ выбовтавсь и два луснулы, а усе жъ такы зъилы ихъ мои домочадци.—Зъ Венгрыи навозять намъ кавуны, за котры плотымо по 2 р. и бильше, и хоть воны и велыкы, та якъ Педора дурни и смаку въ ныхъ нема ныякого, якъ кажуть *съ квасомъ*. Спасыби жъ Вамъ ридный братику, втишылы Вы старого, хворого дида.

Теперенькы скажить, чы багацько я Вамъ выненъ за виноградъ и кавуны, бо правду кажучы, дуже вже вы балуете старого. Чого-бъ тилькы винъ не забажавъ, такъ воно и вродыться.

Писали вы мнѣ о Евангеліи, переведенномъ на Малороссійскій языкъ. Не знаю, напечатано-ли оно по той рукописи, которую мнѣ показывалъ Никитенко (членъ Академіи наукъ), когда эта рукопись была послана для просмотра въ Академію. Переводъ хорошъ и точенъ. Были ошибки въ языкѣ, нѣкоторыя я поправилъ, но всѣхъ не могъ исправить, потому что рукопись мнѣ дали всего на 3 дня; успѣлъ только прочесть. Если у Васъ есть въ продажѣ, пришлите мнѣ одинъ экземпляръ. Евангеліе на малор. языкѣ несравненно лучше выходитъ какъ на Рус-

скомъ по той причинѣ, что наша рѣчь ближе къ церковнославянскому тексту.

Повторяю еще мою искреннюю благодарность за Ваше вниманіе. Низко кланяюсь вашему семейству и, пожелавъ вамъ всего лучшаго, остаюсь всею душею преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 14. *14 сентября 1874 г.*

Достойнѣйшій и многоуважаемый Василій Ивановичъ! Нечего сказать, черезчуръ уже Вы балуете старого дида, годыте ёму, якъ кажуть, неначе печенои болячкы. Вчора отправывъ къ Вамъ запорожськы шпаргалы, а сёгодня получывъ гостынець—Евангеліе на Малорос. языкѣ, за которое велыке вамъ спасыби. Пробѣжавши на скоро, я вполнѣ удостовѣрился, что это переводъ не тотъ, о которомъ я Вамъ писалъ [1]). Переводчикъ присланнаго Евангелія, не вполнѣ обладаетъ знаніемъ нашего языка и совершенно не знакомъ съ лаконизмомъ украинскимъ, который очень гармонируетъ съ складомъ Евангельскаго текста. Когда будетъ у меня лишнее время, я Вамъ переведу нѣкоторыя главы, увидите тогда разницу по силѣ и точности перевода. Даже заглавіе неправильно „Святе пысьмо“, скорѣе можно отнести къ живописи, чѣмъ къ тексту. Малороссъ иначе не скажетъ какъ *Св. писаніе*. Орѳографія также неправильная. Лучше бы сдѣлалъ переводчикъ, еслибы держался Кулишивкы. Впрочемъ и за этотъ переводъ спасыби; онъ очень опрятенъ, жаль только, что мы вынуждены печатать не дома, а чортъ батька зна де у Видню.

---

[1]) А. Стороженко упоминаетъ вѣроятно объ украинскомъ переводѣ Евангелія Ф. Морачевскаго, который въ началѣ 60 годовъ б. представленъ въ духовную цензуру, но не разрѣшенъ къ напечатанію, а В. И. Бѣлый писалъ ему о другомъ переводѣ, кажется П. Кулиша, но изданномъ безъ имени переводчика въ 1871 г. въ Вѣнѣ, подъ загл. Святе пысьмо.—Евангеліе. Перекладъ украинськый. Видень 1871 року. Коштомъ громадськимъ. «О послѣднемъ см. Правда 1874 № 19 и Кіевск. Телеграфъ 1875 № 28.

На счетъ портрета масляными красками нечего и думать. Здѣсь нѣтъ и изрядныхъ живописцевъ, даже и въ Варшавѣ. Фотографія всѣхъ ихъ передушила. Да кромѣ того, послѣ болѣзни *дуже таки змарнивъ*, и доси хирію, трохы поправывся, а тамъ зновъ нахыляе у могылку—не довго вже мени и вештаться по свиту.

При засвидѣтельствованіи всему Вашему семейству моего уваженія, остаюсь всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 15. *26 сентября.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Начну и я съ Евангелія; достаточно его просмотрѣлъ. Переводъ ниже всякой критики. Переводчикъ не богословъ и не знатокъ *нашои ридноі мовы*. Еслибы подобный переводъ вышелъ въ прошломъ столѣтіи, то его бы сочли еретичнымъ и сожгли бы на площади, до такой степени текстъ извращенъ; въ каждой строчкѣ ошибка, въ каждомъ почти стихѣ извращеніе. Укажу на нѣкоторыя погрѣшности:

Отъ Матѳея, глава 3. Стихъ 3. Слѣдующимъ образомъ долженъ переводиться:

3. Бо се той, про кого сказавъ пророкъ Исаія: гласъ вопіющого въ пустыни [1]): Приготовьте шляхъ Господеви, выпростуйте стежки ему (Ис. 40. 3).

Смыслъ этого ст. тотъ, что п. Исаія въ пророчествѣ о приходѣ Спасителя предупреждаетъ, чтобы встрѣтить Его съ вѣрою и для воспріятія ученія уготовали путь Господу и сдѣлали прямыми стези Ему.

---

[1]) Изреченіе это, какъ вошедшее у всѣхъ славянъ въ пословицу, не слѣдуетъ переводить—и безъ перевода понятно.

Посмотрите же, что за ерунда выходитъ въ перекладѣ украинскомъ.

„3. Се ж бо той, про кого казавъ пр. Исаія, глаголючи: Голосъ покликуючого въ пустыни: Прыготовте дорогу Господню, правымы робить стежкы его“.

Что выражаетъ этотъ стихъ? Исаія совѣтуетъ людямъ приготовить дорогу Господню и правымы бы сдѣлали стежкы его. Чистѣйшая ересь! Богъ приготовилъ путь Спасителю, и не людямъ, погрязшимъ *въ грѣсехъ*, *правымы робыть стежкы его*. Къ чему вклеилъ переводчикъ лишнія слова: „глаголючи“ и другое дикое *поклыкуючого*?

Евангеліе отъ Св. Іоанна. Глава 1 (а не голова).

Стихъ 5 въ переводѣ:

И *свитло* у темряви свитыть, и *темрява* ёго не обняла. [1])

Переводчикъ не знаетъ, что на малорос. языкѣ есть слова: тьма и свитъ. Темрява никакъ не можетъ замѣнить слово тьма, а свитло свитъ. Свитло означаетъ освѣщеніе, свѣча, каганецъ, лучина. Говорятъ: „батько вернувся до-дому, якъ свитло засвитылы.“ Шевченко въ своей думѣ „Пустка“ пишетъ: Може вернесся изнову въ пустку зимоваты, и натопымъ, и нагріемъ, и свитло засвитымъ“.

Переводъ Евангел. весьма трудная вещь; это работа не одного человѣка, а цѣлаго общества. То Еванг., которое застряло въ Академіи Наукъ, весьма хорошо переведено [2]). Очень жаль, что у насъ все худшее всплываетъ на поверхность, а хорошее опускается на дно.

Брошюра Григоровича „Записки антиквара“ доставила мнѣ истинное удовольствіе.

—

Потолкуемъ теперь о сборникѣ. Начнемъ съ портрета. Глаза у меня черные съ блескомъ, лицо смугловато, какъ вы-

---

[1]) Слѣдуетъ сказать: «оточила».

[2]) Очевидно, рѣчь идетъ о переводѣ Евангелія на малорусскій языкъ Морачевскаго.

ражаются живописцы: „теплый цвѣтъ“. Карточки у меня въ запасѣ ни одной.

Печатать Марка, полагаю, нужно IX главъ. IV главы составляютъ экспозицію, а V дѣйствіе. Это дѣйствіе необходимо, чтобы дать понятіе читателю о Маркѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ. О географіи не безпокойтесь,—жертвую мою байку на доброе дѣло и доброму человѣку. Пошли Вамъ, Господи, всякого счастья и здоровья.

Куры та собака также разрѣшено, но съ оговоркою отъ редакціи, что басня эта написана еще во время существованія крѣпостной зависимости крестьянъ.

Стихотворенія Гулака-Артемовскаго можно печатать, а также и посланіе Кулишу, но только не припысывать фамиліи.

Немировской рѣзни не печатать. Это будетъ имѣть видъ какого то хвастовства съ моей стороны: *не написалъ, а только похваляется написать.*

Помѣщеніемъ моего портрета при сборникѣ Вы сдѣлаете мнѣ много чести, и съ моей стороны, кромѣ благодарности, болѣе ничего не остается сказать.

Здоровье мое плоховато: то поправлюсь, то снова недугъ усиливается, и такъ исхудалъ, что, какъ говорится, сталъ на себя непохожъ. Если-бы теперь пришлось мнѣ сниматься, то вышелъ бы другой человѣкъ, а не тотъ, который жилъ годъ назадъ.

Изъ Петербурга имѣю свѣдѣнія, что тамъ затѣваютъ ученое изслѣдованіе по случаю 100-лѣт. юбилея зруйнованія коша. Костомаровъ взялся, что-то пишетъ, или собирается писать.

4 книжки Гофмана и о табакѣ получилъ. Надобно Вамъ знать, что я насадилъ у себя въ (неразборчиво) гаванскаго табаку, высшаго достоинства, и хоть у меня садовникъ нѣмецъ auf Рига, но за табакомъ ухода не знаетъ. Не знаю, что выйдетъ; кажется, мы потеряли много времени и не пасынкували до сихъ поръ.

Ничего не пишете о шпаргалахъ, исправно ли они дошли до Васъ?

Доктора совѣтуютъ мнѣ побольше ѣсть винограду, но съ условіемъ, чтобы виноградъ не былъ киселъ. Кислота имѣетъ вредное дѣйствіе на почки. Къ несчастію, намъ привозятъ незрѣлый виноградъ изъ Венгріи (видите ли, не портится), такой кислый, что и здоровому человѣку вреденъ. Будьте ласкови, ридный братику, не забудьте Вашои обицянкы—Акерманьского винограду, та прысылайте бильше; а що коштоватыметь заплатымо зъ велыкою дякою.

Годи, щобъ ще на пошту не опизныться.

Всѣмъ Вашимъ низко кланяюсь, не хворайте и не падайте духомъ. Ще не разъ зійде сонце и передъ нашимы воритьмы.

Всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 16. *11 октября.*

Глубокоуважаемый Василій Ивановичъ!

Прелюдіи къ введенію воинской повинности на новый ладъ отнимали всякую возможность побесѣдовать съ Вами и отвѣтить на письмо 29 сентября. Настроеніе, вслѣдствіе невзгодъ, *á ton mineur*. Пословица говоритъ: „Терпи, козакъ, атаманомъ будешъ“; крѣпитесь—перемелется и будетъ мука; у меня какое-то предчувствіе есть, что прійдетъ время, когда и *передъ нашимы воритьмы сонце зійде.*

Про недугъ мой скажу Вамъ такъ: я на берегъ, а меня опять въ воду. Поправишься, и опять плохо, сильно исхудалъ, отекъ ногъ то пройдетъ, то снова возобновляется. Страданіе сердца и при этомъ и легочный катарръ, пріобрѣтенный въ Питерѣ. Климатъ здѣшній очень мягокъ и вовсе не сырой, осень теплая, зима слабая. Въ октябрѣ у насъ было въ тѣни 18 и съ 8-го только настали ночи холодныя. Домъ у меня теплый, просторый, садъ въ порядкѣ, и цвѣтники и теперь пестрѣютъ левкоями, гвоздиками, портулакомъ, резеда наново зацвѣла, у Васъ и лѣтомъ такъ не цвѣтутъ.

Дуже дякую, друже мій, за виноградъ—давно такого не йивъ. Ось що Вамъ скажу. Якъ ставъ хырить, то по ночамъ не спалось мыни. Засну въ часъ, а въ тры розбуркаюсь и вже вставай—не влежишъ. Отъ и встанешъ тай сыдышъ до 6 або 7 часу. Якъ же прыслалы виноградъ, то тилькы прокынусь, такъ и злопаю фунта 4, и зновъ лягаю и сплю, мовъ здоровый. Ликарь казавъ, що обужуюсь одъ того, що пустый желудокъ, не зечеряю, бачыте,—апетыту нема. Може воно и такъ.

На счетъ сборника вотъ мое мнѣніе. Книжка озаглавливается:

Сборникъ.

(Можно сказать, на какой предметъ).

О статьяхъ же, которыя войдутъ въ составъ сборника, на заглавномъ листѣ нѣтъ надобности писать. Объ нихъ скажется въ оглавленіи особенномъ, какъ это всегда дѣлается для удобства къ отысканію.

Очень благодаренъ за присылку наставленій по табачной части. Теперь, по милости Вашей, у меня есть все, чтобы сдѣлаться настоящимъ плантаторомъ гаванскаго табаку. Посмотрю, что выйдетъ,—табакъ на видъ очень хорошъ.

Ище дякую за Вашу ласку до старого дидугана. Благаю Господа, щобъ и мени догодыть Вамъ, якъ догождаете вы мени.

Бувайте здоровы та ударьте лыхомъ объ землю—не пидавайтесь лыхои годыни!

Всѣмъ Вашимъ низко кланяюсь.

Всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 17. *21 октября 1874 г.*

Глубоко уважаемый Василій Ивановичъ! Посылаю Вамъ всего Марка, какъ получилъ отъ Васъ,—робить, що самы знаете, нехай Вамъ Господь поможе.

Прилагаю еще двѣ статейки:

1. Зъ народныхъ устъ, объясненіе присказки. Въ языкѣ подобныя разъясненія очень важны; это въ своемъ родѣ вновь открытый островъ среди океана[1]).

2. Побасенка. Написана она вотъ по какому случаю. Когда, во время оно хлопотали мы объ изданіи учебниковъ для малорос. школъ, предположили издать сборникъ для чтенія школьникамъ, содержанія доступнаго ихъ понятіямъ и вмѣстѣ поучительныхъ для странствованія по морю житейскому. Къ сборнику байка эта была очень пригодна, но годится ли для Вашего—не знаю. Пожалуста не церемоньтесь и если Вашъ Ареопагъ не признаетъ годною, то я нисколько не буду претендовать, потому что и самъ нахожусь въ сомнѣніи, *чы до чмыгы воно буде*. Если и за этимъ еще мало матеріала для сборника, то валяйте и остальныя 2 главы изъ Марка, все-жъ таки прибудетъ на одинъ печатный листъ (16 стран.).

Мы теперь сильно озабочены некрутчиной, а тутъ еще ѣдетъ начальство, потому что Государь на дняхъ проѣзжаетъ изъ Крыма въ Питеръ.

Здоровье мое плоховато; ну, положимъ, я-жъ старый, якъ собака, а Вы чого хыріете? У Васъ есть кому за Вами и доглядить и втишыть, а я одинъ, якъ палець, та ще жыву на дачи, неначе въ монастыры, аже и пустельникомъ мене прозвалы. Содержу душу и тило въ чыстоти, хоть-бы и самому святоши, а не то щобъ волочиться або, нехай Богъ бороныть, ще й ялозыться.

Бувайте-жъ здоровы та не забувайте старого дида. Вашимъ нызенько кланяюсь.

Всею душою Вашъ А. Стороженко.

Вывивъ дядько на суханьке.

Зъ народнихъ устъ.

Колысь, ще якъ Ляхы орудувалы Украиною и забывалы на макуху православный людъ, якесь нещасне село прогнивыло свого пана—магната. Не замыслывся магнатъ, що ёму робыты въ непокирнымы хлопамы й звеливъ зибраты селянъ и десятого одшмагаты канчукамы.

---

[1]) Разсказъ этотъ печатаемъ въ концѣ письма.

Набиглы на село, неначе татары, челядынци панськи—котолупы, зигналы людей на майданъ и сталы розставляты бидолахъ въ одну стричку. Якъ вже вытяглась чымала стричка, одынъ парубокъ, мабуть спрытный, заразъ побачывъ, що не мынуть ёго канчукы, бо стоить зъ краю двадцятымъ. Озырнувся винъ у другу сторону, подовжъ стричкы, дывытся, ажъ дядько ёго стоить въ калюжи,—зраня, бачыте, дощыкъ ишовъ, такъ въ лощыну и натекла вода. Однакъ заразъ доглядився, що мынае ёго десятокъ.

— Дядьку, а дядьку!—гукнувъ до ёго парубокъ.—Чого се вы сталы въ багни,—чоботы покаляете. Выходьте на сухеньке.

— Де жъ теперечкы—озвався дядько—шукаты того сухенького, стій тамъ, де тебе доля поставыла.

— Та ничого й шукаты, ставайте, де я стою,—одказавъ парубокъ.

— Добрый у тебе племинныкъ,—озвалысь дядькы зъ мырянъ,—за дядьковымы чобитьмы забувъ й про свою шкуру.

Дядько подякувавъ племинныка, та й ставъ на ёго суханьке мисце, а якъ дійшла до ёго черга, на тимъ суханькимъ и завдалы ёму мокрои.

Зъ сёго прыпадку и выроилася прыказка, якъ хто кого одурыть, то й кажуть: „Вывивъ дядька на суханьке“! А якъ трапытся чоловикъ, що чужымы рукамы жаръ загрибае, то знову кажуть: „Отсей чоловикъ выведе дядька на суханьке“!

О. Стороженко.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

И

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Окончаніе [1]).

XVI.

Міровоззрѣніе и убѣжденія Котляревскаго. Почему его считать можно создателемъ новой малорусской литературы?

Намъ остается еще коснуться міровоззрѣнія Котляревскаго и его убѣжденій, насколько можно судить о нихъ по его Энеидѣ.

Первыя три части ея, какъ извѣстно, написаны были въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка, послѣднія—пятая и шестая—во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка. Такимъ образомъ Котляревскій трудился надъ своимъ произведеніемъ около тридцати лѣтъ. Это были именно тѣ годы, когда отъ автономныхъ учрежденій старой Малороссіи почти ничего уже не оставалось въ жизни, кромѣ однихъ воспоминаній. Длились еще традиціи судовъ земскихъ, гродскихъ и подкоморныхъ, возстановленныхъ за годъ до уничтоженія гетманства (1763 г.), но эти суды дѣйствовали уже въ новой административной обстановкѣ, наступившей послѣ учрежденія о губерніяхъ, которое введено было въ лѣвобережной Украинѣ извѣстнымъ графомъ П. А. Румянцевымъ (1782 г.). Двадцать пять лѣтъ управлялъ онъ Малороссіей (съ 1765 по 1789 г.), которая при немъ, по словамъ историка ея

[1]) См. Кіев. Стар. № 2.

„окончательно присоединена была къ главному составу своему“ [1]), т. е. сравнена была съ другими областями Россіи. Реформа эта проведена была съ дальновиднымъ и тонкимъ разсчетомъ на тѣхъ людей, которые готовы были воспользоваться ею для своихъ личныхъ выгодъ. Румянцевъ нашелъ въ краѣ не мало такихъ людей. Приманкой для нихъ служили обыкновенно чины, дававшіе право на дворянское званіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на владѣніе крестьянами, которые окончательно закрѣпощены были въ 1783 г. Только люди благонамѣренные и, какъ выражается Румянцевъ, „болѣзнію самовладства и независимости не зараженные входили въ чины и въ дѣла“, а такъ-какъ, по его же наблюденію, и другіе „всегда имѣли сильное желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованью“, то оказалось, что „болѣзнь самовладства и независимости“ скоро исчезла въ краѣ [2]).

Теперь вопросъ въ томъ, какъ относился нашъ поэтъ къ этому историческому процессу, котораго онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ?

Чтобы найти въ Энеидѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ необходимо знать, въ какомъ видѣ изображены въ ней Троянцы.

Недавно высказано было весьма вѣроятное мнѣніе, что „Элей и его спутники—это какъ бы козачество, бродившее по свѣту послѣ разрушенія Сѣчи“ [3]). И въ самомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ представляютъ они сходство съ запорожскимъ козачествомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Энеиды называются они рыцарями, козаками. И не потому только Троянцы напоминаютъ сичевыхъ братчиковъ, что пили они горѣлку такъ, „якъ брагу поросята“ (II, 18), но и потому, что были они „моторни,

Съ діявола швидки, проворни,
Пидпустять москаля якъ разъ“. (III, 7).

Въ тѣхъ мѣстахъ, куда заносила ихъ судьба, вели они себя несдержанно, какъ моряки въ приморскихъ городахъ или

---

1) Исторія Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, III, 193.

2) Исторія Россіи Соловьева XXVII, 138.

3) Кіевская Старина, 1898, сентябрь, ст. Н. Дашкевича, „Малорусская и другія бурлескныя Энеиды“, 182.

же какъ запорожцы въ городахъ Гетманщины. Добравшись до Кумской земли, они

„И тутъ не шановалысь,
А заразъ вси и потаскалысь,
Чого хотилося шукать:
Якому меду та горилки,
Якому молодыци, дивкы,
Оскому щобъ зъ зубивъ зигнать". (Ш, 6).

Но эти, „гольтипаки", „ланьци" отличались и козацкими добродѣтелями. Мы видѣли, что между ними были люди, способные къ возвышеннымъ человѣческимъ настроеніямъ. Таковы были безстрашные воины и вѣрные товарищи Эвріалъ и Нызъ. Эвріалъ сознаетъ хорошо завѣтъ своего отца: „умры на поли, якъ герой" (V, 74), поэтому, когда Нызъ напомнилъ ему о его обязанностяхъ по отношенію къ матери его, онъ отвѣчаетъ ему:

„Де общее добро въ упадку,—
Забудь отця, забудь и матку,
Леты повыннисть исправлять". (V, 77).

Манила того и другого къ подвигамъ героизма и вѣчная память въ потомствѣ, и любовь къ родинѣ. По поводу ихъ подвиговъ поэтъ говоритъ:

„Любовь къ отчызнѣ де героить,
Тамъ сыла вража не устоить,
Тамъ грудь сыльнійша одъ гарматъ,
Козакъ тамъ чортови не братъ". (V, 94).

Любопытно знать, о какой отчизнѣ здѣсь рѣчь идетъ, когда Троянцы потеряли свою давнюю отчизну и теперь искали новой. Безъ сомнѣнія, идею отчизны они вынесли еще изъ погибшей Трои, но никогда не умирала у нихъ эта идея, являясь предъ ними въ видѣ войскового „товариства", которое, согласно съ предсказаніемъ, даннымъ Энею свыше,

„Всимъ свитомъ буде управляты,
По всихъ усюдахъ воюваты,

Пидверне всихъ соби пидъ спидъ,
И рымскіи поставыть стины,
Въ ныхъ буде жыты, якъ въ раю". (III, 138—139).

Сводя къ одному цѣлому всѣ данныя объ Энеѣ и Троянцахъ, разбросанныя въ Энеидѣ Котляревскаго, нельзя отрицать сочувствія его къ этимъ „бурлакамъ", не утратившимъ симпатическихъ качествъ въ борьбѣ съ невзгодами на морѣ и на сушѣ. Но есть въ Энеидѣ и другіе козаки, враждебные Троянцамъ. Это Латинцы, вооружившіеся противъ Троянцевъ по наущенію вельможъ царя Латина и вопреки его желанію. Поэтъ описываетъ это „посполитое рушенье", предпринятое на счетъ вельможъ.

„На конихъ сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Кабаку нюхавъ асаулъ,
Урядныкы зъ атаманамы
Новымы чванылысь шапкамы,
И ратныкъ всякый губу дувъ". (IV, 100).

Эта бойкая картина вызвала у поэта воспоминаніе о полкахъ козацкихъ, которые ничѣмъ по своему устройству не отличались отъ полковъ латинскихъ.

„Такъ вичной памяты бувало
У насъ въ Гетманщыни колысь,
Такъ просто військо шыковало,
Не знавшы: стой! не шевелысь!
Такъ славные полкы козацьки—
Лубенськый, Гадяцькый, Полтавськый,
Якъ грянуть, сотнямы ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метуть" (IV, 101).

Нельзя отказать этимъ словамъ въ искренности: красота козацкаго войска и его сила, видимо, захватываютъ мысль и чувство поэта. Но вотъ что странно. Съ каждымъ новымъ стихомъ измѣняется настроеніе поэта, одна за другою появляются шутливыя ноты, которыя переходятъ наконецъ въ сплошное

глумленіе надъ Латинцами. Неважное оружіе въ латинской арміи. Они,

„Держась военного обряду,
Готовылы заздалегидь
Багацько всякого снаряду,
Що сумно ажъ було глядить:
Для пуль—то галушкы сушылы,
А бомбъ—то зъ глыны налипылы". (IV, 105).
„Не малы палашивъ, ни шабель,
У ныхъ, бачъ, Тулы не було,
Не шаблею жъ убытъ и Авель,
Полино смерть йому дало.
Соснови копысткы стругалы
И до бокивъ поначеплялы
На валяныхъ верьовочкахъ.
Изъ лыкъ плетени козубенькы,
Зъ якымы ходять по оценькы,
Булы, якъ сумы на плечахъ". (IV, 106).

Затѣмъ началась „муштра".

„Дивкы на пруттяхъ розъижжалы,
Ципкамы хлощивъ муштровалы,
Стари жъ учылысь кыдать въ циль,
А бабъ старыхъ на пичъ сажалы
И на печи ихъ штурмовалы,
Бачъ, для баталіи въ прымиръ". (IV, 103).

Все это совершенно въ такомъ же родѣ, какъ изображеніе „морковьяного" Ляшка въ извѣстной народной пѣснѣ. Откуда этотъ тонъ, когда нѣсколькими строфами выше поэтъ въ хвалебныхъ выраженіяхъ сближаетъ латинское войско съ козацкимъ? Теперь же онъ самымъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что

„Такее ратнее фиглярство
Було у ныхъ (Латинцевъ) за регулярство".(IV, 108).

Въ такомъ случаѣ, не то же ли самое было и у козаковъ? Своенравная фантазія поэта, играя юмористическими сближеніями, повидимому, упускаетъ изъ виду, что она задѣваетъ и то, что для нея самой было симпатично. Происходитъ это отчасти отъ самой природы юмористическаго смѣха, въ которомъ всегда есть нѣкоторая доля сомнѣнія въ томъ, во что вѣрятъ люди, и разочарованія въ томъ, чѣмъ увлекаются они, при чемъ нерѣдко изъ круга этихъ людей юмористъ не исключаетъ и самого себя. Въ основѣ этого міровоззрѣнія лежитъ скорбная мысль о непрочности всего того, на чемъ строитъ человѣкъ свое благосостояніе,— мысль о ничтожествѣ его предъ грозными силами судьбы, которая, какъ изъ рога изобилія, посылаетъ ему тысячи бѣдствій въ самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ.

„Бида не по деревьяхъ ходыть“, говоритъ поэтъ,
И хто жъ ѣи не скоштувавъ?
Бида биду, говорять, родыть,
Бида для насъ судьбы уставъ“. (V, 1).

Поэтому зло, назначенное судьбою,

„Слидытыме скризь за тобою,
Не утичешъ за сто морей“. (V, 97).

И это былъ пессимизъ не только поэтическій, но и сознательно историческій. Безъ всякаго сомнѣнія, Котляревскій питалъ глубокія симпатіи къ своей родинѣ, къ ея героическому прошлому, но замѣчательно, что въ воспоминаніяхъ его объ этомъ прошломъ нѣтъ выразительныхъ и яркихъ красокъ: о Сагайдачномъ, Дорошенкѣ, Желѣзнякѣ говоритъ онъ по поводу союзниковъ Турна мимоходомъ и мелькомъ (IV, 126—127), а о Богданѣ Хмельницкомъ, о которомъ любили распространяться въ стихахъ и прозѣ малорусскіе писатели XVIII вѣка, во всей Энеидѣ нѣтъ ни слова. По всему видно, что Котляревскаго, какъ и другихъ современниковъ его, подхватила новая волна жизни, которая далеко унесла ихъ изъ сферы политическихъ стремленій, одушевлявшихъ старую Малороссію, и поставила лицемъ къ лицу съ новыми задачами жизни. Нравственное величіе Котляревскаго

въ томъ и состоитъ, что онъ рѣшалъ эти задачи, какъ поэтъ-идеалистъ, не потерявшій гуманныхъ чувствъ въ тотъ вѣкъ, когда негуманныя чувства находили поддержку въ крѣпостномъ рабствѣ, которое водворялось въ краѣ, искажая здравыя общественныя понятія и лучшія благожелательныя настроенія. Не могъ Котляревскій не сознавать этого печальнаго конца малорусской исторіи съ ея кровопролитными войнами, которыя не принесли счастія народу, поэтому есть нѣкоторая примѣсь горечи и въ общихъ воззрѣніяхъ его на войну и на жестокія послѣдствія ея:

„Гуде въ Латіи дзвинъ вищовый“, говоритъ онъ,
„И гасло всимъ къ війни дае...
Війна въ кровавыхъ рызахъ тутъ,
За нею раны, смерть, увича,
Безбожность и безчоловича
Хвистъ мантіи ѣи несуть“. (IV, 114).

Такъ, по нашему мнѣнію, получилась та сложная гамма чувствъ, которая звучитъ во всѣхъ подробностяхъ о приготовленіи Латинцевъ къ войнѣ.

Что же означаетъ этотъ кровавый образъ войны, этотъ протестъ противъ нея, вложенный въ уста миролюбиваго царя Латина:

„Не звирь я людську кровъ пролыты,
И не харцызъ, людей щобъ быты“? (IV, 91).

Откуда эти понятія? Не указываютъ ли они на тотъ путь, по которому шла мысль поэта, искавшая выхода изъ трудныхъ условій жизни въ новой политической обстановкѣ?

Мало мы имѣемъ свѣдѣній о внутренней жизни Котляревскаго, чтобы отвѣчать положительно на всѣ эти вопросы, но сопоставляя то, что извѣстно намъ объ умственныхъ теченіяхъ его времени, съ тѣмъ, что самъ онъ говоритъ въ своей Энеидѣ, можно прійти къ нѣкоторымъ заключеніямъ о задушевныхъ убѣжденіяхъ его, которыя хотѣлъ онъ перелить въ сознаніе своихъ современниковъ.

Мы видѣли изъ предыдущихъ очерковъ, что уже болѣе вѣка длилось умственное общеніе малорусскаго юга съ великорусскимъ сѣверомъ. Со временъ Петра Великаго главная сила этого общенія заключалась въ реформѣ его, которая опиралась, какъ извѣстно, на свѣтскую науку. Но въ вѣкъ Петра Великаго наука эта не выходила изъ тѣснаго круга техническихъ знаній, приспособленныхъ къ разнообразнымъ потребностямъ общественной и государственной жизни. При Елисаветѣ Петровнѣ это дѣловое, утилитарное направленіе науки смѣняется болѣе общимъ Русскихъ людей начинаетъ интересовать не та или другая отрасль знанія, а самое знаніе, какъ потребность мысли, какъ образовательная сила. При Екатеринѣ II само правительство пошло на встрѣчу этой потребности, стремясь къ обновленію русской жизни посредствомъ идей французскаго просвѣщенія. Масса французскихъ сочиненій безъ особеннаго стѣсненія переводилась въ то время на русскій языкъ. Составлялись сборники выбранныхъ мѣстъ изъ авторовъ, найболѣе извѣстныхъ, подъ заглавіями: „Духъ Вольтера“, „Духъ Гельвеція“, „Духъ Руссо“. Особеннымъ уваженіемъ пользовался Вольтеръ, создавшій у насъ цѣлое поколѣніе „вольтеріанцевъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что эта волна просвѣтительнаго движенія коснулась и Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ ней издавна во всѣхъ слояхъ народонаселенія распространено было уваженіе къ просвѣщенію, а малорусское шляхетство, какъ мы знаемъ, постоянно мечтало объ учрежденіи университетовъ въ разныхъ городахъ малорусскихъ, пока наконецъ мечты эти не осуществились въ 1805 году, когда основанъ былъ университетъ въ Харьковѣ. Что касается до школъ духовныхъ, господствовавшихъ въ Малороссіи, то по составу своему это были всесословныя школы, начиная отъ кіевской академіи и до семинаріи, въ которой учился Котляревскій. Объ этой семинаріи въ біографіяхъ его существуютъ сбивчивыя показанія, поэтому нужно сказать о ней нѣсколько словъ.

Называютъ ее обыкновенно полтавской семинаріей, такъ какъ она находилась въ г. Полтавѣ, гдѣ родился Котляревскій. Основана она была спустя десять лѣтъ послѣ его рожденія, въ

1779 г. при архіепископѣ словенскомъ Никифорѣ Ѳеотоки, который жилъ въ Полтавѣ и отсюда управлялъ словенскою епархей [1]): вотъ почему и семинарія полтавская называлась въ то время словенскою [2]). Самъ Ѳеотоки, Молдаванинъ по происхожденію, получилъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ: можетъ

---

[1]) Въ 1786 г. словенская епархія переименована была въ екатеринославскую и Херсонеса таврическаго, въ 1793 г. архіерейская каѳедра вмѣстѣ съ семинаріей перенесена была въ Новомиргородъ, а оттуда въ Екатеринославъ. Съ образованіемъ полтавской епархіи изъ бывшей переяславской переименована была и переяславская семинарія въ полтавскую только въ 1799 году, хотя до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія оставалась въ Переяславѣ. (Полт. епарх. вѣдом. 1863 г.).

[2]) Не смотря на изобильную литературу о Котляревскомъ, мы не имѣемъ въ ней прочно обоснованныхъ свѣдѣній даже о томъ, въ какіе годы учился онъ въ словенской семинаріи. Въ формулярномъ спискѣ его, выданномъ изъ сѣверскаго драгунскаго полка отъ 13 февраля 1800 г., значится, что въ 1779 г. онъ поступилъ на службу въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи, въ 1780 г., октября 3 дня, произведенъ былъ въ подканцеляристы, въ 1781 г., іюля 12, въ канцеляристы, въ 1784 г., сентября 14, въ губернскіе регистраторы. Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ службѣ, и только въ 1796 г., апрѣля 1, отмѣченъ онъ въ томъ же формулярѣ кадетомъ сѣверскаго драгунскаго полка, въ 1796 г., іюля 11, авдиторомъ, въ 1798 г., апрѣля 4, прапорщикомъ, въ 1799 г., генваря 8, подпоручикомъ, въ томъ же году, февраля 5 поручикомъ. (Изъ дѣлъ полтавскаго архива губернской земской управы). Эти подробныя документальныя даты формулярнаго списка располагаютъ думать, что Котляревскій поступилъ на службу десяти лѣтъ—дѣло, весьма возможное въ старинной служебной практикѣ. Если это такъ, то въ семинарію онъ поступилъ не раньше 1784 года, умудренный до нѣкоторой степени опытомъ самостоятельной жизни. Можно предполагать на этомъ основаніи значительную долю сознательныхъ умственныхъ порывовъ въ нашемъ поэтѣ уже въ дошкольный періодъ его жизни. Впрочемъ, всѣ эти предположенія могли бы найти фактическое подтвержденіе въ документальныхъ данныхъ архива екатеринославской Духовной семинаріи, которая ведетъ свою исторію отъ бывшей словенской семинаріи. Къ сожалѣнію, попытка наша получить эти данныя не увѣнчалась успѣхомъ.

быть, это обстоятельство имѣло вліяніе на расширеніе учебной программы въ словенской семинаріи, такъ какъ въ ней, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, преподавались еще французскій и нѣмецкій языки[1]). Отсюда Котляревскій вынесъ знаніе французскаго языка. Здѣсь же, по преданію, началъ онъ писать стихи, за что товарищи называли его рифмачемъ. Слѣды юношескаго размаха мысли, не охлажденной еще опытомъ жизни, видны въ первыхъ трехъ пѣсняхъ Энеиды, хотя нѣтъ никакого основанія утверждать, что она начата была на школьной скамьѣ. Одно можно сказать положительно, что Котляревскій не вынесъ изъ семинаріи того душевнаго склада, который необходимъ для духовнаго званія, поэтому и не сдѣлался лицемъ духовнымъ. Не коснулось его и вольномысліе временъ Екатерины II: нѣтъ во всей Энеидѣ ничего похожаго на отрицаніе въ области религіозныхъ вѣрованій. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ словѣ Котляревскаго чувствуется та широта мысли, которая недоступна была поколѣніямъ предшествующимъ. Изображая рай, онъ замѣчаетъ, что въ немъ пребывали

„Люде *всякого завиту*,
По билому есть килько свиту,
Котори праведно жылы“. (III, 125).

И въ раю наслаждались они такою жизнію, о которой мечтать могутъ люди только въ поэтическихъ грезахъ своихъ:

„Не сердылыся, не гнивылысь,
Не лаялыся и не былысь,
А вси жылы тутъ любьязно:
Було въ обще все за одно“. (III, 120).

Съ высоты этихъ идеальныхъ воззрѣній на жизнь, какъ на союзъ любви между людьми, у которыхъ „въ обще все за одно“, Кот-

[1]) Преподавателемъ французскаго языка въ то время былъ Петръ Антонъ, а нѣмецкаго—выписанный изъ лейпцигскаго университета профессоръ Шаалъ. (Свѣдѣніе это заимствовано полтавс. епарх. вѣдомостями за 1863 г. изъ екатеринославскаго календаря за 1813 г.).

ляревскій смотрѣлъ на добродѣтели и пороки человѣческіе. Съ чувствомъ христіанскаго человѣколюбія онъ помѣщаетъ въ рай всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ.

„Се бидни ныщи, навыженни“, говоритъ онъ,
Що дурнямы счыслялы ихъ,
Старци, хроми, слипорожденни,
Зъ якыхъ бувъ людськый глумъ и смихъ,
Се вдовы бидни, безпомощни,
Якымъ пріюта не було;
Се що безъ родычивъ осталысь
И сыротамы называлысь“. (Ш, 123, 124).

Вообще же это всѣ тѣ, которые постоянно нуждались въ человѣческой помощи, поэтому и „самы людямъ помагать любылы“. (Ш, 124). Понятно, что матеріальная обезпеченность не располагаетъ людей къ подобному настроенію, и хотя, какъ говоритъ Котляревскій,

„Бувають всякіе паны,
Но тилькы трохы сього дыва,
Не кваплються на се воны“. (Ш, 125).

На вопросъ Энея, кто такой праведныя души, живущія въ раю, Сивилла отвѣчаетъ:

„Не думай, щобъ булы чыновни,
Або щобъ грошей скрыни повни,
Або въ якыхъ товстый жывитъ.
Не ти се, що въ цвитныхъ жупанахъ,
Въ кармазынахъ, або въ сапьянахъ;
Не ти жъ, що зъ книгамы въ рукахъ,
Не рыцари, не розбышаки,
Не ти се, що крычать: „и пакы“,
Не ти, що въ золотыхъ шапкахъ“. (Ш, 122).

О дѣяніяхъ всѣхъ этихъ людей разсказываетъ поэтъ, изображая мученія грѣшниковъ въ аду. Мы не станемъ слѣдить за его разсказомъ, который есть ничто иное, какъ ѣдкая сатира на всѣхъ тѣхъ, кто уклонялся, по его мнѣнію, отъ праведной жизни.

Замѣтимъ только, что бичуетъ онъ пороки, какъ общенародные, такъ и сословные, при чемъ первыхъ въ общей сложности меньше, чѣмъ послѣднихъ. По нашему мнѣнію, изобличаются сословные пороки въ тѣхъ строфахъ Энеиды, гдѣ изображается утонченный половой развратъ мужчинъ и въ особенности женщинъ, гдѣ рѣчь идетъ, напримѣръ, о старыхъ холостякахъ (72), о мартоплясахъ (97), о соблазнителяхъ дѣвицъ, „що въ викна дралысь по драбынци“ (77), о сводницахъ, которыя „жинокъ одъ чоловикивъ кралы“ (92), о „честныхъ пустомолкахъ зъ молытовныкамы въ рукахъ“ (85), о „непотипахахъ зъ куделямы на головахъ“ (38), о панянкахъ, которыя бѣлятся и румянятся (83), о „мандрьохахъ, хльоркахъ и диптянкахъ, що продають себе на часъ“ (86). Мы не сомнѣваемся въ томъ, что Котляревскій могъ наблюдать весь этотъ гулящій людъ въ культурныхъ слояхъ малорусскаго народа, но думаемъ, что, сгущая краски, онъ слѣдовалъ внушенію того безпощадно строгаго нравственнаго чувства, которое часто встрѣчается у писателей юмористическаго направленія. Косвенное подтвержденіе нашей мысли мы находимъ въ томъ обстоятельствѣ, что Котляревскій принадлежалъ къ массонской ложѣ подъ титуломъ *Любовь къ истинѣ* дѣйствовавшей въ Полтавѣ около двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка[1]). По всей вѣроятности, онъ поступилъ въ ложу, какъ моралистъ, мечтавшій о возрожденіи современнаго ему общества. Но можно полагать, что и раньше появленія въ Полтавѣ ложи, въ которой участвовалъ Котляревскій, т. е. въ то время, когда писалъ онъ первыя три части Энеиды, нѣкоторые элементы массонской мысли были уже въ немъ подготовлены. Какъ извѣстно, массонство не отличалось высокимъ уровнемъ научныхъ знаній. То же мы находимъ въ тѣхъ мѣстахъ Энеиды, гдѣ авторъ разсуждаетъ о мудрецахъ, попавшихъ въ адъ. Одинъ изъ нихъ, по его словамъ,

„Фызыку провадывъ
И толковавъ якихъ-сь монадивъ
И думавъ, видкиль взявся свѣтъ“. (III, 97).

---

[1]) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. А. Пыпина, 321.

Замѣчательно при этомъ, что съ этими мудрецами Котляревскій смѣшиваетъ тѣхъ лицъ духовнаго званія, которыя не исполняли прямыхъ своихъ обязанностей. На самомъ днѣ ада, говоритъ онъ, мучились

„Вси розумни фылозопы,
Що въ свити вчылысь мудровать,
Ченци, попы и крутопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать,
Щобъ не ганялысь за грывнямы,
Щобъ не возылысь съ попадямы,
Та зналы церковъ щобъ одну". (Ш, 74).

Такимъ образомъ массонство могло укрѣпить только Котляревскаго въ его нравственномъ ригоризмѣ, въ его недовѣріи къ философской мудрости, опирающейся на изученіе естественныхъ наукъ, отчасти въ его оппозиціонномъ отношеніи къ духовенству, съ которымъ массоны не сходились по разнымъ религіознымъ вопросамъ. Что касается до мистицизма массонскаго, то онъ былъ совершенно чуждъ Котляревскому. Это былъ умъ трезвый и наблюдательный, сознательно направлявшій орудіе сатиры противъ соціальнаго зла, тяготѣвшаго надъ его современниками. Зло это онъ видѣлъ въ угнетеніи слабыхъ людей сильными людьми, принадлежавшими къ сословіямъ привиллегированнымъ. Таковы были

„Всякіе цехмыстры,
И ратманы, и бургомыстры,
Судьи, пидсудкы, пысари,
Яки по правди не судылы,
Та тилько грошыкы лупылы
И отбыралы хабари". (Ш, 73).

Таковы были паны, которыхъ въ аду за то „мордовалы,

И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотивъ". (Ш, 70).

Это было самое больное мѣсто въ соціальномъ строѣ малорусской жизни, и ничто такъ не возвышаетъ нашего поэта надъ низменнымъ уровнемъ современныхъ ему понятій, какъ благородный, негодующій голосъ его противъ превращенія людей въ скотовъ. Нужно было имѣть гражданское мужество, чтобы поднять этотъ голосъ въ тотъ вѣкъ, когда, по свидѣтельству историка, во всей Россіи и отъ всѣхъ сословій послышался дружный и страшно печальный крикъ: „рабовъ“ [1])!

Итакъ, Котляревскій выдвинулъ новый вопросъ въ малорусской литературѣ, тотъ вопросъ о мужикѣ, который составлялъ злобу дня для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній до самаго освобожденія крестьянъ. Онъ далъ въ своей Энеидѣ и формулу этого вопроса:

„Мужыча правда есть колюча,
А панська на вси боки гнуча“. (VI, 97).

Предпочиталъ онъ гнучей правдѣ колючую. Въ ней нашелъ онъ идеальную программу жизни со включеніемъ всѣхъ добродѣтелей семейныхъ и общественно-патріотическихъ, унаслѣдованныхъ малорусскимъ народомъ отъ предковъ. Подъ эту программу онъ подводилъ мелькавшую предъ нимъ жизнь съ ея неустановившимися очертаніями, съ ея хаотическимъ смѣшеніемъ стараго съ новымъ. Для этого онъ долженъ былъ раздвинуть рамки поэтическаго творчества. Въ прежнее время, согласно съ теоріей Довгалевскаго, только народные типы могли быть предметомъ поэтическаго изображенія на народномъ языкѣ. Въ Энеидѣ Котляревскаго появились люди всѣхъ сословій. Описывая адъ, онъ говоритъ, что въ немъ были

„Невирни и хрыстьяне,
Булы паны и мужыкы,
Булы и шляхта, и мищане,
И молоди, и старыкы;
Булы багати и убоги,
Прями булы и крывоноги,

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. XXVII, 121.

Булы видющи и слипи,
Булы и штатски, и военни,
Булы и панськи, и казенни,
Булы мыряне и попы". (III, 80).

Этотъ широкій кругъ лицъ, захваченныхъ Энеидой, привлекалъ къ ней вниманіе самыхъ разнообразныхъ читателей, поэтому Котляревскаго нужно признать создателемъ малорусской читающей публики, которая находила въ его произведеніи правдивое изображеніе жизни, приправленное здоровымъ, честнымъ смѣхомъ. Самый смѣхъ этотъ возможенъ былъ только подъ условіемъ независимой, общечеловѣческой мысли, которая требовала свободнаго поэтическаго слова. Какъ творецъ этого слова, Котляревскій по всей справедливости считается отцемъ новой малорусской литературы.

XVII.

Анализъ текста въ древнѣйшемъ спискѣ Энеиды сравнительно съ текстомъ первопечатныхъ изданій ея.

Возвращаясь къ давно оставленному нами списку Энеиды Котляревскаго, считаемъ нужнымъ прежде всего отмѣтить нѣкоторыя особенности въ правописаніи его [1]).

Списокъ—не изъ исправныхъ: встрѣчаются въ немъ искаженія текста до нарушенія смысла. Такъ, въ 36 строфѣ второй части сказано въ изданіи самаго автора, что Бахусъ „изъ Ганнимедова пуздерка утеръ трохи не пиввѣдерка", а въ спискѣ: „у Ганны-медова пуздерка утеръ трохи не пѣвведерка". Подобныя искаженія встрѣчаются въ 36, 45, 81, 120 строфахъ третьей части.

Нельзя сказать также, чтобы переписчикъ былъ особенно грамотный человѣкъ, что видно изъ начертанія слѣдующихъ

---

[1]) Мы получили этотъ списокъ отъ А. Н. Семенова, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

словъ: *вчемъ* (I, 3), *изнимъ* (I, 6), *вѣдней* (I, 58), *вѣдмене* (II, 27), *съ травою* вм. *съ стравою* (I, 13), *криму* вм. *къ Риму* (I, 46), *съ траху* вм. *съ страху* (II, 2), *обземлю* (II, 28), *пѣдпѣсъ* вм. *пидъ нисъ* (II, 37), *безъ головье* (III, 120), *пѣдтинами* (III, 124), *безъ толковый* (III, 47), *пѣдъ земного царя* (III, 115), *въ вѣйшли* (III, 10).

На каждой страницѣ рукописи можно видѣть смѣшеніе *и* съ *ы*, при чемъ послѣдній звукъ преобладаетъ надъ первымъ: *бурлаки* (III, 7), *якы* (III, 9), *рогамы* (I, 57), *воламы*, *возамы* (II, 60), *козаками*, *проводниками* (II, 69), *послѣдный* (III, 24), *богатымъ* (дат. мн.), *скупимъ* (дат. мн.) (III, 74), *мешкаты*, *знаты* (I, 46), *розизнати* (III, 10), *быты* (III, 17), *видеру* (I, 56), *были* вм. *били* (II, 50), и *былы* (III, 115), *жилы* вм. *жили* (III, 7), *терпѣли* (III, 83), *вылы* вм. *вили* (III, 84).

Буква *ѣ* употребляется, согласно съ старинным малорусскимъ правописаніемъ, для выраженія звука *і* съ полнымъ безразличіемъ къ тому, откуда происходитъ это *і*:

1) *ѣ* удерживается тамъ, гдѣ стоитъ основное *ѣ*, какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ словъ: *хрѣнъ* (III, 83), *до вѣнця* (III, 79), *у селѣ* (I, 40) и проч.

2) *ѣ* пишется тамъ, гдѣ стоитъ *и*, какъ въ корняхъ, такъ и во флексіяхъ: *зѣмуютъ* (I, 40), *помѣратъ* (III, 38), *сыновѣ* (II, 64), *гонцевѣ* (I, 46), *лихоманцѣ* (I, 38), *кровѣ* (III, 127), *по любовѣ* (ib.), *писарѣ* (III, 47), *конѣ* (I, 61), *молодицѣ* (I, 31), *въ гостѣ* (I, 18), *кислицѣ*, *коржѣ*—вин. мн. (III, 29), *ѣхъ* вм. *ихъ* (III, 134), *ѣмъ* вм. *имъ* (III, 73).

3) *ѣ* вмѣсто *і* изъ *о*: *гѣрко* (I, 25), *потѣмъ* (I, 20), *тѣлко* (I, 35), *грѣмъ* (I, 41), *стѣлъ* (I, 13), *пѣлъ* (I, 26), *кѣтъ* (I, 11), *хвѣстъ* (I, 50), и *фѣстъ* (III, 38), *Бѣгъ* (II, 46): слово это встрѣчается въ рифмѣ: *неубогъ* (III, 98), *зубѣвъ* (II, 21), *мѣй* (I, 15), *свѣй* (I, 17), *твѣй* (II, 65), *вѣнъ* (I, 1) и даже *вѣна* въ открытыхъ слогахъ, вопреки произношенію, по привычкѣ писать *вѣнъ*.

4) *ѣ* вм. *і* изъ *е*: *пѣчь* (I, 61), *лѣдъ* (II, 47), *жѣнкамъ* (I, 39), *пѣръ*—род. мн. (III, 47), *курячьй* (III, 11), *сѣмъ* (II, 47), *на нѣмъ* (III, 27), *лѣгъ* (I, 32), *звѣвъ* (I, 44), *перевѣзъ* (III, 54).

Есть тяготѣніе къ твердому *р*: *гира* вм. *гиря* (I, 1), въ *нарадѣ* вм. *въ нарядѣ* (I, 45).

Встрѣчаются изрѣдка архаическія формы: *панювъ* (III, 72), *човнювъ* (III, 43, 49) и *човньвъ* (II, 50).

Займемся теперь сравненіемъ нашего списка Энеиды съ первопечатными изданіями ея.

Выписываемъ заглавіе перваго изданія ея: „Энеида, на малороссійскій языкъ перелиціованная И. Котляревскимъ. Часть I. Съ дозволенія санктпетербургской цензуры. Иждивеніемъ М. Парпуры. Въ Санктпетербургѣ, 1798 года". Такое же заглавіе стоитъ предъ каждою частію Энеиды. Всѣхъ частей три, каждая— съ отдѣльной пагинаціей. Предъ первою частію на отдѣльной страницѣ напечатано курсивомъ въ три строки: „Любителямъ малороссійскаго слова усерднѣйше посвящается". Это посвященіе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на издателя. Родомъ онъ былъ изъ конотопскаго уѣзда черниговской губ., дворянинъ, сынъ значкового товарища, съ 1783 г. состоялъ канцеляристомъ въ петербургскомъ дворянскомъ банкѣ. Независимо отъ изданія Энеиды, Парпура причастенъ былъ литературѣ изданіемъ книги Антинга: „Жизнь Суворова", а также переводомъ съ нѣмецкаго языка книгъ медицинскаго содержанія. Дослужился онъ до коллежскаго совѣтника и умеръ богатымъ харьковскимъ помѣщикомъ въ 1828 г. По духовному завѣщанію онъ оставилъ по 16 тысячъ рублей на конотопское повѣтовое училище, на черниговскую или новгородсѣверскую гимназію и на харьковскій университетъ, а также 40 тыс. руб. на конотопскую багадѣльню. Всѣ эти данныя невольно заставляютъ думать, что, издавая Энеиду, Парпура едва ли имѣлъ въ виду корыстныя цѣли.

Второе изданіе есть буквальная перепечатка перваго, только опечатки и варіанты, указанные въ первомъ изданіи, внесены въ самый текстъ поэмы. Вышло оно въ 1808 г. тоже въ Петербургѣ, напечатано въ типографіи Ивана Глазунова, вѣроятно, его же иждивеніемъ. Въ этомъ случаѣ мы не отрицаемъ корыстныхъ цѣлей.

Третье изданіе принадлежитъ самому автору. Оно вышло на другой годъ послѣ предыдущаго, т. е. въ 1809 г., и напечатано тоже въ Петербургѣ, въ медицинской типографіи. Самое рѣзкое отличіе его отъ предыдущихъ изданій заключается въ присоединеніи къ тремъ частямъ Энеиды четвертой. Въ предисловіи издатель говоритъ, что Энеида напечатана была два раза „безъ его вѣдома и согласія", что она „досталась издателямъ со многими ошибками и опущеніями, случившимися отъ переписки, а сверхъ того и издававшіе многое въ ней по своему передѣлали и почти испорченную выпустили подъ его именемъ". Въ виду этого онъ „рѣшился исправить и дополнить первыя три части" и напечатать ихъ съ присоединеніемъ четвертой.

Замѣчательно, что авторъ цѣлыхъ десять лѣтъ былъ равнодушенъ къ тому, что книга его издана была „безъ его вѣдома и согласія", и только послѣ второго изданія онъ увидѣлъ, что она попала въ руки торговца, подобравшаго то, что не имѣло хозяина. Тогда только онъ нашелъ необходимымъ заявить авторскія права свои и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не различилъ праваго отъ виноватаго, прибавивъ къ описанію ада строфу, въ которой помѣстилъ мацапуру, т. е. Парпуру въ адъ за присвоеніе чужой собственности. Какъ бы то ни было, но Парпура съ любовію отнесся къ изданію Энеиды, какъ одинъ изъ „любителей малороссійскаго слова". Онъ снабдилъ свое изданіе небольшимъ словаремъ къ Энеидѣ—первымъ по времени въ новой малорусской литературѣ. Впослѣдствіи воспользовался этимъ словаремъ самъ Котляревскій, приложивъ его къ своему изданію. Кромѣ того, Парпура положилъ новыя основы малорусскаго правописанія, возстановивъ основное *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта буква требовалась этимологіей словъ, и ограничивъ употребленіе буквы *ѣ*, устранивъ ее въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ старинное малорусское правописаніе ставило ее вмѣсто основнаго *и*, а также вмѣсто *и* изъ *о* и *е*. Что касается до передѣлокъ въ текстѣ Энеиды, то мы сомнѣваемся, чтобы Парпура имѣлъ особенную склонность къ нимъ, такъ-какъ въ концѣ своего изданія онъ помѣщаетъ немногіе варіанты къ напечатанному

тексту—по всей вѣроятности, изъ другого списка Энеиды, бывшаго у него подъ рукою.

Обращаясь къ изданію самого Котляревскаго, мы находимъ въ немъ прежде всего добавленія, которыхъ нѣтъ ни въ нашей рукописи, ни въ изданіи Парпуры. Найболѣе важныя изъ нихъ—это строфа 82 въ третьей части, гдѣ описываются мученія „мацапуры“ въ аду, а затѣмъ четыре строфы въ первой части, гдѣ Дидона изливаетъ свое горе предъ сестрой своей Ганной. Нужны были эти послѣднія строфы для того, чтобы читатель могъ понять рѣшимость Дидоны на самосожженіе. Безъ нихъ, дѣйствительно, поступокъ ея былъ бы неожиданнымъ и, во всякомъ случаѣ, невыясненнымъ событіемъ.

Указанныя нами мѣста, очевидно, вновь сочинены авторомъ. Но есть въ изданіи автора одно дополненіе, которое подало ему поводъ упрекать прежнихъ издателей въ томъ, что они допустили въ текстѣ Энеиды нѣкоторыя „опущенія“. Въ двухъ первыхъ изданіяхъ, а именно въ третьей части, не достаетъ строфъ 133, 134, 135 и 136: здѣсь рѣчь идетъ о вечерницахъ въ аду, но нѣтъ упоминанія о томъ, какъ Анхизъ, отецъ Энея, привелъ его къ дѣвушкамъ-ворожкамъ. Нѣтъ характеристики самой бойкой изъ нихъ, которая вызвалась поворожить Энею, поэтому при описаніи самой ворожбы неясно въ изданіи Парпуры, кто ворожитъ. Всѣ эти пропущенныя строфы имѣются въ нашемъ спискѣ, отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что Котляревскій, исправляя прежнія изданія, не только вставлялъ новое, но и возстановлялъ „опущенія“ по рукописи болѣе полной и исправной. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ списокъ, совпадающій въ данномъ случаѣ съ изданіемъ автора, пріобрѣтаетъ значительную цѣнность.

Но не въ этомъ одномъ мѣстѣ представляетъ онъ сходство съ изданіемъ автора. Такихъ мѣстъ въ Энеидѣ не мало: въ первой части ея въ 3 и 36 строфѣ, во второй части въ 24 строфѣ, въ третьей въ 10, 11, 13, 14, 38, 65, 79, 87, 89, 90, 96, 100, 102, 104, 110, 111, 117, 188 строфахъ[1]). Въ боль-

[1]) Мы приводимъ только тѣ варіанты, которые отмѣчены въ нашемъ изданіи литерами, а не цифрами, т. е. составляютъ каждый изъ нихъ выраженіе, равное одному или же нѣсколькимъ стихамъ.

шинствѣ указанныхъ нами мѣстъ Котляревскій, предпочитая тексту Парпуры иной текстъ, сохранившійся въ нашемъ спискѣ, выбиралъ лучшее, но нельзя этого безусловно сказать о всѣхъ исчисленныхъ нами случаяхъ: иногда текстъ Парпуры проще и естественнѣе текста, редактированнаго самимъ авторомъ, напримѣръ, въ третьей части строфы 11, 14 и нѣкоторыя другія.

Таковы отличія нашего списка отъ изданія Парпуры. Было бы отличій этихъ больше, т. е. былъ бы нашъ списокъ болѣе похожъ на рукопись, которою пользовался Котляревскій для своего изданія, если бы первый владѣтель списка не внесъ въ него нѣкоторыхъ измѣненій и поправокъ уже послѣ того, когда появилось изданіе Парпуры. Такъ-какъ на немъ стояло имя автора, да при томъ это былъ печатный текстъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что Заградскій считалъ его болѣе исправнымъ, чѣмъ тотъ рукописный текстъ, который принадлежалъ ему. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, онъ выписывалъ изъ изданія Парпуры все то, что казалось ему лучшимъ. Такъ, на первомъ же заглавномъ листѣ нашего списка мы видимъ варіантъ изъ четырехъ стиховъ, приведенный Парпурой въ концѣ книги подъ общимъ заглавіемъ „Перемѣны“. Тамъ же помѣщена шестая строфа третьей части, тоже по изданію Парпуры, впослѣдствіи зачеркнутая, вѣроятно послѣ того, какъ вписавшій ее замѣтилъ, что она ничѣмъ почти не отличается отъ соотвѣтствующаго текста самаго списка, сходнаго въ данномъ случаѣ съ текстомъ Энеиды по изданію Котляревскаго. Всѣ эти приписки сдѣланы рукою самого Заградскаго, что видно изъ сходства почерка съ собственною подписью его на заглавномъ листѣ. Но это далеко еще не все. Въ первой части Энеиды Заградскій дѣлалъ подчистки въ своемъ спискѣ и на вытертыхъ мѣстахъ—тоже своею рукою и довольно густыми чернилами вписывалъ не только отдѣльныя слова, но и цѣлые стихи отъ одного до четырехъ изъ печатнаго изданія Парпуры. Иногда на вытертыхъ мѣстахъ можно разобрать нѣкоторыя буквы, доказывающія, что первоначально и въ нашемъ спискѣ стояли тѣ же самые стихи, что въ изданіи Котляревскаго. Особенно это замѣтно, напримѣръ, въ

строфѣ шестой, гдѣ такимъ образомъ стихи 4, 5, 6 и 7-й исправлены согласно съ изданіемъ Парпуры. Начальныя слова пятаго стиха („пошли“) и шестаго („щобъ“) остались не вытертыми, потому что и у Парпуры, и у Котляревскаго есть эти слова. Такія подчистки съ написаніемъ, какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ стиховъ по изданію Парпуры, встрѣчаются въ слѣдующихъ строфахъ первой части Энеиды: въ 4, 7, 9, 11, 13, 16, 17, 24, 26, 27, 28, 31, 40 и 43-й.

Но для характеристики нашего списка вотъ что любопытно. Во многихъ мѣстахъ его есть сходство съ текстомъ Парпуры и на неподчищенныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ изданіи Котляревскаго говорится, что послѣ того, какъ буря улеглась на морѣ, Троянцы, по приказанію Энея, начали готовить обѣдъ:

„Послали шаліовки сосновы,
Кругомъ наставили мисокъ“. (I, 13).

Между тѣмъ у Парпуры и въ нашемъ спискѣ мы имѣемъ такой варіантъ:

„Поставили столы дубовы,
Багацько въ стравою мысокъ“.

Можно полагать, что въ позднѣйшей редакціи Котляревскій замѣнилъ столы шаліовками по тому соображенію, что на лодкахъ у Троянцевъ едва ли могли оказаться столы, слѣдовательно текстъ Парпуры и нашего списка въ этомъ случаѣ древнѣе текста въ изданіи Котляревскаго. Къ тому же выводу приводитъ и 30-я строфа первой части. Вся она передѣлана изъ стараго матеріала, сохранившагося въ нашемъ спискѣ и у Парпуры. Дидона замѣнена сестрой ея Гандзей и создана новая, пластическая подробность танца:

„Эней, матню въ кулакъ прибравши
И не до *солы* промовлявши“...

Оставляя въ сторонѣ анализъ подчищенныхъ мѣстъ, остановимся только на одномъ изъ нихъ. Вся 34 строфа въ нашемъ спискѣ написана рукою Заградскаго. Повидимому, переписчикъ, не разобравъ подлинника, съ котораго онъ списывалъ, поста-

вилъ своею рукою только цифру надъ строфой, а Заградскій, владѣлецъ списка, исправлявшій его, впослѣдствіи написалъ цѣлую строфу на пустомъ мѣстѣ. Такъ можно думать на томъ основаніи, что въ седьмомъ стихѣ этой строфы сперва написано было *галанци*, какъ въ первомъ изданіи Парпуры [1]), а потомъ это слова вытерто и въ замѣнъ его написано *штаны*—слово, посредствомъ котораго исправляется слово *галанци* въ томъ же первомъ изданіи. Во второмъ изданіи, а также въ третьемъ—авторскомъ тоже стоитъ слово *штаны*, а не *галанци*. Намъ представляется дѣло такъ, что слово *галанци* было въ первоначальномъ наброскѣ Энеиды, откуда оно и попало въ первое изданіе Парпуры, который, имѣя подъ рукой другой списокъ Энеиды съ словомъ *штаны*, внесъ это слово въ опечатки для замѣны слова *галанци*, а затѣмъ уже слово *штаны* очутилось во второмъ и въ авторскомъ изданіяхъ. Если догадка наша справедлива, то нельзя отказать первому изданію Парпуры, равно и нашему списку, въ томъ, что они сохранили нѣкоторые слѣды первоначальной редакціи Энеиды, впослѣдствіи уничтоженные самимъ авторомъ.

Можно подтвердить это послѣднее соображеніе еще болѣе выразительнымъ примѣромъ. Въ третьей части Энеиды, въ 52 и 53 строфахъ нашего списка, а такъ же въ изданія Парпуры, разсказывается о томъ, что видѣлъ Эней въ подземномъ царствѣ еще до переѣзда своего чрезъ рѣку Стиксъ. Видѣлъ онъ вѣдьмъ и упырей, огненныхъ змѣевъ съ крыльями, и кощеевъ, и всякихъ чудищъ сказочнаго міра, съ которыми хотѣлъ вступить въ борьбу. Но такъ какъ въ 51 строфѣ сказано, что Эней сильно струсилъ отъ тѣхъ дивъ, менѣе страшныхъ, которыхъ раньше видѣлъ, то воинственный задоръ его былъ бы явнымъ противорѣчіемъ съ страхомъ, только что обнаруженнымъ, поэтому авторъ и выбросилъ въ своемъ изданіи строфы 52 и 53, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, стояли въ первоначальномъ текстѣ

[1]) По объясненію словаря къ изданію Парпуры галанци—нѣмецкіе штаны.

Энеиды. Выходитъ отсюда, что нашъ списокъ и изданіе Парпуры ближе къ этому тексту, чѣмъ изданіе самого автора.

Такимъ образомъ ясно становится, что авторъ, исправляя изданіе Парпуры, исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальный текстъ Энеиды, насколько можно судить о немъ по отраженіямъ его въ мѣстахъ, гдѣ нашъ списокъ сходится съ изданіемъ Парпуры, и оставлялъ безъ всякаго исправленія этотъ текстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нашъ списокъ сходится съ изданіемъ самого автора.

Но есть въ нашемъ спискѣ мѣста оригинальныя, совсѣмъ непохожія на то, что мы видимъ въ изданіяхъ Парпуры и самого Котляревскаго. Встрѣчаются они во второй части Энеиды и гораздо чаще въ третьей. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, поэтому мы на нихъ остановимся.

На пути изъ Карѳагена въ Италію застигла Троянцевъ буря. Тогда Палинуръ, самый мудрый изъ нихъ, послѣ обращенія къ Нептуну, говоритъ имъ:

„Бувайте, братцѣ, всѣ здоровы!
Чи ще никто зъ васъ не пропавъ“?
Теперъ куда мы, братця, пѣйдемъ“? (II, 4).

Вмѣсто второго стиха у Парпуры и у Котляревскаго стоитъ стихъ болѣе умѣстный и согласованный съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ рѣчи:

„Отъ це Нептунъ замудровавъ“.

Троянки, огорченныя безпутнымъ поведеніемъ въ Сициліи Троянцевъ, подожгли троянскія лодки. Въ нашемъ спискѣ говорится по этому поводу: „*отъ трьскотни земля гула*“ (II, 49), т. е. *земля* гула отъ пожара *на морѣ*. У Парпуры и Котляревскаго проще и естественнѣе: „горѣли діоготь и смола“.

Еще примѣръ:

„Теперъ Эней убравсь у пекло,
Прійшовъ совсѣмъ на *иншій* свѣтъ,
Тамъ все поблѣдло и поблекло,
Зеленого ничого нѣтъ“. (III, 70).

Вмѣсто послѣдняго неяснаго и нескладнаго стиха у Парпуры и Котляревскаго стоитъ стихъ, вполнѣ соотвѣтствующій мѣсту дѣйствія: „нема ни мѣсяца, ни звѣздъ“.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ текстѣ нашего списка недостаетъ иногда стилистической обработки, тогда какъ присутствіе ея въ изданіяхъ Парпуры и Котляревскаго могло бы свидѣтельствовать о томъ, что даже изданіе Парпуры менѣе примитивно, чѣмъ нашъ списокъ, если бы не попадались въ немъ мѣста болѣе исправныя, чѣмъ въ изданіяхъ Парпуры и Котляревскаго. Таково, между прочимъ, юмористическое разсужденіе объ отношеніяхъ мужей къ женамъ. Въ авторскомъ изданіи читаемъ:

„Якъ чоловѣкъ и не онее,
Да коли *жинци*, бачишъ, тее,
Такъ треба угодити *имъ*“. (III, 35).

Здѣсь не согласованы въ числѣ слова: *жинци* и *имъ*. Еще хуже у Парпуры:

„Хоть *чоловѣкамъ* не онее,
Та коли *жинци*, бачишь, тее,
Такъ треба угодити *имъ*“.

Здѣсь *имъ* можно отнести къ *чоловѣкамъ*. Въ нашемъ спискѣ эти стихи редактированы вполнѣ грамотно и ясно:

„Хоть *человѣки* не онее,
Такъ коли, бачъ, *жинки* вже тее,
Такъ треба угодити *имъ*.

Но есть въ нашемъ спискѣ двѣ строфы, которыя безусловно ручаются за изначальность текста его не только сравнительно съ позднѣйшимъ авторскимъ изданіемъ Энеиды, но даже и съ изданіемъ Парпуры, которымъ, какъ мы видѣли, авторъ пользовался для окончательной редакціи своей поэмы. Это 105 и 106 строфы третьей части, гдѣ рѣчь идетъ о встрѣчѣ Энея съ Дидоной въ аду. Когда онъ предложилъ ей возобновить старинныя нѣжныя отношенія, то она по нашему списку отвѣчала ему такъ:

„Къ чорту убѣрайся,
На мене бѣлшъ не повапляйся,
Сихей (мужъ Дидоны) *тобѣ роскваситъ нѣсъ*“! (Ш, 105).

Сивилла увидѣла, что нашъ искатель приключеній зашелъ ужъ слишкомъ далеко, и прикрикнула на него, и если бы не это обстоятельство, то

„Сихей по нѣмъ бы привязався,
Щобъ на жѣнкахъ не женихався,
До смерты вдовъ не доводивъ“. (Ш, 106).

Ни у Парпуры, ни у Котляревскаго нѣтъ ни слова о Сихеѣ, а на мѣсто стиховъ съ упоминаніемъ о Сихеѣ стоятъ безразличные стихи:

„Лишъ суньсь, тобѣ росквашу нисъ“. П.
„Не лѣзъ! бо розибью и нисъ“! К. (105 строфа).
„Що тамъ и досвѣтку дождався“. П.
„И може, той поры дождався“. К. (106 строфа).

Ясно, что текстъ нашей рукописи въ этихъ строфахъ ближе стоитъ къ первоосновѣ Энеиды, чѣмъ у Парпуры и Котляревскаго. Замѣчательно при этомъ, что тотъ и другой издатель разошлись между собою въ варіантахъ, соотвѣтствующихъ стихамъ нашего списка. Можно полагать поэтому, что или Котляревскій пользовался не тою рукописью, которая была у Парпуры, или исправлялъ изданіе Парпуры. Вообще же намъ кажется, что, относясь неодобрительно къ изданію Парпуры, онъ пользовался этимъ изданіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно представляло болѣе смягченную редакцію. Такъ, въ 76 строфѣ третьей части онъ, повидимому, охотно принимаетъ редакцію Парпуры въ стихѣ: „ксіондзы до бабъ щобъ не иржали“ вмѣсто: „ченцѣ до бабъ щобъ не иржали“, какъ въ нашемъ спискѣ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна 42 строфа въ третьей части. Рѣчь идетъ здѣсь о „святыхъ понурахъ“, которыя постились и молились и, по изданію Парпуры,

„Въ слухъ не лаяли людей,
Но тихо миръ пересуждали

И въ день николы не гуляли,
Въ ночи жъ було не безъ гостей".

Образъ неопредѣленный и неясный: неизвѣстно, кто эти „святи понуры" по своему общественному положенію и даже—какого онѣ пола. Нашъ списокъ разъясняетъ, въ чемъ дѣло:

„И въ слухъ не лаялы людей,
На чоткахъ миръ пересуждали,
И въ день николы не гулялы,
Родили жъ мертвыхъ все дѣтей".

Рѣзко сказано—такъ, какъ бываетъ иногда въ первомъ наброскѣ писателя, къ которому слетѣло „крылатое" слово, и онъ не успѣлъ еще ему подрѣзать крылья. Котляревскій удерживаетъ изъ наброска *на чоткахъ*, а изъ изданія Парпуры послѣдній, смягченный стихъ, избирая посредствомъ этого пріема средній путь. Такимъ образомъ, благодаря нашему списку Энеиды, мы присутствуемъ какъ бы въ стилистической лабораторіи автора, при самой обработкѣ его произведенія.

Вообще, какъ видно, Котляревскій не охотно занимался исправленіемъ своей Энеиды. Мы видѣли это отчасти изъ предыдущаго, теперь же укажемъ на стихотворные недосмотры въ его изданіи. Мы замѣтили, напримѣръ, въ 134 строфѣ его изданія отсутствіе рифмы, которая сохранилась въ нашемъ спискѣ. Положимъ, это мелочь, но вотъ что важно. Слѣдуя Осипову, Котляревскій усвоилъ восьмисложный ямбъ, при чемъ стихи рифмуются между собою такъ: въ первомъ четырехстишіи первый стихъ съ третьимъ, второй съ четвертымъ, во второмъ двухстишіи одинъ съ другимъ, въ третьемъ четырехстишіи первый стихъ съ четвертымъ, второй съ третьимъ. Получается такимъ образомъ строфа, состоящая изъ десяти стиховъ. Въ нашемъ спискѣ отдѣляется одна строфа отъ другой цифрой: такъ, по всей вѣроятности, было и у самого Котляревскаго въ первоначальной редакціи Энеиды, но въ позднѣйшей редакціи онъ, слѣдуя двумъ предшествующимъ печатнымъ изданіямъ, соединилъ по двѣ строфы въ одну, замѣнивъ безъ всякаго основанія естественную

единицу стихотворной мѣры искусственной. Такія произвольныя группы стиховъ во всѣхъ трехъ первопечатныхъ изданіяхъ Энеиды отдѣляются не цифрами, но тремя звѣздочками.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что было бы большой смѣлостью съ нашей стороны на основаніи предыдущаго анализа текстовъ Энеиды возстановлять первыя три части ея въ томъ видѣ, какой онѣ могли имѣть въ первоначальной авторской редакціи этой поэмы. Думаемъ, однако же, что нашъ списокъ сохранилъ многія черты этой редакціи, утраченныя, какъ въ изданіи Парпуры, такъ и въ изданіи самого Котляревскаго.

П. Житецкій.

СМЕРТЬ МАКАРЫХЫ.

I.

Засыпала насъ зима цей рикъ снигомъ одъ щырого серця; округы, скилько окомъ докынешъ, ривный, билый степъ: ни ярочка, ни бугорочка—все зривнялося пидъ билою намиткою зимы. Тилько „чорни могылы“, ци велетни степови, ци едыни свидкы давнёи бувальщыны, славнои козаччыны,—тилько-тилько що мрiють. На хутори тежъ ни повитки, ни загороды зъ-пидъ снигу не выдно. Поутушковани бурьяномъ та гречаныцею хаты сумно чорнiють зъ-пидъ билыхъ стрихъ. Все зачынено, заховано, наче навить сама надiя прокынутысь по весни для нового жыття мицно заснула, або и зныкла зъ сердець хуторянъ. Литня та осиння доба неустаннои праци мынула... Хлибъ помолочаный, солома въ ожередахъ, и за кинцемъ важкыхъ роботъ прыйшовъ кинець и золотымъ мрiямъ: и цей рикъ, якъ безличъ прежнихъ рокивъ, выпахана нывка не дала ни на одне зернятко бильше того, скилько потрибно симьи хлибороба, щобъ не вмерты зъ голоду, ни на одну соломыну бильше того, скилько потрибно, щобъ не замерзнуты въ хати... „Сыдить, диткы, на печи, не рыпайте хаты, не выпустить того духу, що задержався, хвалыты Бога, за довгу зиму въ хати“,—умовляють матери дитей, затуляючы зъ чадомъ верхъ въ груби. „Треба повитку краще утушкуваты, щобъ телычка не мерзла та меньше йила“,—клопочутся батькы и ще щильнише прыправляють двери у загородахъ.

А ось насунула темна хмара зъ холодного краю, посыпавъ снигъ, а дали де узявся у Бога витеръ, пиднялася завирюха... Ще щильнише затушкувалысь хуторяне, наче въ шкаралупци зачынылыся, и сумно, темно, якъ у домовыни, стало на цёму людному та веселому хутори литнёю добою. Проспивалы перши пивни, выйшовъ сторожъ, ударывъ разъ, у-друге въ клепало, пройшовъ до царыны, повернувъ назадъ, ще разъ подавъ клепаломъ про себе звистку та й замовкъ, задримавшы у затышку пидъ чыеюсь повиткою... Хуторяне зарани сю ничъ полягалы, бо майже ни у кого не було свитла; тилько у одній хатыни, що биля млынивъ, доси не гасылы каганця. Тамъ, скотывшысь зъ подушокъ, лежыть на голому полу хвора Макарыха. Добру годыну гукае вона на чоловика, щобъ оправывъ подушкы, пидославъ пидъ бокы ряденце, пособывъ перевернутысь на другый бикъ,—Макаръ не обзывается, бо спыть, якъ заризаный. Нарешти одъ натуги полылася кровъ зъ горла хвороі, потекла по сорочци, по подушкахъ, и Тетьяна замовкла... але не замовкла та туга, що вже два мисяци хвороба гадюкою вылася пидъ серцемъ...

„Чы вже-жъ мени смерть прыйшла такъ несподивано та нсгадано“?—сумуе недужа. „Господы, Свята Пятныце! заступы, ограды мене! Я-жъ людына ще молода: и 40 рокивъ не прожыла на свити. Сподобы мене, Царыце Небесна, хочъ дитокъ до ума довесты!“

А двое дитокъ—хлопчыкъ 5 рокивъ та дивчынка 7, сплять першымъ мицнымъ сномъ, не думають-не гадають, що останню ничку проводять зъ ридною матирью.

Думка за думкою проносятся въ голови Тетьяны, и кожна думка гиркиша за полынь, чорниша за чорну хмару. Все жыття, якъ одынъ день, прыгадуется мымоволи, и тяжке зитхання вырывается зъ наболилыхъ грудей.

„Чы варто було стилько рокивъ побыватыся, не досыпляты, не дойидаты, щобъ такого кинця диждаты? Цилый викъ чужымъ людямъ годыла, по сусидахъ тынялася, а диждала свого кутка, свого шматка хлиба—неспособна стала никуды,—прыйшовъ часъ помыраты“.

Зъ 10-ты рокивъ довелося Тетьяни служыты, на 20-му пишла въ чуже село замижъ. Чоловикъ трапывся плохый, роботящый, зате свекруха та 5 зовыць жывцемъ йилы. Терпила вона рикъ, перетерпила другый, а на 3-ій подякувала за хлибъ-силь новій родыни та й пишла знову до чужыхъ людей. Незабаромъ прыйшовъ чоловикъ до неи, и сталы воны вдвохъ служыты та на хату гроши складаты. За 5 рокивъ заробылы воны 200 карбованцивъ, купылы у обчества за 2 видра горилкы маленькый грунтыкъ на выгони, зопьялы хатыну та й перейшлы на новеньке господарство жыты. Але скрутно було на перше хозяйство стягатысь: коженъ пудъ хлиба, коженъ оберемокъ соломы гирко доводывся, и ще 8 рокивъ неустаннои праци по чужыхъ людяхъ мынуло, покы Тетьяна та Макаръ спромоглыся хочъ погаченькымы хозяинамы статы. Тымъ часомъ Макаривъ батько померъ, и досталась теперь ёму десятына батькивщыны. Тетьяна наче на свитъ народылася: ще пыльнище стала вона на «своій» нывци працюваты, ще дужче за своимъ хозяйствомъ побываться. Черезъ якый-небудь рикъ повелыся поросята, утята, рижного заводу куры; зацвила на горбди пышна рожа, жовта гвоздыка; засяялы иконы пидъ скломъ, и тилько одного бракувало въ веселій господи невсыпущои господаркы: русявыхъ головокъ невгамовныхъ щебетунчыкивъ. За 6 першыхъ рокивъ замижжя Господь послявъ ій двохъ дочокъ, але чы можна було за чужою роботою гаразды дитей доглядаты у наймахъ? Диты померлы малесенькымы, и Тетьяна недовго побывалася тоди за нымы; зате теперъ, диждавшы свого кутка, своеи нывы, не разъ плакала, прыгадуючы крихотни облычча своихъ дитокъ и благала Святу Пятныцю поблагословыть іи хочъ едынымъ чадомъ. Зоглянулася Св. Пятныця на слизни благання матери, и ось двое чорнявыхъ, червоновыдыхъ дитокъ ростуть, —якъ зъ воды идуть. Невже-жъ ихъ теперъ покыдаты?

— О, Господы Мылосердный! Царыце Небесна!—застогнала Тетьяна.

На сей разъ прокынувся и Макаръ. Пры свитли каганця винъ здавався ще зовсимъ молодымъ. Того, що найдужче оса-

дыло здоровья Тетьяны, винъ николы не зазнававъ: чы у наймахъ, чы у себе дома, винъ, якъ чоловикъ, знавъ тилько денну працю, зъ-позаранку лягавъ спать и, добре спочывшы, встававъ свижый, бадёрный у-ранци. Не те доводылося Тетьяни: цилисенькый день маленька, дрибна, але нагайна, робота, а ничка прыйде—хочъ пряжа, а хочъ яке дрантя, що треба полагодыты, не дадуть заснуть та вволю спочыть. И такъ изо-дня у день, зъ року у рикъ, поки здоровья не загынуло вкрай.

— Царыце Небесна! Святи Угодныкы! Охъ! тяжко дыхаты!—застогнала знову Тетьяна.

— Чого, стара, стогнешъ?—обизвався Макаръ, позихаючы.

— Спышъ, неначе вбытый! — никому и подушокъ мени оправыты,—мовыла зъ докоромъ Тетьяна.

— Ну, якъ тоби? Гирше, чы легше? Чы ба, скилько крови натекло... И звидкиль вона берется? Отъ стилько крови... Ачъ!

— Вперше бачышъ, чы що?—одказала зъ серцемъ Тетьяна. Посунь сюды подушкы... ни, не такъ... сюды... легше-бо!

— Оце горе мени зъ тобою: ще ніякъ не вгожу. Колы-бъ хочъ знаття, чы жытымешъ, чы помрешъ, а то... хто ёго зна... Тилько клопитъ зъ тобою!—мовывъ Макаръ, одходячы одъ лижка жинкы.

Тетьяна хотила щось видповисты, та не стало сылы. За той короткый часъ, поки чоловикъ оправывъ подушкы, зныклы и останни сылы. Вона сыдила теперъ на высоко помощеныхъ подушкахъ и тилько сумнымъ поглядомъ дывылась на Макара. А Макаръ походывъ трохы по хати, напывся воды, вызырнувъ у виконце и пишовъ довидатысь до телыци. Завирюха трохы перейшла; де-у-якыхъ хатахъ вже засвитылы. Макаръ заложывъ телыци соломы, одкынувъ трохы снигъ одъ дверей и неохоче вернувся въ хату. Спать ёму не хотилося, а робыты у-досвита тежъ не було чого; винъ сивъ, не скыдаючы кожуха, на лави и замыслывся.

Зъ тіею думкою, що незабаромъ доведется жинку ховаты, винъ давно звыкся. Що буде зъ нымъ писля смерти жинкы, якъ справлятымется винъ одынокый зъ двома дитьмы, зъ хозяйствомъ,

якъ тягтыме теперъ винъ самъ те ярмо, що було иноди не въ сылу тягты у-двохъ—про те винъ тежъ не думавъ. „То ще мае колысь буты и якось-то буде! Прыйде время—и саме жыття покаже; люде порадять и самъ винъ побачыть, якъ ёму жыты, що робыты: чы одынокому вику дожываты, чы другои дружыны шукаты“. Турбувала ёго тилько одна думка: де грошей здобуты теперъ для похоронъ жинкы? За 15 рокивъ невстаннои праци воны встыглы тилько збудуваты оселю про жыття, про смерть-же не малы часу дбаты. Одже не спытала несподивана гостя, чы уготовылы господари чымъ ии витаты, чы прыпаслы грошей на горилку, зйижу, на нову оселю-домовыну; стука въ двери, переступае поригъ, немылосердна, ось-ось наблызыться до самого лижка хвороп жинкы, и що винъ тоди робытыме, де здобуде грошей, щобъ поховать та помянуть жинку?

— Охъ, колы-бъ Тетьяна ще хочъ цей тыждень протягла!—тяжко зитхнувъ Макаръ:—въ городи на тимъ тыжни ярмарокъ, продавъ-бы кожушанку за 6 карбованцивъ, доклавъ-бы ти 3 карбованци, що жинка на оплаткы наскладала, та й поховавъ-бы ии безъ клопоту...

Правда, въ загороди ще телычка йе—хиба ии продаты? Телычка тильна, а къ Велыкодню телятко прыведе, буде коровою. Легко сказать: „корова у двори“, та не легко диждаты такого щастя... Въ той день, якъ вперше обизвется телятко на загороди, вси хуторяне знатымуть, що Макаръ вже вызволывся зъ становыща голоты, що по весни винъ бильше не бигатыме, не кланятымется, щобъ хто заскородывъ ёго нывку, а спряжется зъ сусидомъ и выйде на поле зъ своимъ тягломъ, своею бороною... Ну, а якъ помре жинка, то може и доведется телычку продаты. Хиба у жинкы порады попытаты?—и винъ заговорывъ про це до Тетьяны.

— Телычку продавать?—скыпила Тетьяна!—Онъ яки замиры вже маешъ? Якъ глядилы, якъ ростылы телятко, та теперъ продаваты! Чы не наболило ще серце, дывлячысь на дитей, якъ воны въ сусидськи глечыкы заглядають. Та тебе швыдче правцемъ поставыть, нижъ ты спроможешся другу телыцю купыты...

— Та я жъ тилько порады у тебе пытаю. Чымъ я тебе поховаю, якъ помрешъ до масници? За кожушанку ничого безъ ярмарку не вторгую,—обизвався Макаръ.

— Вже и кожушанку продаваты? Я жалкувала до церквы ій надиваты, черезъ те и застудылася, що на торгъ пишла у юпчыни, рокивъ зо два гроши по шагу на неи збирала, а ты мерщій на торгъ... Потривай трохы, не поспишайся! Замисть того, щобъ попыльнуваты та якыхъ ликивъ у аптеци задля хвороі жинкы здобуты, ты мерщій—хозяйствечко збуваты, телычку продаваты. Не надійся, не помру сплоха, ще пожыву на твою голову,—дарма, що не хочешъ поклопотатысь.

— Охъ, ще мени про тебе клопотатысь? Всякому обрыдне два мисяци зъ хворою возытысь. Самъ топы, самъ вары, самъ за всячыною... то тобъ-то ще и дохторивъ та бабивъ зъ усёго свиту склыкать! Колы-бъ вже тебе Господь прыймавъ, або-що, а то тилько зануда.

— Зануда? За твоимы злыднямы здоровья загубыла. Не була-бъ за тобою—не лежала-бъ теперъ, якъ колода. Тоби жинка була люба, покы робыла, а якъ занедужала, то и на смитныкъ здатенъ выкынуты. Гляды! спиткае и тебе лыхая годына, згадаешъ тоди Тетьяну, не разъ пошкодуешъ, та не поможется,—докоряла стыха Тетьяна.

— Чы я тебе займаю? Лежы, колы лежышъ. Застудылася, занедужала, неспособна стала робыты,—про те я тебе не докоряю... Мени, може, тяжче доводытся, нижъ тоби лежаты,—видповивъ Макаръ, простягаючысь знову на лави спаты.

— Мени легко лежаты? Хозяйствечко чысто пропало—хиба легко мени бачыты? Ото-жъ на жердци высять непопрани мишечкы,—попріють чысто одъ земли, а я жъ на ныхъ на спилъ конопли брала... У лёху доси огиркы поцвилы, капуста загнылася, а я-жъ и огирочкы, и капусту на одробитокъ брала. Охъ, Господы! Колы-бъ мене хочъ на одынъ день одпустыло—я бъ хочъ у лёху попрыбирала!... Конопли мыши доси пойилы. Мабуть вже у-досвита засвитылы,—прядуть жиночкы, тилько я лежу.

— Напрялась на своёму вику—буде зъ тебе!—обизвався Макаръ, перевертаючысь на другый бикъ.

— Чому-жъ то: „буде зъ мене“? Може таки я ще одужаю, може Господь сподобыть мене ще яку сорочку спрясты!...

— Хиба на тому свити!—буркнувъ Макаръ и укрывся зъ головою, щобъ не чуть бильше жинчыныхъ докоривъ.

Але Тетьяна цёго не бачыла: все те, що накыпило на серци за довгу хворобу, все те, що передумала, пережыла вона нышкомъ за два мисяця, заворушылося теперъ, закыпило, стало прохатысь геть зъ наболилыхъ грудей.

— Ты гаразды враждуваты та судыты мене, а якъ помру, та визьмешъ другу жинку, то побачышъ, яка зъ неи буде тоби дружына, дитямъ маты, у хозяйстви робитныця. Не шкодувала я ни здоровья, ни спокою, щобъ свого кутка диждаты, а вона не схоче готового добра и зберигаты... И хату, и телычку, и кожушанку прыдбала, а вона переведе все, розпустыть, роскыда, попсуе, бо вона-жъ не знатыме и не бачытыме, якъ воно мени все те дійшлося...—казала Тетьяна, важко переводячы духъ и що-хвылыны стыскуючы долонямы розболилый бикъ.

Макаръ не обзывався, бо зразу заснувъ. Одначе Тетьяна не стыхала: де-килька разивъ кашель перепынявъ ии ричъ на пивъ-слови, але заспокоившысь трохы, вона вела свою ричъ дали. И чымъ бильше казала вона, тымъ дужче розгоралыся очи, тымъ бильше червонилы выскы: ця остання сповидь, здавалося не тилько не втомляла ии, а навпакы—додавала животворну сылу вмыраючому тилу. Одъ докоривъ, одъ згадокъ про мынуле жыття, переповнене самымы недостаткамы та невстанною працею, вона перейшла до сучасного становыща, смилыво зазырнула у вичи майбудныстн. О! вона ще не помре. Ій не можна ще вмыраты: мали диты, нова хата, своя коривка—ни, годи и думаты про смерть! Вона мусыть жыты—мусыть зберегты одъ поталы те, що прыдбала циною свого здоровья, працею 30 рокивъ, и вона зостанется жыты. Ій вже и за сю ничъ значно полегшало. Колы-бъ не такый питъ та не такый кашель, то вона-бъ вже и клопоталася помаленьку. И та кри-

хотна надія на жыття, що якось непрымитно прокралася въ серце недужои, росла зъ хвылыны на хвылыну: ще годына—и Тетьяна вже певна була, що одужае, що незабаромъ покыне тверде лижко, и знову закыпыть у дужыхъ рукахъ робота.

Нарешти трохы заспокоена такымы думкамы, вона заснула.

II.

Спала вона не довго: тилько що розвыднылося, хтось пидійшовъ до ій лижка, прыдавывъ за нисъ и ставъ лапаты за рукы та за ногы. Вона росплющыла очи. Передъ нею стояла баба Горпына, а трохы оддали ще де-килька жинокъ. Важкый духъ одъ чобитъ та кожушанокъ, холодный витеръ, що врывався въ одчынени двери, прычынылы ій кашель, и вкрай стомлена имъ Тетьяна, ледве переводячы духъ, одвернулася одъ непроханыхъ гостей до стинкы. Горпына перехылылась всимъ своимъ худымъ, высокымъ станомъ и зазырнула черезъ голову у вичи хворои.

— Потягло очи, вже и земля надъ губамы пала,—мовыла вона журлыво жинкамъ, що стоялы стыха та сподивалыся, що-то баба Горпына скаже.—Рукы холоднисеньки та й сама тилько-тилько що тепла,—додала вона, скыдаючы ватянку.

— Вы-бъ ій сорочку переминылы та подушкы пообтыралы,—пораяла молода московка у чоботяхъ на высокыхъ закаблукахъ въ голубій ватянци.

— Навищо ій тревожыты? Помре, то однаково прыйдется переминяты,—мовыла Горпына, одначе одирвала одъ старои сорочкы ганчирку, умочыла въ воду и стала обтыраты окривавлени губы, выдъ та подушкы.

Тетьяна застогнала.

— За вухомъ обитрить,—пидступыла слипенька на одно око баба.

— Волосся сплуталося—боюся, щобъ не ускубнуты,—видповила Горпына.

— Та вона вже не чуе; ось дайте я обитру.

— Де тамъ, не чуе? Адже стогне,—мовыла Горпына, вырываючы зъ рукъ слипенькои бабуси ганчирку, котру та було вже потягла до себе.

— Ось не займайте,—помре, то обмыемо тоди до-дила,—заспокоила Степаныда слипеньку бабу.

— Може вона вже и померла?— запытала пошепкы Мотря.

— Ще не вмерла, а швыдко помре: разъ пійде теплый духъ, а въ друге—холодный. Ось прыступить, кумо Хрысте, та подывиться,—мовыла тежъ пошепкы Горпына.

Кума Хрыстя прыложыла долоню до рота хвороі.

— Ай справди: разъ теплый духъ, разъ холодный. Помре незабаромъ сердешна Тетьяна; колы-бъ хочъ встыгла порядокъ якый дать.

— Треба небезпреминно, щобъ роспорядылася,—чоловикови, диткамъ, хозяйствечку якый порядокъ дала,—пидхопыла баба Мотря.

— А якъ-же, треба про все роспытатысь. Тетьянко, а Тетьяно! може-бъ ты якый порядокъ дала?—наблызылася знову до недужои Горпына.

— Та не займайте іи!—бачыте—лупнула очыма та й знову заплющыла. Ій, сердешній, дыхать важко, а воны про порядокъ клопочутся,—вкынула свое слово московка.

— У тебе порады про худобу пытаты, чы въ кого, якъ помре?—накынулася на московку слипенька баба.

— Яка тамъ худоба? Скилько тіеи худобы?—завважыла московка.

— Та вже хочъ и невелычка худоба, та загорёвана. Цилый викъ жинка працювала,—не дойидала, не допывала, та тобъто теперъ свою худобоньку на людську волю виддаваты!—мовыла Мотря.

— Що-то и казаты? Мы не роспытаемося, вона намъ не скаже, а потимъ на тимъ свити на насъ враждуватыме, що мы іи добру та не зналы, якъ ладъ даты,—додала Степаныда.

— Тетьяно, а Тетьяно!—допытувала тымъ часомъ Горпына хвору:—чому ты намъ не кажешъ, чому порады не даешъ?

Порадь чоловикови: чы ёму коривку держаты, чы може продаты, чы ёму самому хозяйнуваты, чы другои матери дитямъ шукаты?

— Я ще не помру,—обизвалася черезъ сылу Тетьяна.

— Э, куды тоби вже, сестрыце, жыты, якъ печинкы чысто потлилы!—зитхнула Горпына.

Тетьяна одвернулася.

— Не хочется помыраты? Що-жъ робыты! Якъ прыйде призначаный часъ, то одъ смерти нихто не одкупыться: ни багатого, ни бидного, ни щаслывого, ни безталаннаго, якъ часъ ёго прыйде, смерть не мыне,—мовыла Горпына.

— Може-бъ ще яки ликы и пособылы?—запытала московка.

— Яки тамъ ликы, якъ и на выду вже почорнила!—наче ажъ розсердылася слипенька баба.

— Мала Макарови и такъ втрата? Ось помре жинка, то и поховать ни-завищо буде, не те що на ликы втрачатысь,—мовыла Степаныда.

— Господня воля—ото вси ликы!—додала Мотря.

— Розскажы, серденько, до-дила, якъ Макарови жыты, що ёму робыты безъ тебе? Чы продать коривку, чы може кожушанку, чы въ касси позычыть?—допытувала Горпына.

Тетьяна повела рукою на пичъ—тамъ спалы диты.

— Вона велыть дитей збудыты,—мовыла московка.

— Ни, то вона велыть коривку диткамъ зоставыть,—мовыла Хрыстя.

— Ни, то вона такъ, зъ досады повела...

— Тш!... стала усовищаты московка:—жинка помырае, а воны заходылыся спорытысь.

— Кажы, Тетьянко, до-дила, щобъ мы вси зналы та твою волю уволылы, щобъ ты потимъ на чоловика не враждувала, щобъ твоя душа не печалылася: продавать коривку, чы ни?—допытувала Горпына.

— Ничого не продавать...—видповила черезъ сылу Тетьяна, и дви крупни, якъ горохъ слёзыны покотылыся по выду—упалы на сорочку.

— Не велыть ничого продаваты,—пидхопылы жинкы.

— А якъ звелишъ чоловикови жыты? Чы шукаты хозяйкы якъ помрешъ, чы зъ дитьмы самому хозяйнуваты?—пидступыла слипенька баба.

Тетьяна знову повела рукою. Бабуся не побачыла и знову запытала:

— Адже бачышъ—рукою повела; тилько-тилько що не скаже: „мени однаково: якъ хоче, такъ хай и жыве, абы дитокъ до ума довивъ“,—видповила за Тетьяну Хрыстя.

— Господь ii Мылосердный зна, навищо вона рукою повела, що въ неи на думци? Колы-бъ сказала, то було-бъ найкраще,—завважыла Мотря.

— Охо-хо-хо! Царыце Небесна, Святый Мыколо, угодныкъ Божый! Чы жыва наша зозулечка, а чы прысвятылася бидна голивонька?—запытала увиходячы та бабуся, що вже 12 рокивъ поспиль на богомилья ходыть.—Прощай-же, прощай, сестрычко! Прости мене, прости насъ усихъ, моя горлычко! Не занось гнива на насъ на той свитъ, помолыся за наши гришни души передъ Престоломъ Господнимъ!—мовыла вона дали, прыступаючы до лижка Тетьяны та уклоняючысь навмырущій ажъ до самои земли.—Диточкы-жъ мои, чаеняточка! Вы-жъ не думаете и не гадаете, яка васъ, сыритокъ, доля чекае. Пидходьте пидъ матерынське благословеніе—хай васъ ненька риднесенька на все добре благословыть!—заклопоталася бабуся.

Дивчына заголосыла на всю хату и стала злазыты зъ печи, а хлопець, зъ пырогомъ въ одній руци и шматкомъ кныша у другій, ще мицнише прытулывся до печи. Бабуся злизла на пилъ стягла хлопця зъ печи и поставыла передъ матирью поручъ зъ сестрою.

— Пидступыся и ты, Макаре, до жинкы,—ты може найбильше выненъ передъ своею дружыною: хай вона тебе поблагословыть,—звернулася бабуся до Макара, котрый саме увійшовъ

Макаръ пидійшовъ слухняно до лавы.

— Прости мене, Тетьяно!—мовывъ тыхо Макаръ и, вперше за всю хворобу жинкы, заплакавъ. Тилько теперъ, въ ци ос-

танни хвылыны життя ін, серце ёго боляче забылося, тилько теперъ цилкомъ зрозумивъ винъ, яке горе спиткало ёго. Не тилько слухняный, терплячый робитныкъ, супруга у ярми, покыдае ёго,—едына блызька ёму на всёму просторому свити людына иде одъ ёго, и нихто ничымъ вже не замистыть ёму того серця, що былося, болило, радило на протязи трохы не 20 рокивъ спильно зъ ёго власнымъ серцемъ.

— Просты мене, Тетьяно!—мовывъ винъ вдруге, прыпадаючы до жинкы.

Облычча Тетьяны перекосылося—вона широко одкрыла очи.

— Двери... дыхаты... простогнала вона.

— Видчынить дужче двери!—Верхъ одтулить!—заклопоталысь жинкы.

— Господы! якъ ій, сердешній, важко дыхаты!—тяжко зитхнула Хрыстя.

— Ще-бъ не важко було, якъ печинкы чысто потлилы.—

— Благословы-жъ, Тетьянко, дитокъ та чоловика!—прыступыла знову богомильна бабуся.—Глянь, Тетьянко: дружына и диточкы твои передъ тобою!

Тетьяна глянула на дитей...

— Поблагословы-жъ ихъ, галочко!—мовыла ще разъ бабуся, пидіймаючы ослабилу руку хворои.

Тетьяна зъ велыкою сылою протягла дали руку и осинула невелычкымъ хрестомъ голивкы дитей та чоловика. Жинкы сталы утырать нышкомъ слёзы.

— Охъ! якъ-же вона важко дыха! Ачъ! наче рыбына безъ воды,—промовыла Хрыстя, зазыраючы черезъ московчыне плече на Тетьяну.—

— То вона вже кончается...

— Охъ! пропустить мене,—я боюся!—кынулася московка до дверей.

— А порядку такы не дала!—нагадала Мотря.

— Хиба доси порядку не дала?—здывувалася Горпына, тилько теперъ повернувшыся до хаты, бо, впевнывшысь, що

Тетьяна не дожыве и до вечора, вона покынула жинокъ биля хвороі, а сама побигла на хутиръ чавунивъ на окрипъ добуваты, и ввесь останній часъ не була въ хати.

— А ни пары зъ устъ, ввесь часъ мовчала,—мовыла Мотря.

Горпына поставыла чавуны на лави и зазырнула у вичи Тетьяны.

— Вже одходыть! Якъ-такы можна отаке допустыты? Стилько народу було, та то и не допыталыся ничого. Колы-бъ хочъ на часыну опамяталася,—заклопоталася Горпына и прыдавыла Тетьяну злегенька за нисъ, щобъ та прокынулася ще хочъ на хвылыну для жыття та дала бажану нораду.

Замисть видпочыди Тетьяна у останній разъ зитхнула,—и вылетила душа легенькою парою зъ наболилыхъ грудей.

— Померла! Хочъ пытай, хочъ не пытай—вже не скаже ничого,—мовыла Горпына, закрываючы вій помершои.

— Царство Небесне! Вичный покій!—перехрестылася богомильна бабуся и стала передъ иконамы быть поклоны.

Жиночкы тежъ повернулысь до иконъ и сталы молытысь за упокій новопреставленои рабы Божои Тетьяны.

— Чы нема у тебе пятакивъ?—звернулася Горпына до Макара.

Макаръ вытягъ зъ скрыни хустку, розвязавъ вузлыкъ, въ котрому було завъязано два карбованця бумажкамы та трохы мидякивъ, и подавъ два пятакы Горпыни.

— Чы йе окрипъ?—запытавъ хтось зъ жинокъ.

— Треба обмыты, покы тепла, а то потимъ ни ногамъ, ни рукамъ рады не дасы,—замитыла Мотря.

— Окропомъ не клопочиться: два чавуны до себе въ пичъ ще у-досвита засунула, а це ось ци чавуны наллю та посуну. Роздягайтесь, жиночкы! Вытягай, Макаре, сорочку та запаскы про смерть, та лагодысь йихать у городъ по горилку та по хусткы, а ты, Мотре, попрохай Гарасыма, щобъ сповистывъ батюшку,—почала давать порядокъ баба Горпына.

Гарасымъ згодывся не тилько сповистыть батюшку, але умовытысь про похоронъ, поторгуватысь за Вангеліе, хоругвы, за прычтъ, за коней, а ця справа була далеко не легенька, бо цилкомъ залежала одъ настрою панъ-отця Ардаліона; настрій же залежавъ одъ рижныхъ выпадкивъ, а найбильше видъ „характера“ тыхъ бисивъ, що доводылось батюшци выгоныты зъ „одержимыхъ“ парафіянъ. Иноди траплялося таке слухняне, покирлыве, навить дурненьке бисенятко, що досыть було батюшци добре напьястыся та трычи крыкнуты „проклинаю“, „заклинаю“, щобъ воно пидобгало хвистъ та втекло безъ висты; иноди-жъ траплявся такый упертый та лукавый, що панъ-отець ажъ упріе заклынаючы, и тилько черезъ добру годыну такыхъ проклёнивъ, що ажъ волосся пидводятся на голови, нечыста сыла покыдае свою жертву, але тутъ-то и чекае панъ-отця горе. Збентеженый зъ свого першого прыстановыща бисъ перескакуе, не довго думавшы, въ просторый утрунокъ панъ-отця и почынае тамъ хозяйнуваты, якъ у себе въ пекли. Даремно старается панъ-отець затопыты биса оковытою—нечыста сыла вырынае наверхъ, якъ пирьина и выявляется то неподобающымы словесамы, то якымы-небудь прыкрымы дияніямы. Довго дывувалыся, довго сердылыся парафіяне, але якъ прочулы одъ самого батюшкы, яка ёму прыгода трапляется, якъ розибралы, що то нечыста сыла сквернословыть устамы ихъ пастыря, що то лукавый бисъ управляе серцемъ ёго, то заспокоилысь и сталы терпляче сподиватысь того часу, колы нечыстій сыли обрыдне самій коверзуваты. Правда, якась недобра душа донесла нарешти куды слидъ, и батюшку змистылы рокивъ черезъ два, але въ той часъ, колы Гарасымъ увиходывъ у батюшчыны горныци, панъ-отець саме борыкався зъ бисомъ Солопіи, котру прывозылы за три дни до смерти Макарыхы, и Гарасымъ видразу спостеригъ по облыччю матушкы, по заплаканымъ очамъ наймычкы, а найбильше по духу одъ монополькы, що безталанному панъ-отцю Ардаліону неперелывкы.

Добру годыну довелося Гарасыму посыдиты въ кухни, покы панъ-отець пообидавъ та выйшовъ.

— Чого треба? Чого прыйшовъ?—запытавъ отецъ Ардаліонъ Гарасыма.

Глянувъ Гарасымъ на батюшчынъ нисъ скоса тай зитхнувъ сердешный.

— Чого прыйшовъ?—гукнувъ вдруге батюшка.

— Макарыха Богови душу виддала, такъ найпокорнише вашои мылости прошу прыйихать.

— Яка це Макарыха? Якъ фамилія? Яка Трохымыха?—перехопывъ ричъ Гарасыма батюшка.

— Макарыха,—поправывъ Гарасымъ.

— Фамилія? Фамиліи пытаю!—крыкнувъ несвоимъ гласомъ панъ-отець.

— Хвамылія... прызвище? Та... якъ іи... тая... просты Господы, забувся...

— Якъ забувся? Якъ забувся?—ще дужче закрычавъ батюшка.—Ты въ шынкъ, по горилку прыйшовъ? Геть зъ моеи хаты, ньянюго! Выпывъ кварту, та тоди до батюшкы съ порожнимы рукамы.

— Хочъ и запрысягты, батюшечко, и рисочкы въ роти не було... И въ заводи немае горилкы дома... Хиба-бъ я...

— Геть! Вонъ!—перепынывъ отець Ардаліонъ Гарасыма и хотивъ ще ногою топнуть, та якось схытнувся.

— Ардаліоша! Ардаліоша! Не сердься-бо!—мовыла несмилыво матушка. Це мабуть, чоловиче, чы не Грабенкова померла?—звернулася вона до Гарасыма.

— Эге-жъ, эге!—зрадивъ Гарасымъ,—Грабенкова, вона.

— То-то и йе! Грабенкова!—мовывъ строго батюшка.—А де дытына? де кумы?—крыкнувъ ни зъ того, ни зъ сёго отець Ардаліонъ.

Гарасымъ настановывъ вуха...

— Де дытына?—крыкнувъ ще дужче батюшка.

— Тебе, Ардаліоша, ховаты, а не хрестыты запрохуе чоловикъ. Грабенкова, серце, померла,—заступылася за Гарасыма матушка.

— Ага! Грабенкова померла?—нарешти розибравъ батюшка.

— Эге-жъ, эге... Грабенкова, сёгодни померла... Просымо васъ найпокорнише поховаты ii.

— Не хочу я ii ховаты. Не хочу, тай край. Такъ и перекажы: казавъ батюшка, панъ-отецъ Ардалiонъ, що не хоче ховаты Грабенковои... Де вона говила? Въ манастыри. Хай-же ii и ховають монахы. Почимъ я знаю, якъ вона говила? Може вона замисть церквы, въ шынку сыдила.—Не хочу я такыхъ свыней ховаты. Свiй храмъ тилько що не завалыться, прычтъ духовный тилько що зъ голоду не погыбае, а вы свои мидякы монахамъ виддаете! Скилько вы даете батюшци за требы? Шагы! А якъ я тилько прызначывъ за сповидь вашои богомерзскои души по 10 к., такъ вы вси въ манастырь побиглы говиты? Не хочу-жъ, колы такъ, васъ ховаты...

— Вашои мылости, батюшечко, прохаю, не гнивайтесь на новопреставлену—може въ неи справди не було грывеныка на сповидь. Зробить Божеську ласку—поховайте ii безъ серця.

— А скилько дадуть за похоронъ?—запытавъ трохы мылостывише отецъ Ардалiонъ.

— Звистно, люде бидни—якъ спроможутся, такъ и подякують вамъ,—мовывъ обережно Гарасымъ.

— Меньше одъ двохъ карбованцивъ не визьму, а за Вангелiе, хоругвы, прычтъ особо. Та щобъ добрыхъ коней прыслалы, чуешъ?

— Чую, чую, батюшечко. Тилько не въ гнивъ вамъ буде, що скажу: поховайте ii за полтыннычка, зробить Божеську мылость, люде бидни...

— Ты на торгъ прыйшовъ?—крыкнувъ батюшка, ажъ шибкы въ викнахъ забряжчалы.—Два карбованци, ни копiйкы меньше.

— Хай вже и два карбованци, тилько щобъ за Вангелiе, хоругвы и прычту вже не платыты...—уклонывся нызенько Гарасымъ.

— Такъ ты ще торгуватысь? Геть пишовъ! Не хочу я нiякъ васъ ховаты. Якъ собакы пропадайте! До монахивъ идить. Маршъ!—розсердывся ще дужче батюшка.

— Колы-жъ звелыте коней прысылаты?—запытавъ похмуро Гарасымъ.

— За коней пытаешъ, а про гроши мовчышъ? Знай, що у-набиръ я не ховатыму. Мени нема дила, що Грабевка, чы якъ ёго тамъ, злыдни пойилы—мени гроши щобъ булы зразу, а якъ не дадуть впередъ, то я назадъ пойиду—такъ и скажы тамъ. Чуешъ?

Грыцько все добре чувъ. Кримъ того, винъ бачывъ, що упертый бисъ Солопіи тилько що почавъ коверзуваты, и колы Гарасымъ протягне свою розмову зъ панъ-отцемъ дали, то нечыста сыла добавыть до двохъ карбованцивъ ще мирку пшеныци, кварту горилкы або крашанокъ, и бильше не змагався.

— Чую! чую!—покирлыво видповивъ Гарасымъ, и уклонывшысь нызенько батюшци и матушци, подався геть зъ кимнаты.

Ш.

Иванъ Крыворотько запригъ свою шкапыну и пидйихавъ до Макаровои хаты. Макарови зоставалося тилько систы та йихаты въ городъ за покупкамы; одже довго ще не сидавъ винъ, довго блукавъ то по-надвирью, то по хати, довго роздывлявся по всихъ куткахъ, наче чого шукаючы. „Зъ чымъ йихаты въ городъ? Що продаты?“—пытавъ винъ себе, у-десяте зазыраючы у порожню хыжу. Але скилько не прыгадувавъ, скилько не дывывся—и на очи, и на думку спадала разъ-у-разъ колы не кожушанка, то телыця. Кожушанка-телычка! Телычка-кожушанка!—проносылось у голови, а на серци становылося все тяжче. Шкода кожушанкы продаваты—жинка до церквы не надивала, дочци прыберигала... а ще шкодныше телычку виддаваты...

— Чы ты у лиси заблудывся, чы голову загубывъ?—крыкнувъ ёму Иванъ.

— Зразу, зразу иду,—мовывъ Макаръ и, нарешти ухопывшы зъ одчаемъ кожушанку, сивъ у сани.

Люде почалы вже зъ торгу розйиздытысь, проте кругъ Макара зъ новою кожушанкою на рукахъ зибралося чымало жи-

нокъ та чоловикивъ. Коженъ бравъ кожушанку, розглядавъ ій зъ усихъ бокивъ, коженъ бажавъ купыты, але дававъ „по своихъ достаткахъ“ такъ мало за неи, що Макаръ вырывавъ зъ серцемъ кожушанку и ишовъ дали. Дали обступалы ёго знову люде, знову роздывлялыся, роспытувалы, божылыся и нарешти давалы ще меньшу цину.

Вкрай розсердывшысь на купцивъ-голоту, а найбильше на саму Тетьяну, що померла не дождавшы ярмарку, Макаръ пишовъ до саней. Тамъ стара, ажъ сыва, кобыла працювала беззубымы яснами надъ оберемкомъ соломы. Макаръ штовхнувъ зъ пересердя ій въ бокы, крыкнувъ не-знать навищо: „стій, проклята!“, вырвавъ зъ роту солому, ударывъ мотузянымъ батогомъ и повернувъ оглобли до-дому. Винъ певенъ бувъ, що на хутори нихто ёго не вызволыть, бо у такыхъ людей, якъ и винъ, тилько хиба у-осены, до оплатокъ, поводыться копійчына, а дукари дбають тилько про себе,—але не зважывся и виддаваты у пивъ-цины ту кожушанку, що далася такъ гирко.

„Якось-то буде... Люде щось прырозуміють... Не зостанется-жъ Тетьяна непохованою“,—розважавъ винъ себе, покы кобыла помаленьку тюпала до-дому. „Може и батюшка поховае безъ грошей—тоди я за прыпасени гроши труну справлю, а останне—якъ Богъ дасть“!...

Але дома дожыдала ёго недобра звистка про панъ-отця Ардаліона: меньше одъ двохъ карбованцивъ за самый похоронъ батюшка не схотивъ взяты! Сивъ Макаръ край столу, схылывъ свою голову на згорнути рукы—ніякъ соби рады не дасть. Що робыть, де дистаты грошей, колы навить и въ касси немае! Звернутысь до Афанасія Петровыча Карпенка? Не позычыть и той за спасыби: доведется хочъ землю пидъ застанову виддаваты, хочъ на таки одробытки згожуватысь, що и лито святе за ёго роботою пропаде. Куды звернутысь? Де дистаты грошей?—въ-десяте пытавъ себе Макаръ, дывлячысь, якъ жиночкы пыльнують биля бездыханного тила жинкы. И справди, жиночкы одна одну попережалы, одна передъ одною хапалыся выказаты у рижныхъ дрибныцяхъ свою повагу цёму тилу. Докы це тило було жыве,

кожна зъ сусидокъ хочъ и рада була зробыть яку полегкисть, та не мала часу, а иноди не знала, якъ пособыты; за часъ хворобы тилько знахорка хиба, трохы ликарь, а може трошечкы и фершалъ, а найпаче самъ Господь Мылосердный мигъ пособыты недужій. Зъ тіеи-жъ хвылыны, якъ Господь прынявъ душу, якъ Тетьяна навикы заплющыла очи, зныкла рижныця мижъ знахаркамы, ликарямы та простымы людьмы, и выступылы певни, всимъ видоми, для всихъ однакови обовязкы „жывыхъ“ до „мертвои“. Тетьяна, якъ жыва людына, мала своихъ ворогивъ, своихъ друзякивъ; Тетьяна, якъ мрець,—однакова до всихъ: душа іи скынула ти кайданы, що прымушувалы іи иноди нышкомъ зитхаты, иноди у голосъ тужыты, а иноди навить зло чыныты такымъ самымъ закайданенымъ людямъ на земли, якъ и вона. Тетьяна скинчыла вже свою подорожъ; терній не колотыме бильше іи нигъ, и вона не зазихатыме бильше на чуже добре, якъ на пидстилку пидъ скривавлени ногы, нихто не заважатыме ій бильше на дорози, нихто не штовхатыме іи, и вона въ свою чергу не пхатыме сусида въ канаву.

Одначе це тило, ци тяжки кайданы—не хымера, не выгадка: Господь звеливъ ёму родытыся, росты, жыты, хворуваты, за-рады цёго тила доводылося на протязи жыття не разъ крывдыты навить душею, и теперъ душа, хочъ и выйшла зъ тила, але ще не покынула ёго: тры дни литатыме вона поблызу биля ёго, дывытымется на ёго и пыльно стежытыме, яку пошану виддадуть ёму въ-останне люде.

Жиночкы не шкодувалы праци, але богомильна бабуся клопоталася найдужче, якъ-бы краще знарядыты новопреставлену на той свитъ. Сама вона и сорочку завьязала, сама запаскы оправыла, сама и очипокъ надила, и Макаръ, сыдючы тутъ, середъ заклопотаныхъ жинокъ, на хвылыну навить забувъ про свое горе, про те, що то пораются люде биля ёго мертвои дружыны.

— Чому ты въ городъ не йидешъ?—ажъ сплеснула рукамы баба Горпына, вносячы видра зъ водою.

— Ни зъ чымъ йихаты,—видповивъ Макаръ, пидводячы свою зажурену голову.

— Адже у тебе йе два карбованци?

— Що тыхъ два карбованци? Батюшци та прычту заплачу, а покупокъ ни-завищо справыты...

— Та вже-жъ безъ труны не обійдешся,—обизвалася наче зъ серцемъ слипенька бабуся.

— Та не обійдуся,—сумно мовывъ Макаръ.

— Вже часъ робыты труну, а у тебе ще и дощокъ нема,—нагадала знову слипенька.

— И самъ знаю, що часъ вже труну робыты, такъ немае грошей... Хиба купыть дощокъ, а батюшци десь може розстараюся?—

— Хиба самыхъ дощокъ треба? Ще въ тебе ни платкивъ, ни свичокъ, ни меду, ни горилкы,—нагадала ще разъ слипенька бабуся...

— Пиды ты зразу до Карпенка та попрохай позычыть 5 або 6 карбованцивъ. Визьмы и кожушанку зъ собою;—продавать не продавай, бо покійныця не велила, а пидъ застанову можешъ виддать,—пораяла Горпына.

— Не позычыть Карпенко, я до ёго звертався колысь, такъ не давъ,—мовывъ Макаръ.

— Не позычыть, то не пидемо красты. „На нема и суда нема". Якъ не розстараешся ниде грошей, то и покійныця выбачыть. Що робыты, якъ нема чымъ помянуты!—помолымося за ій душу та й розійдемося,—обизвалася Мотря зъ печи, де вона збирала у мишокъ суху пашню.

— Иды-жъ швыдче до Карпенка,—пораяла вдруге Горпына, очевыдячкы не згожуючысь, якъ и вси останни жинкы зъ Мотрыною порадою: „помолытыся за душу Тетьяны та й розійтыся"...

— Карпенко саме прыйихавъ зъ города,—напевне уторгувавъ за пшеныцю,—вкынула свое слово Хрыстя.

— Уклоныся ёму, попрохай ёго гарненько, то винъ такы може уважыть хочъ на сыритъ,—додала Горпына.

Макаръ мало надіявся на Карпенка, але слухняно пидвився и выйшовъ зъ хаты.

А тымъ часомъ жиночкы скинчылы убрання новопреставленои, пиднялы ии и перенеслы на лаву. Въ ту саму хвылыну золотый проминь зимового сонця пробывся кризь виконце надъ лавою, заграв на парчевому очипку Тетьяны, перескочывъ дали и зупынывся на гурти жинокъ, що стоялы наче скамянили биля покійныци. Ни слова, ни зитхання не вырвалося зъ устъ жинокъ, але дывне дило! вси певни въ цю хвылыну сталы, що можна иноди людямъ розумитыся безъ сливъ, що бувають годыны, колы души жывыхъ людей еднаются безъ допомочи тила, и що теперъ саме якась невидома сыла прыкувала ихъ всихъ биля Тетьяны, пройняла, стыскала серця, видбылася въ неясній, але едыній для всихъ думци: „вси мы однакови люде, всихъ насъ чекае однаковый кинець—домовына“. И зныклы пидъ вплывомъ ціеи думкы вси недобри спогады, вси недобри бажання; навить по завжды хмурому облыччю слипенькои бабуси промайнуло щось краще, нижъ навить ухмылка непорочнои дытыны.

— Сестрычкы-жъ мои! я ще доси дытыны не годувала!— опамьяталася перша Мотря.

— А я обидать не варыла!—згадала Хрыстя.

— Ходимъ уси до-дому: управылыся биля покійныци, а баба Горпына хай тутъ пораются до вечора; надъ вечиръ знову прыйдемо вси,—мовыла богомильна бабуся.

— Треба ще и бабы Горпыны запытать: може имъ сумно самымъ зоставатысь,—заклопоталася слипенька.

— Идить, идить—я не боюся, а сумуваты николы, бо дила ще багацько,—заспокоила Горпына жинокъ, котри зъ охотою побиглы зразу до-дому, де ихъ давно нетерпляче сподивалыся то голодни диты, то коровы, то свыни...

Горпыни справди николы було сумуваты: на неи цилкомъ поклався Макаръ, ій доручывъ и печыво, и варыво, и дитей, и телычку; кримъ того Горпына доброхитно взяла на себе и новый обовязокъ—здобуты грошей для Макара, якъ що винъ не розстарается у Карпенка. На витеръ пущене слово Мотрею: „помолымося та й розійдемося“ не йшло у неи зъ головы. По давно заведеному звычаю ни одынъ хуторянынъ не йшовъ на

той свитъ безъ допомогы бабы Горпыны. Иноди ій доводылося де-чымъ пособыты хворому ще якый часъ пожыты на цимъ свити, иноди—часомъ ранише вмерты, але писля смерти Горпына становылася биля печи и вымагала видъ родычивъ завжды найкращого докладу до стравы, щобъ люде потимъ не судылы за помынкы. У Макара не було ще ничого уготовленого, и ця думка не давала Горпыни спокою. Чымъ вона частуватыме, що вона подаватыме на стилъ людямъ, якъ Макаръ не купыть ни меду, ни сала, ни оліи?—невже справди доведется, якъ казала Мотря, „помолытыся та й розійтыся"? „Доведется мабуть самій бигать по хутори та позычаты грошей"!—клопоталася вона сама соби, нетерпляче вызыраючы у виконце Макара.

Нарешти прыйшовъ и Макаръ.

— А що? розстарався?—накынулася на ёго Горпына.

— Не давъ,—хмуро видповивъ Макаръ.

— Не давъ!! Що-жъ винъ каже?

— У позыку, каже, не дамъ. Кожушанкы у застанову тежъ не визьму, а якъ треба грошей, то продай кожушанку, або телычку, то и я забезпеченый буду, и ты не думатымешъ про гроши.

— Скилько-жъ винъ дае?

— За кожушанку 3 карбов., а за телыцю 10 карбованцивъ.

— 10 карбованцивъ за телыцю?—скрыкнула Горпына.—Та хай винъ не дижде, проклятый, помыраты,—отаку телычку та за 10 карбованцивъ хоче взяты!—Пожды-жъ трохы, я побижу по хутори—може и настягаю яку десятку,—мовыла вона дали и побигла въ ту-жъ хвылыну зъ хаты.

Макаръ сивъ на ослинци. Недавня розмова зъ Карпенкомъ ще выразнише вневныла ёго, що кому скрутно жыты, тому ще скрутнише помыраты, але порада Мотри тежъ не сходыла зъ думкы. „Помолымося за новопреставлену та й розійдемося: хай покійныця выбачае". И справди, невже та сама Тетьяна, що стилько разивъ не дойидала, не допывала, що прыйняла стилько горя не разъ, шкодуючы потратыть якого мидяка, що за вси часы своеи хворобы не задовольныла свого бажання выпыть

чарку горилки, не выбачыть ёму теперъ, писля смерти, колы винъ поховае ii безъ горилки, безъ платкивъ, колы винъ не справыть обида? Макаръ глянувъ на жинку. Обмыта, прычисана, Тетьяна лежала въ билій сорочци, въ новыхъ запаскахъ.

Мицно склеплени очи, сциплени губы не зминылы звычайного выразу покирности въ ii облыччю; далеко бильше вражиння зробылы на Макара складени на грудяхъ рукы. Тилько хиба на Велыке Свято, сыдючы биля виконця та балакаючы зъ сусидкамы, складала вона такъ свои стомлени рукы. Чы не свято прыйшло и сёгодни для неи? Що-жъ то було у такимъ рази за життя, яки-то булы будни?

Ось—прыгадуется ёму—стоить вона поручъ зъ нымъ передъ олтаремъ. Люде звелы ихъ, поставылы на рушныку, не пытаючысь „чы до любови“; ни одного слова про вирне кохання, ни однои клятвы... Проте вона дывыться смилыво у вичи молодому, облычча палае здоровьямъ, дуже тило стоить—не поколыхнется, ни одна потаенна, зрадлыва думка не промайне въ голови—вона певна, що зробыть все, що вымагатыме видъ неи життя, вона знае, що зуміе пособыть тій дружыни, зъ котрою Господь еднае ii въ цей часъ, и благае у Мылосердного тилько—здоровья.

Ось, трохы наче зморена, зблидныла, але не меньше певна въ соби, Тетьяна наймается въ экономію за куховарку. „Чы подужаешъ двичи на день дижу выкынуты“?—пытае ii въ контори пошенкы Макаръ. „Треба тому дужаты, хто хоче свою хату маты“,—весело видповидае вона, и 5 рокивъ поспиль выкыдае по 4 пуды хлиба що-дня.

А ось вона, ще бильше змарнилая, стоить передъ манисенькою трункою своеи першои дочкы. Облычча ii смутне, зъ очей ллются гарячи слёзи матери, серце болыть, щемыть за цымъ крихотнымъ тиломъ дочкы, але заревла пидъ викномъ хозяйська корова, и Тетьяна спишно втырае слёзы и бижыть зъ дійныцею на двиръ: нема тому часу слёзамъ волю даваты, хто хоче свою хату маты!

Нарешти вона въ давно бажаній хати, въ „своій“ осели. Новенька, била хата ажъ сяе на сонци; чысти, якъ слёза, виконця

наче усмихаются, молоденьки вышенькы заглядають своимы свижымы зеленымы витамы у саму хату... Чого тилько у самои господарки побильшало зморшкивъ на выду, позатягало кари очи? чого нахылывся высокый гнучкый станъ? Похылывся станъ та й не выправлявся, але Макаръ того доси не прымичавъ. Тилько теперъ, колы смерть росправыла все тило у весь зристъ ёго, тилько теперъ, угледившы незвычайно спокійне облычча своеи дружыны, зрозумивъ Макаръ, якъ тяжко далася Горпыни и хатка, и садокъ, и половенька телыця, якымъ тягаремъ лежалы на жинци що-денни турботы...

И то-бъ то цёму замореному роботою, попсованому недоглядомъ та хворобою тилу не виддаты ще „останнёи“ пошаны? вкынуты ёго у яму, якъ непотрибну ганчирку, закыдаты землею и за-рады 5—6 карбованцивъ залышыты доброго спогаду людського? допустыты, щобъ душа жинкы по земли блукала, помынокъ-панахыдъ бажала, щобъ вона на тимъ свити, якъ и на цимъ горювала? Крый Маты Божа! „Нагорювалася, натомылася, дружыно моя, на цимъ свити—пороскошуй-же та заспокойся писля смерти!—мымоволи вырвалося зъ устъ Макара.—„Не велила ты мени продавать ничого—отже продамъ, Тетьянко, и кожушанку и телычку, абы видбуты помынкы по тоби“,—додавъ винъ, пидводячысь зъ ослинця и цилуючы холодный, якъ крыга, лобъ жинкы и ii згорнути рукы.

— Тры карбованци ледве настягала: на собачому хутори сами злыдни. То було жыты скрутно, а теперъ и померты по хрыстіянському звычаю неможна. Чы ты чувъ, що батюшка ще четвертака набавывъ? Оце тилько що повернулысь одъ ёго Прысчыни кумы, такъ винъ черезъ ныхъ переказувавъ, щобъ ты ще поверхъ карбованця четвертака давъ,—перебыла Горпына Макарову розмову зъ жинкою.

— Спасыби за гроши!—якось обійдусь,—видповивъ Макаръ, одходячы одъ лавы.

— Беры—не заваляются!—пораяла Горпына.

— Мени однаково цiеи троячкы мало...

— Сама знаю, що мало. Такъ куды-жъ ты?

— До Карпенка,—видповивъ вже въ синяхъ Макаръ.

Горпына сховала карбованець за платокъ, завьязала дрибни гроши у вузлыкъ, сховала ихъ за поясъ и стала знову поратысь биля печи. Теперь вона певна була, що Макаръ щось прырозумивъ, що помынкы по Тетьяни будуть до-дила, и стала наготовляты то пляшкы, то барыльце, то горщатка Макаревы въ городъ. И справди, незабаромъ прыйшовъ зъ Макаромъ Карпенко оглядаты телыцю, чы немае якого зъяну.

Горпына выбигла на двиръ.

— Ось бачъ, сыну, рижокъ збытый!—мовывъ докирлыво Карпенко, запрымитывшы щось на рижку.

— То що?—засміялыся нагодывшіися чоловикы.—Хиба ты зъ рогу доитымешъ?

— Ничого, люде добри, сміятыся! Хочъ и не зъ рогу доитыму, а все-жъ телычка не по форми.

— Скилько-жъ винъ тоби дае за телычку?—запытавъ Макара сусида.

— 11 карбованцивъ!—зитхнувъ Макаръ.

— 11 карбованцивъ за таку телыцю?!

— Бога бійся, Опанасе!—не втерпила Горпына.

— 11 карбованцивъ дае та ще и телыцею ганблюе!—додавъ якыйсь чоловикъ.

— Я не ганблюю, я кажу тилько, що телычка не по форми...

— Горе мое тяжке, що въ мене грошей нема, а то-бъ я ціеи телыци тоби не попустывъ,—обизвався хтось зъ гурту.

— Отакъ-бы и я: зразу давъ-бы за неи 20 карбованцивъ,—мовывъ другый чоловикъ.

— Охотныкивъ багацько, а купцивъ мало. Гуртомъ не спроможетеся телыци купыть, а въ моій кышени хозяинуете,—звернувся Опанасъ до людей.—А, ты, Макаре, колы хочешъ буты сватомъ, то скынь четвертака,—мовывъ винъ до Макара...

— Це за ригъ, чы що?—запытавъ Макаръ.

— За рижокъ, за рижокъ... хочъ скынь четвертачка, хочъ одробы якый день...

— Хай ты не диждешъ помыраты!—крикнула на все село Горпына.—Чоловикови отаке горе, отакый случай трапывся, а винъ и Бога не боится.

— На все воля Господня: Макарови прыпавъ случай продаты телычку, мени—купыты, и ничымъ я Господа Мылосердного не гнивлю. Я прыйшовъ, Макаре, по твоій прозьби твое добро купуваты, а колы мене люде на твоему дворыщи зобиждають, то я и пиду соби зъ Богомъ, одійду одъ гриха безъ клопоту,— мовывъ Карпенко, простягаючысь до воритъ.

— Завищо-жъ вы на мене розсердылыся, диду? Я-жъ вамъ ничого не казавъ. Чы звелыте одробыть за рижокъ, то й одроблю. Выймайте гроши, берить телыцю — хай вамъ Богъ помагае!— завернувъ Макаръ Карпенка.

— Хай буде по твоему! — згодывся Карпенко. — Тилько шукай кращого налыгача, бо цей зовсимъ плохенькый!"—

Макаръ побигъ за налыгачемъ. Карпенко вытягъ зъ-за пазухы платочокъ и ставъ одличуваты гроши. Чоловикы окружылы ёго зъ усихъ бокивъ и мовчкы дывылыся, якъ винъ выбиравъ найбильшъ потерти бумажкы. Нарешти Макаръ одвязавъ телычку и передавъ налыгача Карпенкови. Афанасій Петровычъ пидставывъ прыкрыту полою свыткы руку, взявъ налыгача, перехрестывся и вывивъ телычку зъ двору.

Довго стоявъ, довго глядывъ Макаръ ій у-слидъ, и очи затуманылысь слёзамы: остання надія диждаты коривкы—тягла, статы хозяиномъ зныкла геть зъ серця, якъ побачывъ винъ порожни ясельця.

IV.

На третій день поховалы Тетьяну. Хочъ и безридна була покійныця, проте знайшлыся таки добри люде, що потужылы надъ могылою. Богомильна бабуся такъ хороше прымовляла до „сусидочкы", що навить де-яки чоловикы нышкомъ слёзы втыралы.

Макаръ кынувъ першу горстку земли. „Важка земля тоби, дружыно моя, на груды ляже, а ще важча туга мени на серце

паде. Сумно тоби, одынокій, у домовыни буде лежаты, а ще сумнише мени зъ диткамы буде безъ тебе жыты. Доведется намъ и чорну сорочку носыты и на тще-серце спаты лягаты... Та ни пошаны, ни порады, ни ласкавого словечка твоимъ сыриткамъ бильшъ не прочуты",—мовывъ смутный безъ краю Макаръ, зазыраючы у глыбоку яму, на дни котрои билила труна жинкы. Жинкы заголосылы.

— Не слидъ,—ставъ увищаты отецъ Ардаліонъ,—надъ могылою плакаты: смерть одъ Бога, и ничого надъ мерцямы голосыты.

Жинкы затыхлы и сталы закыдать горсткамы мерзлои земли труну. Незабаромъ закыдалы яму, насыпалы невелыку могылку, вкопалы крихотный дощаный хрестыкъ и пишлы на обидъ до Макара.

Зразу писля обида панъ-отецъ Ардаліонъ и прычтъ пойихали, за ными у-слидъ розійшлася бильша частына людей, и тилько гуртокъ жинокъ зосталыся на ничъ стерегты Тетьянину душу.

Вси хуторяне, цилкомъ задовольнени помынальнымъ обидомъ, подякувалы Макарови та Горпыни и розійшлыся по домахъ до свого хозяйства.—Выйшовъ бувъ и Макаръ до своеи загороды, видчынивъ двери, подывывся-подывывся, зачынивъ двери, завьязавъ мотузкомъ, пидійшовъ до круглыхъ яселъ, де завжды у-день стояла телычка, та й зитхнувъ, сердешный. За кымъ бильше заболило серце ёго у цю хвылыну? Чы опустила хата, чы опустиле дворыще нагнало такый сумъ,—винъ-бы и самъ и не мигъ сказаты, але добре розумивъ, що теперъ винъ бильше не хозяинъ своеи хаты, не батько для своихъ дитей, що прыйшовъ кинець не тилько ёго невелычкымъ надіямъ, але навить его самостійному жыттю. Винъ не управытся самъ зъ дитьмы малымы, винъ не вміе ни топыты, ни варыты—доведется шукаты десь другои жинкы; а хто-жъ згодытся пакуваты свои лита молоди за литнимъ та ще и биднымъ удовцемъ зъ двома дитьмы? Оселытся якась стара жинка въ ёго хати, поверне все жыття на свій зразокъ, докорятыме дитей кожною выпраною сорочкою,

шматкомъ спеченого хлиба, и винъ не вильный буде ничого зминыты, бо справди, чымъ заплатыть винъ цій чужій людыни, що згодыться робыты для чужыхъ дитей, на чужому хозяйстви?

Колы-бъ хочъ коривка була,—вона бъ не смила прынаймни вважаты ёго за „голоту“, вона-бъ не смила докоряты ёго „злыднямы“, „черствымъ хлибомъ“, вона вважала-бъ ёго за хозяина. И для чого винъ продавъ половеньку? Хай-бы люде розійшлыся безъ горилкы, хай-бы сусиды прыдражныли ёго „непомынайлыкомъ“,—винъ-бы теперъ пидкладавъ своій телычци сина, винъ-бы почувавъ себе хозяиномъ хочъ у двори!

И знову досада на помершу жинку заворушылася въ серци Макара. Чому було Тетьяни не протягты ще одного тыжня, диждаты ярмарку? Винъ-бы продавъ телыцю за 20 карбов., видбувъ-бы похороны за 6, а за 14 купывъ соби меньшу телычку. Охъ! вмила Тетьяна працюваты, та не зумила помыраты! Осыротыть-осыротыла, та ще и хозяйство розорыла!

— Ты-бъ йшовъ до насъ, въ хату!—перебыла Горпына невесели думкы Макара.

— Въ хати душно—я буду на двори,—видповивъ Макаръ и, взявшы въ синяхъ грабли, пишовъ огрибаты солому.

Горпына вернулась знову въ хату. На покути, на просланному рушныку стоявъ вже розведеный водою въ мысци медъ; на столи—пырогы, холодець зъ тарани, пляшка горилкы, пляшка варенои, пшенычна паляныця и невелычка чарка, але нихто не дторкався до ціеи стравы, бо першою мусыла покуштуваты іи душа Тетьяны.

Диты блидни одъ слизъ, стомлени, сонни сыдилы на печи та береглыся, щобъ не заснуть ненарокомъ та не проспать того часу, колы ненька, обернувшысь мухою, прылетыть прощатыся. Хлопчыкъ торкавъ разъ-у-разъ сестру за рукавъ та допытувався: „чы то не душа ненькы чорніе“ то на сволоку, то на стинци.

— Ни, ни: у-день душа не литае; ось якъ стемніе, якъ засвитять свитло, тоди вона и прылетыть. Лягай теперъ спать,

Сыдорко, я тебе збужу, якъ побачу муху,—умовляла Одарка, прыголублюючы до себе сонного брата.

— Я не хочу спаты, я самъ хочу побачыты муху; я сыдитыму, ажъ покы засвитять свитло та ненька прылетыть,—змагався Сыдорко, лупаючы соннымы оченятамы.

Нарешти зимне сонечко закотылося, и Горпына засвитыла каганець. Сыдорко схопывся.

— Онъ-о-о! душа!—радисно крыкнувъ винъ, показуючы пальчыкомъ на чорну головку гвоздыка.

— Тшш... сыпнула Одарка брата зъ такою сылою, що винъ знову прысивъ:—кажу тоби: ще не часъ неньци прылитаты. Якъ загуде, то я тебе збужу. Лягай, укрыйся та спы!—мовыла вона дали, и Сыдорко бильше не змагався.

— А що? заснувъ?—запытала Мотря Одарку.

— Заснувъ,—видповила дивчына и ще дужче прыкрыла брата рядномъ.

— Бидна голивонько!—зитхнула Горпына:—покынула дитокъ, хозяйствечко, чоловика, а якъ за усимъ побывалася!

— Людына—що муха; подыхне якый витеръ—и немае одъ людыны и памъяты,—обизвалася Хрыстя.

— Отакій молодыци та вмерты! Ій мабуть ще и 40 рокивъ не було,—мовыла Степаныда.

— Нашій сестри не довго смерти шукаты: застудылася, або пидвередылася,—ото тоби и край. Найпаче нашымъ хуторянамъ гирко доводыться; ликарь каже: „далеко до вашого хутора йиздыты“, а фершалови ныколы: ніякъ зайцивъ по полю не перестриляе,—додала Мотря.

— Бога рады! велыка корысть зъ тыхъ фершаливъ! Адже дававъ винъ и мени, и вамъ, и ось куми Явдоси якыхсь червоныхъ порошкивъ; занудыло одъ ихъ та й годи!—обизвалася Степаныда.

— Охъ! голубята мои! Не пособылы-бъ Тетьяни ни ликари, ни фершалы, бо вона черезъ саме серце померла. Що сердыта була покійныця, такъ кинця и краю немае! Иноди було якъ почне Макара лаяты, такъ ажъ запинытся, ажъ зомліе! Та ось,

кумо Хрысте, вы чулы, якъ вона торикъ на все село грымала?— звернулася слипенька бабуся до Хрысти.

— Щось не зазнаю,—видповила кума Хрыстя.

— То у васъ памьять така! Не те, що я ій сужу,—хай ій Господь Мылосердный на тому свити розсудыть,—а таки сердыта вона дуже була... Мене позаторикъ трохы не была, ій-же Богу, за те, що диты слывъ натрусылы у ій садочку,—не спынялася слипенька.

— Охъ! сестрычкы, сестрычкы!—стала увищаты богомильна бабуся. Не годыться мертвыхъ судыты: ій душа биля насъ литае, все чуе, все бачыть та печалыться. Велыкый грихъ новопреставлену лаять! Сподобывъ мене Господь на свити пожыты, де-що одъ людей прочуты; розскажу и вамъ, колы хочете, що я чула одъ однои кіянкы.

Якъ жыла десь, каже кіянка, удовыця. Въ гори, досади та печали провела вона весь викъ свій, гриха черезъ людей набралася, серце розтруила, здоровья черезъ недостатки розгубыла, та й стала вона у Бога смерти прохаты. „Господы!“—прохала вона—„пошлы по мою гришну душу, щобъ надо мною, бидною удовою, моя недоля не знущалася“. Пославъ Господь по душу янгола. Радисна та весела вылетила душа зъ тила,—хотила зразу подали одъ земли, на поклонъ до Бога летиты. „Не прыйшовъ ще часъ твій—не пущу тебе на поклонъ!“—каже ій янголъ Господень и заслонывъ передъ душею двери. Зосталася душа въ хати, литае кругомъ свого тила та розглядае ёго. А тымъ часомъ зибралыся жиночкы надъ тиломъ сыдиты. Сыдять, якъ оце, поздоровъ Боже насъ, мы сыдымо, та не добромъ новопреставлену помынають, а все лыхымъ словомъ. Одна каже: „вона мій четвертакъ на той свитъ занесла“, а друга—„вона мени борошна не виддала,“ а треття: „вона мене такъ и такъ лаяла“. А душа удовыци блызенько литае,—до самыхъ жиночокъ прыпадае и хоче сказаты имъ: „выбачайте, сестрыци! выбачайте, сусидочкы! не було у мене ни четвертака, ни борошенця, не було у мене и зла на серци, якъ я васъ лаяла,—то все горе та недостатки

призводылы мене и чуже добро зажываты, и лыхе слово казаты",— та не може. Вылася душа сердешна, вылася, та й стала знову янгола прохаты: „одпусты мене, янголе Господень, на небо: я-жъ и смерти затымъ у Бога прохала, щобъ мени одъ людей одійты подали".—„Не прыйшовъ ще часъ твій!"—мовывъ ій вдруге янголъ и не пустывъ зъ хаты.

Стала душа знову литаты та жиночу розмову слухаты, а жиночкы-сусидочкы одно судять, одно судять...

Ще дужче застогнала душа, ажъ объ сволокъ зъ досады бьется, а дали пролетила за пазуху, сила биля самого серця свого мертвого тила та й замовкла. И такый жаль взявъ Господня посланныка, що винъ схылывся надъ тиломъ удовыци та й самъ заплакавъ. Кынулыся жиночкы до тила—ажъ воно все слёзамы обмочене. Та й не высохлы ти слёзы, покы и поховалы: такъ янгельскымы слёзамы окроплену удовыцю и въ труну поклалы.

— Не судить—и не судыми будете!—додала до цёго розсказу Хрыстя.

— Хиба я ій судыла?—обизвалася зъ серцемъ слипенька бабуся.

— Авже-жъ, судыла!—мовыла Мотря.

— Дывысь ты! ще заведутся спорыться. Хай краще намъ бабуся ще що-небудь розскажуть. Я ось зроду у Кіеви не була, а тамъ-же, кажуть, хороше... Чы вы и цей рикъ булы у печеряхъ?—звернулася до богомильнои бабуси Степаныда.

— Якъ-бы то не була у печеряхъ! Була и въ дальнихъ, и въ блыжнихъ, до кожного святого пидходыла, до кожнои труны прыкладалася. И чого не наслухалася, чого не набачылася за свою подорожъ—за ти часы, що побувала у Кіеви!— И любо було слухаты, якъ почала вона чыстымъ, якъ срибло, ривнымъ, якъ та течія у одлогыхъ берегахъ, голосомъ оповидаты про Кіевъ, лавру, кинець свита, праведныкивъ, мученыкивъ. Передъ слухачамы якъ на долони зъявлялыся и золоти верхы храмивъ Божыихъ, и страданія Хрыста, и жыття праведныкивъ, и некельни мукы гришныкивъ. Мыръ-мыру людей збиралось у Кіевъ

зъ рижныхъ краивъ, зъ рижныхъ земель, и ни одна звистка, ни одна новына або згадка про стародавню бувальщыну, що прынесла ця жыва течія богомольцивъ, не зныкла зъ памьяты бабуси. Хвылына бигла за хвылыною, годына за годыною, а бабуся ще не переказала всёго. Старшіи жинкы почалы вже куняты, молодши посунулысь блыжче до бабуси, але бабуся ничого не прымичала и вела свою ричъ все дали.

— Ку-ку-рику!—крыкнувъ старый пивень въ синяхъ.

— Ку-ку-рику!—обизвалося тонисенько десь якесь пизнехирятко.

— Матинко! вже други пивни спивають!—схопылася Мотря.

— Може вже и душа прылитала, а мы прогледилы,—заклопоталася Степаныда.

— Э, ни,—обизвалася Горпына:—я ввесь часъ дывылася на стину,—не було ничого.

— То вы, мабуть, не догледилы,—мовыла зъ докоромъ слипенька баба.

— Якъ-то можна, не догледила?—ажъ образылася Горпына:—хиба мени вперше душу стеретгы? Адже якъ умерла Катря, то я перша прымитыла ляльку на стинци, а за Иваномъ тежъ устерегла муху, дарма що людей було, якъ у церкви.

— Та може вона и зовсимъ не прылетыть?—обизвалася Хрыстя.

— Якъ-то можна? Чого-бъ вона, хай Богъ мылуе, не прылетила?—здывувалася Горпына.

— Не схоче лялькою зъявытыся,—то перекынется мухою; а вже неодминно прылетыть сёгодни,—мовыла богомильна бабуся.

— Не схоче мухою—жинкою зъявытся,—додала Мотря.

— Э, ни! того, крый Маты Божа, Царыце Небесна, не буває,—завважыла богомильна бабуся.

— Якъ-то, не буває? А Ткаченкова? Цилисенькый рикъ, якъ не бильше, до дитей прыходыла. „Выйдуть“,—розсказувала мени сусидка Ткаченковои, божылася, що правда,—„диты вранци прычисани, вымыти, нагодовани: „хто васъ чесавъ, хто вамъ головкы позмывавъ, хто вамъ пырогивъ давъ?“—пытають люде

дитей.—„Маты прыходылы, чавунъ окропу нагрилы, голивкы намъ змылы, пырогивъ напеклы, локшыны наварылы“,—кажуть диты.

— Хай Богъ мылуе! Ажъ слухать сумно! То вже ій нечыста сыла въ того свиту таскала, а хрыстіянська душа тилько у ляльку або муху обертается,—та й то прылитае на одну хвылыночку,—перепынила Мотрю Горпына.

— Охъ, Господы! Якъ-такы отіеи нещаснои Тетьянкы шкода!—несподивано зитхнула слипенька бабуся.

— Чого ій шкодуваты? Чы вона на своему вику щастя зазнала, чы вона хочъ одынъ денёкъ спочывала?—запытала Мотря.

— Тымъ-то и шкода ій, що вона померла, щастя та спокою не зазнавшы. Не шкода, якъ помре така людына, що зъ долею браталася: не дурно ій на свитъ маты породыла, не дурно ій земля носыла. А якъ оце мы, такъ якъ и Тетьяна.... для чого мы родылыся, для чого жывемо, та ще въ мукахъ и помыраемо?—запытала Степаныда Мотрю...

— Для царства небесного,—съ певною вирою видповила за Мотрю богомильна бабуся.—Бидній людыни меньше спокусы, меньше прынады—меньше и гриха.

Степаныда мовчкы похытала головою,—вона добре памьятала, якъ братъ ій кравъ колысь дерево у лиси, щобъ протопыты два дни нетоплену хату; знала тежъ, що колы-бъ на той часъ трапывся карбованець у кышени, то винъ-бы не наважывся красты,—але не насмила перечыты бабуси.

— Ничого Тетьяны шкодуваты: згорнула били рученькы, заплющыла кари оченькы—заснула, заспокоилася навикы... Макара та диточокъ—сыриточокъ дуже шкода,—обизвалася вперше за всю довгу ничку баба Кузьмыха.

— Звисно, Макара дужче шкода: въ одынъ день збувся и хозяйкы, и хозяйствечка,—згодылася Мотря.

— Про хозяйку малый клопитъ: Столярыха—перша така, що хочъ и сёгодни замижъ. „Такъ вже“, каже, „обрыдло тымъ серпомъ жаты, що колы-бъ де трапывся хочъ поганенькый косаръ, то пишла-бъ замижъ“. На хозяйку швыдче розжывется,

нижъ на коривку. Такъ-же шкода тіеи половенькои!—Наче на жаль выкохавъ ін Макаръ!—мовыла Горпына.

— Не визьме Макаръ Столярыхы,—обизвалася слипенька бабуся.

— Чому?—запыталы жиночкы.

— Погана дуже та ще й косорота,—видповила слипенька.

— Ого! якъ прыйде весна, та якъ гляне Макаръ на обмазану хату сусида, та якъ побачыть, що по всихъ городдахъ люде косять та сіють, тилько ёго хата-пустка чорніе, тилько на ёго городи бурьянъ зеленіе, то не те Столярыху,—васъ радо посватае,—засміялася Степаныда.

— Ты вже якъ ляпнешъ, то и пальци знать! Наче вже за мене и поганишыхъ нема! Подывыся въ воду на свою вроду,—образылася бабуся.

— Та я пошуткувала, воны...

— Ось цытьте, жиночкы!—спынила Степаныду богомильна бабуся:—слухайте: десь муха гуде...

Вси замовклы видразу та сталы прыслухатысь.

— Не чуть ничого. То васъ, мабуть, кортыть кануну швыдче скоштуваты,—обизвалася спросонку Кузьмыха.

— Ще-бъ и ты почула! Трычи объ стилъ носомъ клюнула, ажъ луна по хати пишла, та ще-бъ муху устерегла,—мовыла Горпына, пыльно прыдывляючысь до кутнёи стинкы.

— Онъ-но-о, муха! На канунъ сила!—показала Хрыстя.

— Погукай, Степаныдо, Макара зъ-надвору: винъ тамъ гомоныть зъ чоловикамы,—мовыла Горпына.

Степаныда грюкнула синешнымы дверыма, и Одарка схопылася.

— Вставай, Сыдорко! Душа ненькы прылетила; вже на кануни сыдыть!—стала вона будыть брата.

Сыдорко пидвився, почухався и знову юркнувъ пидъ рядно.

— Сыдорко, а Сыдорко! Ненька прылетила. Сыдорко, вставай!—на-пивъ зъ плачемъ сипала Одарка брата.

— Ось не займай, дочко, дытыны,—хай ёму святи янголы снятся! Иды сама сюды та подывыся на душу своеи матинкы

ридиесенькои, — звернулася до Одаркы богомильна бабуся. — И рада-бъ ненька до васъ, диточокъ своихъ, прыпасты, и рада-бъ чаечка своихъ чаенятокъ обняты, та не іи воля, не іи сыла. Обернулася вона мухою, прылетила на хвылыночку, та й полетыть вона знову одъ своихъ сыриточокъ. Ставай, дочко, та молыся Богови, щобъ святи янголы ій до престолу дорогу указувалы, а святи архангелы за іи гришну душу передъ угодныкамы Божымы заступылыся.

Жиночкы перехрестылыся, а Одарка стала поручъ зъ бабусею быть поклоны.

Увійшовъ Макаръ, за нымъ у-слидъ два чоловика. Вси взялы по ложци кануну. Муха перелетила на пырогы, и вси взялы по пырогу: на яку страву сидала муха, тіеи стравы и почынналы зразу. Вся страва була добре прыправлена, до того и часъ бувъ пизній, и жиночкы вечерялы смашно; Макарови-жъ не йшло зъ головы, що винъ пройидае телычку, и винъ ледве навить прыгубывъ чарку.

— Не журыся, Макаре! Не сумуй! Не тилько свиту, що у виконци: ось, дасть Бигъ, одбудемо сороковыны, то и засватаемо тебе. Тоби зъ дитьмы безъ хозяйкы неможна, а у насъ йе недалечко пидхожа жинка: чы попраты, чы помыты, чы на поли робыты—за дви Тетьяны управытся,—мовыла Горпына.

— Тетьяна, царство небесне, останнимы часамы зовсимъ неспособна до роботы була,—додала Мотря.

— Два мисяци ни до холоднои воды... Визьметься було хату выместы, та й то не подужае,—згодывся Макаръ.

То-жъ-то и йе! А Столярыху катъ не визьме!—завважыла Горпына.

— Про Столярыху ничого и казать—добрый робитныкъ!—пидхопылы чоловикы.

— Макарови прыгадалася нызенька, гладка жинка, рокивъ 48, зъ маленькымы, навкосы проризанымы очыма, тонкымы, мицно сципленымы губамы, велыкымъ горбатымъ носомъ,—серце ёго боляче защемило, и винъ мымоволи тяжко зитхнувъ.

— Не до любови, чы що?—запытала ёго Мотря.—Мынувъ, серце, часъ перебираты,—беры, яку прыйдется.

— Не пиде вона за мене,—видповивъ хмуро Макаръ.

— Пиде!—заспокоилы въ одынъ голосъ жиночкы...

А муха наче прогула останни слова: затрипала крыльцямы, пиднялася пидъ саму стелю, загула, заплакала на всю хату, прыпала до голивкы сонного Сыдорка та й зныкла навикы невидомо куды....

Л. Яновская.

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

Глава III-я.

Нервныя страданія и болѣзни органовъ чувствъ.

Содержаніе: головная боль, лѣченіе ея. Воспаленіе глазъ, ячменецъ, куряча слѣпота, бѣльма. Уроки, случаи,—предохраненіе и лѣченіе. Переполохъ, пидвій,—случаи, лѣченіе. Крикливицы. Перехидъ.

Головная боль.

По народнымъ понятіямъ, голова можетъ разболѣться отъ слѣдующихъ причинъ: отъ простуды вообще („застуженои крови“) и отъ холоднаго вѣтра въ особенности; также отъ тяжелаго хатняго воздуха, сна не во время, переутомленія, побоевъ, урокивъ, испуга („переполохъ ожыва и бье въ голову“). Разболѣвшуюся голову смачиваютъ и моютъ слѣдующими растеніями: бураковымъ квасомъ, разными видами васильковъ, напримѣръ centaurea cyanus L., освященной вербой, вишневымъ листьемъ, дивиной (verbascum thapsus или phlomoides L.), деревіемъ (achillea millifolium L.), которымъ также щекочутъ въ носу для исхода крови и облегченія головы; калиной (viburnum opulus L.), кобылячей головой, копытками (asarum europeum L.), любисткомъ (levisticum officinale. Koch.), мятой (mentha piperita L.), нехворощью (artemisia austriaca L.), очеретомъ (phragmites vulgaris. Frin.) старымъ и метелками (куницами), сырымъ зиллямъ, смородиннымъ листомъ, чепчыкомъ (thymus vulgaris или serpyllum L.) и шандрой (mar-

rubium album L.). Кромѣ того въ уши закладываютъ чеснокъ, лобъ, виски и затылокъ натираютъ рѣдькой, хрѣномъ, уксусомъ. Къ головѣ прикладываютъ въ видѣ компресса, только что вытяную изъ колодца грязь (мулъ). Къ вискамъ и затылку ставятъ горчишникъ или мушку, „на шывороти“ — пьявки. Нюхаютъ нашатырный спиртъ и табакъ. Голову сжимаютъ ладонями вверхъ и внизъ и перевязываютъ починкомъ, спряденнымъ въ чистый четвергъ „навпакы“. „Якъ голова болыть, треба девять разъ поспиль пидійты пидъ перенисъ“ (когда священникъ выноситъ чашу въ церкви).

Глазныя болѣзни.

Глаза болятъ отъ засоренія, простуды, заразы, залѣченной золотухи („якъ золотуху загонять у вичи; якъ золотуха вступыть у вичи“). Особенно часты заболѣванія глазъ у заробитчанъ, возвращающихся изъ южныхъ губерній, „зъ Тавріи“. Въ предупрежденіе болѣзни глазъ нужно ѣсть перецъ, освященный вмѣстѣ съ пасхой и носить на шеѣ шнурокъ, а въ рубашкѣ ленточку,— освященные тогда же. Покровителемъ глазъ признается св. Симонъ. „Пывонъ очамъ, Антыпъ—зубамъ“. Къ нему обращаются съ такой коротенькой молитвой: „святый велыкомученыку Пывоне, одъ глазъ сцилытелю! избавъ Господня раба одъ глазнои болизни“.

При воспаленіи слизистой оболочки глазъ и вѣкъ примачиваютъ и промываютъ глаза: обыкновенной холодной водой, водой, осѣвшей на окнахъ, водой изъ градинъ, водой, принесенной изъ Козельщины, гдѣ чудотворный образъ Божьей Матери, также кіевской водой изъ дальнихъ пещеръ, вблизи Іоанна многострадальнаго, росой, собранной 23-го апрѣля, (юрською, грегорською), каковое средство упоминается въ новыхъ сборникахъ: Чернявской [1]), а также водой, освященной въ тотъ же день; мыльной водой, водой или водкой, слабо окрашеными въ голубоватый цвѣтъ синимъ купоросомъ, краснымъ церковнымъ виномъ, молокомъ

[1]) Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. Харьк. 1893 г., стр. 16 и Гринченка. Этногр. мат. II, 318.

женщины, впервые кормящей сына; то же средство примѣняютъ въ правобережной Украйнѣ [1]) и въ Бельгіи [2]),—мочей маленькаго мальчика, а по Чубинскому [3]) и Манжурѣ [4])—вообще мочей. Кромѣ воды, прикладываютъ еще къ больнымъ глазамъ: кислое молоко, яичный бѣлокъ съ квасцами, сухой тертый картофель, сердцевину тыквы (безъ сѣмянъ), оливу и баранье сало. При сильной гипереміи ставятъ по одной пьявкѣ за ухо, а механически раздражающія тѣла удаляютъ, слизывая вѣко и глазъ языкомъ. Объ этомъ опасномъ пріемѣ упоминаетъ г. Можаровскій въ журн. Фельдшеръ (1898 г., № 18, 478).

Для излѣченія ячменца (hordeolum), воспалившейся сальной желѣзки вѣка, бросаютъ въ печь тридевять зеренъ ячменя, приговаривая: „якъ сей ячминь згорае, такъ нароженому, молитвяному, хрещеному Васылю ячминець изъ глазъ исхожае". Больной прикладываетъ къ воспаленной желѣзкѣ прижженное зерно ячменя, а другое лицо спрашиваетъ: „шо ты колешъ"?—„Ячминець."—„Брешешъ" (трижды)—„Я ячминець сколю, ячминець зійде, и твоя правда до мене прыйде". Или такъ: „Въ тебе ячминець"? „Брешешъ". „Хай винъ тоби усхне"!—плюютъ и даютъ дулю. Новѣйшее средство отъ ячменца—прикладываніе къ вѣку разсыпленнаго сахара въ тряпкѣ,—нарывъ скорѣе прорветъ.

Подъ куриной слѣпотой (ночной слѣпотой, hemeralopia) разумѣется ухудшеніе зрѣнія съ наступленіемъ сумерекъ, развивающееся отъ продолжительнаго сна, дурной воды и неосторожнаго поглощенія растенія anagallis arvensis L.,—курячихъ очекъ или курячей слипоты [5]). Отъ этой болѣзни умываются освященной водой съ хрѣномъ, водой съ перезимовавшими капустными кочерыжками, непремѣнно подъ печной трубой, „верхомъ". Ѣдятъ и прикладываютъ къ глазамъ вареную теплую бычью печень.

---

[1]) Чубинскій т. I, в. I., 139.

[2]) Monseur. Fl. wal., 29.

[3]) Т. I., в. I., 139.

[4]) Сбор. Харьк. Истор.-Фил. Общества. II, 158.

[5]) Основа 1861 г., II, 206.

Бѣльмо задуваютъ сахаромъ, для чего приподымаютъ вѣко и выдыхаютъ или дуютъ чрезъ бумажную трубочку пережженный толченый сахаръ. Его засыпаютъ также освященной солью. Смѣшиваютъ еще сокъ наливающихся ягодъ калины съ навозными червями и прикладываютъ къ бѣльму. О лѣченіи бѣльма сокомъ дождевыхъ червей упоминаетъ Арендаренко [1]). Отъ бѣльма шепчутъ такъ:

„Господы благословы, Господы поможы нароженому, молытвяному рабу Божу Степану сіе бильмо изъ ока зганяты, Матери Божои прохаты. Ишла Маты Божа горою,—стала я іи пытаты: „куды вы, Матиръ Божа, идете"?—„Иду я помочи даваты нароженому, молытвяному Степану—бильма зъ ока зганяты выламы сколоты, граблямы сгрибаты, митлою змитаты нароженому, молытвяному, хрещеному изъ ока бильмо зганяты".

„Ишовъ старець изъ трёма торбамы, изъ трёма ципкамы, изъ трёма хортамы: одынъ чорный, другый сирый, третій билый. Чорный стежку показуе, сирый слёзу вылызуе, а билый свитъ показуе".

„Йихавъ Юрына на вороному кони. За нымъ бижыть трое сащятъ. „Куды ты, Юре, йидешъ изъ своимы сащятамы? на що тоби трое"?—„Одынъ—шептаты, другый—задыматы, а третій буде бильма здійматы. Аминь сёму слови". (Хут. Сабадашевскій, Яблоновской волости, отъ Мазняковой).

„Йиде Богъ на билимъ кони у билій сороци, у билыхъ постолахъ, у билыхъ поволокахъ. За нымъ тры псы: одынъ рябый,

---

[1]) Зап. о Полт. губ. I., 100 и Г. Баловъ. Фельдшеръ 1898 г. № 18, 487.

Свѣдѣнія о заболѣваніи и лѣченіи уха такъ невелики, что умѣщаются въ небольшомъ примѣчаніи. Для устраненія засорившей ухо сѣрки вкладываютъ въ него палочку бузины съ обмазанной воскомъ тряпочкой, вмѣсто сердцевины. Тряпку зажигаютъ. Льютъ внутрь посредствомъ бумажной трубочки, зажженной,—оливу, майское масло (у Гринченка. Мат. II, 320). Льютъ еще женское молоко, сокъ бурака, сокъ лука, освященную іорданскую воду. Закладываютъ ухо ватой съ камфарой. Причины боли: простуда и золотуха.

другый червоный, а третій чорный. Рябый иде изъ моря воды хлебтаты, червоный иде крови ссаты, а чорный иде изъ ока бильма здійматы" [1]). (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

У р о к и.

Подъ уроками (болгарское урука) въ Малороссіи понимаютъ лихорадочное состояніе, вызванное какъ дурнымъ глазомъ (прозоромъ, соотвѣтствующимъ итальянскому mal'occhio), такъ и завистливой похвалой [2]) или вообще дурнымъ словомъ, сказаннымъ съ злой цѣлью въ недобрый часъ [3]). Къ нимъ близокъ прыстритъ,— лихорадочное и горячечное состояніе, соединенное порой съ одышкой и коликами въ боку, [4]), случающееся, впрочемъ, отъ простуды [5]) и испуга. У нѣмцевъ, славянъ и итальянцевъ одинаково есть выраженія, предупреждающіе сглазъ. Напримѣръ: unbechrien, unberufen, knoblauch, ниврокy, se mal'occhio non vi fosse или fora mal 'occhiu. Повсемѣстно также изъ боязни сглаза не принято хвалить дѣтей, а, напротивъ, принято находить въ нихъ дурныя качества. Хваля дитя или даже просто проходя мимо него, въ Ирландіи, Бретани, Германіи, Португаліи, Астуріи, Андалузіи призываютъ благословеніе Божіе на дитя въ такихъ выраженіяхъ: benza te Deus, Dios lo guardia, grazia a Dio, Dio la benedica, soyez bénie de Dieu. У африканскихъ мусульманъ предохраняетъ отъ сглаза и уроковъ фраза: mach Allah [6]). И по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ уроки опаснѣе дѣтямъ, чѣмъ взрослымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

Моя дочка йихала зъ дытынкою,—колы иде жинка зъ двома дитьмы. Моя дочечка прыкутала свою дытыну, а та свою

---

[1]) Вар. у Номиса. Укр. прык. 161.

[2]) См. мои Нар. обряды и пѣсни Лубенск. у. 33.

[3]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Культ. пережив. Кіевск. Стар. 1889 г., XI 315.

[4]) Ib. 309 и Чубинскій. Тр. эксп. I, вып. I, 134.

[5]) Лікі своен. 26.

[6]) I. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1898, № 5, 105, 106, 107 и 1899, № 9, 197, 198.

пидчукнула. Сейчасъ наша дытына рушается и крекотыть. Дочка ёму цицькы. Дома положыла ёго доли. Такъ та дытына третёго дни Богу душу оддала" (с. Литвяки, отъ Федосіи Гузёминой).

„Йихалы чоловикъ и жинка у лисъ по груши, а друга выйшла зъ двору та й давай дытыну пидіймать и чукать. А та жинка, шо на вози и каже: „пидіймаешъ высоко—закопай глыбоко, пидіймаешъ выще—закопай глыбше. Якъ думаешъ добро соби, такъ нехай мени, а шо думаешъ мени, то нехай тоби". Йидуть назадъ у-вечери, колы ту дытыну несуть зъ двору ховать". (С. Тишки).

„Йихалы мы зъ чоловикомъ въ ярмарокъ. Набралы у Тышкахъ изъ колодязя воды у тыкву та й йидемо шляхомъ. Иде чоловикъ и жинка изъ ярмарку проты насъ. Якъ лопне та тыква, такъ и ростриснулась. А жинка та думала, шо я дытыну везу".

По народнымъ понятіямъ женщины вообще способнѣе урикать. „Якъ русява врече, то ще легче, а якъ чорнява, та ще подума та въ землю гляне, такъ одъ тыхъ урокивъ смерть бува". Исключеніе составляютъ послѣрожденныя, „мезинкы",—тѣ не опасны и могутъ безнаказанно, даже съ пользой, переходить дорогу. Затѣмъ, дважды отлученные отъ груди и не опускающіе глазъ при выходѣ священника съ чашей, способны урикать. Такимъ образомъ, способность урикать можетъ быть и мимовольной. „Якъ чоловикъ спротывный на очи, такъ винъ тилькы подума: ось яка людына багата, чы красыва,—такъ кровъ ёму здвынется, винъ-бы й не хотивъ, винъ самъ не радъ,—сейчасъ у тіеи людыны супротывыться кровъ. Винъ іи очамы сколе. Бувае, шо не може та людына ни здвынуться, ни стуснуться, лыхо іи нападе, такъ и умре, якъ бабка не одходыть". Существуютъ и предохранительныя мѣры отъ такого зла. На разсвѣтѣ слѣдуетъ выйти съ кружкой воды и, смотря на небо, проговорить: „Добры-день тоби, водо Уляно и тоби, земле Тетяно. Одмываешъ ты лугы й берегы, одмый уроженому и молытвяному, и хрещеному всяку нужду и всяку болизнь". Затѣмъ—умыться. Выходя куда-нибудь со двора, нужно умываться изъ полнаго ведра. „Уриклывымъ" слѣдуетъ закалывать иголку или двѣ въ очипокъ, платокъ, пазуху, шапку,

картузъ; также завязывать въ пазуху: соль, крошки хлѣба и кусочки угля или кирпича (печыну). При опасной встрѣчѣ надобно говорить: „Силь та печына тоби зъ лыхымы очыма. Якъ думаешъ мени добро, то нехай и тоби добро, а якъ думаешъ худо мени, то нехай и тоби самому"; или такъ: „силь тоби въ вичи, печына въ зубы, а каминь на груды". (Д. Войниха). Еще иначе: „печына тоби въ зубы, каминь у груды, деркачъ у ж..."

Діагнозъ уроковъ не представляетъ затрудненій опытной шептухѣ. Какъ только она начинаетъ шептать больной, какъ сама начинаетъ зѣвать, у ней катятся изъ глазъ слёзы и трещатъ кости. Больного смазываютъ освященнымъ саломъ, умываютъ или обрызгиваютъ со всѣхъ сторонъ („на зустричъ) освященной водой—„стритенською и іорданською", какъ и въ Волынской губ. [1]). Еще умываютъ отваромъ уже упоминавшихся: омана, переступня, живокиста и петровыхъ батогивъ (cychorium intybus L.), кульбабой (кульбахой, taraxum officinale L.), подорожникомъ (plantago major L.), буркунамы: бѣлымъ и желтымъ (Mellilotus alba и officinalis Lam.) и шепчутъ слѣдующее:

„Въ чыстимъ поли сыне море. На сынёму мори стоить чорный явиръ; на чорному явори сыдыть чорный воронъ: чорна голова, чорни очи, чорни бровы, чорни кихти, чорни нихти. И винъ крычыть—покрыкае, кихтямы—нихтямы прогрибае, уроки—урочища одбирае. Я знимаю и одбираю зъ хаты дымомъ, зъ двора—витромъ. Идить соби на очерета та на болота, де й куры не ходять, де й дзвоны не дзвонять, де хрестьянськый гласъ не заходыть. Тамъ вамъ пыты й гуляты, й роскошуваты, а тутъ не буты, червонои крови не пыты, жылъ не сушыты". (С. Хелебци) [2]).

„Урокы чоловичи, жоночи, парубочи, дивочи, хлопьячи, дивчачи, спытени, зйидени, вызвани, вымовлени, названи, наслани, прозорни! я васъ вышиптую, я васъ вызываю, я васъ выклыкаю на очерета, на болота одсылаю. Идить соби на очерета, на болота, на свои миста, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де пра-

[1]) Бѣньковскій. Кіевск. Стар. 1896. I. Докум., 8.

[2]) Вар. заговоровъ: Чубинскій. Тр. Экспед. I., в. I., 133.; Мои Нар. обр. и пѣсни Луб. у., 33.—

ведне сонечко не сходыть, де людський гласъ не заходыть, де люде не хрестятся. Колы буде сухый дубъ розвываться, тоди молытвяному, хрещеному Васылю будуть урокы озываться. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой). [1])

„Урокы—врочыща подумани, погадани, истритени, испытени, изйидени, наспивани, насміяни, дидовы, бабыны, батьковы, материны, чоловичи, жоночи, хлопчачи, дивчачи, попивськи, паламаривськи, цыганськи и жыдивськи! тутъ вамъ не стояты, за плечыма не знобыты, поперека не ломыты, голинокъ и колинокъ не крутыты, симдесятъ суставъ не ломыты. Я шепчу васъ, я й вышиптую зъ твоеи головы, изъ твоихъ ушей, изъ твоихъ вязей, изъ твоихъ щелепивъ, изъ твоихъ грудей, изъ твоихъ ребиръ, изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ нигъ, изъ твого хребта, изъ твого жывота, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ твоихъ семыдесяты суставъ—вси урокы вышиптую. Я туды ци врокы ссылаю, де козакъ шаблею не махае, де дивка косою не мае, народженого, молытвяного, прычащеного раба Божія Ивана, Господь Мылосердный, на помичъ посылаю". (С. Хитцовъ).

„Урокы водяни, урокы витряни, урокы й подумани, урокы й погадани, урокы спытени, урокы зйидени! тутъ вамъ не стояты, іи косты не ламаты, тутъ вамъ не ходыты, іи косты не ломыты. Идить соби на очерета та на велыки болота, де витеръ не завивае, де й сонечко не загривае, де парубокъ конемъ не пройизжае, де дивка косы не чеше, де парни на улыци не спивають, де дивкы косамы не мають—одъ Параскы рожденои, молытвяноі и хрещеноі". (М. Снѣтинъ, отъ Прасковьи Лысенковой).

„Урокы-урочыща, чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи! Идить вы соби на очерета, на болота, у свои миста, де парубокъ огню

---

[1]) Интересно, что въ Абруццкомъ заговорѣ, приведенномъ въ Mélusine 1898, № 5., 114, въ слѣдующихъ словахъ упоминается о дѣвичьемъ и женскомъ сглазѣ:

Sè é uocchiè de dunzelle,
Sé ne pozza casca'n dèrre.
Sé è uocchié de maretate,
N derre se n'e ccascate.

не креше, де дивка русои косы не чешс, де пивнячый гласъ не заходыть, де витеръ вербы не колыше. Пидить соби за витрамы, за дымамы и за темнымы лисамы". (М. Снѣтинъ, отъ Катерины Прыхидькиной).

„Урокы-врочыща! тутъ вамъ не буваты, тутъ вамъ не стояты— рукъ не, дбираты, пидъ груды не пидступаты, у боки не шпыгаты, въ чересла не подаваты, у-поперекъ не рубаты, по жывоту не ходыты, коло пупа не крутыты, снигомъ не осыпаты, обмороку не даваты, не знобыты, не тошныты, на очи не наступаты, прозиръ даваты, нарожденому, молытвяному, хрещеному рабу ціи прозиры сциляты, ціи прозиры знычтожаты". (С. Мгарь).

„Урокы,-урочыща! чы чоловичи, чы жоночи, чы хлопьячи, чы дивчачи, и витряни, и огняни изсылаю, исклыкаю, иззываю изъ нароженого, молытвяного и хрещеного раба Божог о; иззываю на, черета, на болота. Тутъ вамъ не стоять, жовтои кости не ломыть, червонои крови не сушыть, билого лыця не билыть, русои косы не сушыть, щырого серця не вьялыть" (повторять трижды). (С. Хорошки).

„Урокы витряни, урокы земляни, урокы подумани й погадани и стричени! Выклыкаю, вызываю изъ ёго очей, изъ ёго плечей, изъ ёго жовтыхъ костей, изъ ёго щырого серця, изъ раба Божого Якыма, и высылаю на очерета, на болота, куды людськый гласъ не заходыть. Составляе Матиръ Божа рабу Божому Якымови здоровья". (С. Литвяки, отъ Федосьи Гузёминой).

„Урокы-урочыща, подумани, погадани, прозирни, чоловичи, жоночи, парубочи! идить соби погуляйте, нарожденій, молытваній раби Божій Парасци помагайте". (Д. Солоница, отъ Насти Дивизіонной).

„Урокы-врочыща! булы подумани й погадани, и наслани, й заспани, и вечирни, й прозирни, ночни, й полунични, й свитови, й витряни. Будуть зъ витру, изъ воды, изъ праци. Стала й вышептувать, и вызывать, и выклыкать, и на густи лиса, и на глыбоки яра одсылать". (С. Хитци, отъ Хиври Глушковой).

„Господы праведный, Господы небесный, стань мени на помочи! Чужи жинкы баранкы, Мелашка ведмедка: ведмежи лапы,

вовчи зубы, соколыни очи. Соколынымы очыма не дывлюся ведмежымы лапамы одгребуся, вовчымы зубамы одгрызуся. Хто що подумавъ и погадавъ, хай ёму самому станется зъ Мелашкы, нарожденои, молытвяноі, хрещеноі—зъ іи очей, зъ іи плечей, зъ жовтои косты, зъ червоноі кровы, зъ русои масты; Меласци нарожденій, молытвяній, хрещеній ссылаю, выклыкаю на очерета, на болота, де сонце не сходыть, витеръ не віе". (Д. Солоница).

„Йшовъ Исусъ Хрыстосъ черезъ трыдевять небесъ,—на святу землю ступае, урокы выклыкае одъ жовтои косты, одъ билого тила. Йшовъ Исусъ Хрыстосъ дорогою и ставъ изъ золотою палыцею стричаты, ставъ урокы збираты, на все поле розсылаты зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ плечей, зъ твоихъ жовтыхъ костей нарожденого, молытвяного раба Божого Ивана". (С. Литвяки).

„Урокы-урочыща, стритени и витряни, прозирни и подумани, и погадани, и люблени-прыголублени, жиночи, парубочи, хлопьячи, стричени и вричени, и супротывни! Покы вы тутъ стоялы и знобылы, и злобылы, поты я не знала и не шептала. Стала я знаты,—и Спасытеля прохаты. И покы я не знала,—и апостоливъ не звала симдесять суставомъ шептаты изъ суставцивъ, изъ головы, изъ жовтои косты, съ краснои криви. Я й вышиптую, и высылаю, и вызываю туды, де дзвоны не дзвонять, де люде не говорять. Бувай здорова, Господь зъ помичю"! (С. Калайдинцы).

„Пресвятая владычыце Богородыце, благословы и поможы мени! Идешъ ты золотымъ мостомъ; зустричавъ іи самъ Сусъ Хрыстосъ и спрашувавъ іи: „куды жъ ты, Матиръ Божа, идешъ?— „Иду я до врожденого и до молытвяного до раба Божого, до Захарія урокы одсылаты. Будуть урокы дидовы, и бабыны, и батьковы, и матерыны, и мужычи, и хлопьячи, и дивчачи, и нападни, и супротывни, и подумани, и погадани, и стритени, и спытани, й зйидени, и шляхомъ перейдени, и витромъ пиднесени. И покы воны знобылы, поты обморокъ у головонькы былы. И я васъ вызываю, и я васъ выклыкаю, и я васъ одсылаю, де витеръ не віе и сонце не гріе и де хрестьянськый гласъ не заходе одъ Захаріевои головы и одъ паголовы, и одъ ёго серця, и одъ ёго пасерця, и одъ ёго румяного лыця, и одъ ёго карыхъ очей, и одъ

ёго плечей, и одъ ёго рукъ, и одъ ёго нигъ, и одъ ёго пальцивъ, и одъ ёго семыдесяты суставцивъ, и одъ ёго жовтои кости, и одъ червонои крови не буде ёго серденька нудыты и червонои крови ссаты. И я васъ вызываю и выклыкаю—идить соби, куды огонь та дымъ, то туды й лышечко за нымъ" [1]). (С. Мгарь, отъ Павла Майстренка).

„Господы мылостывый, поможы мени, и Матеръ Божая праворушныця и скорблящая, и усердная Божая маты, поможы мени си урокы одходыты. Урокы, урочыща, и витряни, и водяни, и прозирни, и часови, и мынутни, и подумани, и погадани, прылюбовани, прыменовани и стритени, и зйидени, и не я-жъ васъ вызываю, и не я выклыкаю,—самъ Господь вызывавъ и выклыкавъ, и ангеливъ на помичъ высылавъ. И матиръ Божа въ помочи стояла и си врокы збирала, на Дунай на море ссылала. Тамъ соби гуляйте и буяйте, сухе дерево ламайте. Одъ ii ручокъ, одъ ii нижокъ, одъ ii головонькы, одъ ii червонои крови, одъ жовтои кости, одъ рожденои, молытвянои, хрещенои рабы Божои Марiи". (Д. Солоница) [2]).

„Господы мылостывый, стань мени у помочи, и помошныкы Божи, станьте мени у помочи! Урокы, урочыща: чоловичи, жоночи, хлопьячи, дивчачи, подумани, погадани! тутъ вамъ не стояты, не болиты, червонои крови не пыты, серця не вьялыты, жылъ не тягты. Не я вышиптую,—Маты Божа вышиптуе, Маты Божа выклыкае, Маты Божа вызывае, де витеръ не вiе, де сонце не грiе. Одъ твоихъ рукъ, отъ твоихъ нигъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твоеи головы, одъ твого нарожденого, хрещеного, дара Божого Васыля". (С. Хорошки, отъ Софiи Сысиной).

---

[1]) «Якъ шептать, то долженъ буть по сёму уроку на прыпичку огонь роскладенъ». (П. Майстренко).

[1]) И въ бретонскомъ заговорѣ, приведенномъ въ Mélusine 1899 № 9, 209, въ ст. T. E. Ernault: Dictons et proverbes bretons, болѣзнь удаляютъ въ рощу сухихъ дубовъ:

. . . Aze ma da lec'h
Barz er bod dero zes'h.

„Урокы, урочыща! я васъ изсылаю, де дивка косою не мае, парубокъ топоромъ не рубае, де птыця не литае, людський гласъ не заходыть. И Матиръ Божа навколюшкы стояла и Бога прохала, и чоловикови на помичъ давала; ишла мосточкомъ изъ золотымъ ципочкомъ и ципочокъ обмывала, людямъ водыцю давала". (М. Лукомье, отъ Катерины Норовой).

„Поможы мени, Мыколай угодныкъ, и ты, скоропомошныкъ, и ты, Варвара велыкомученыця, одъ сихъ урокивъ шептать. Я ихъ вызываю и выклыкаю: чы воны йесть жиночіи, чы воны йе чоловичи, чы воны йе хлопьячи, чы воны йесть насланіи, чы воны йесть подуманіи, чы воны йе погаданіи, чы воны йе заспаніи. Тутъ вамъ не буваты и жовтои кости не ламаты, и червонои крови не ссаты, и билого тила не сушыты. Идить соби на густіи очерета, на глыбоки болота изъ нарожденого, молытвяного и хрещеного раба Божого Васыля" (повторяютъ 9 разъ) (с. Мгарь).

„Господы мылостывый, святіи отци, угодныкы печерськи, ахтырськи, манастырськи, станьте мени въ помочи одъ Ивановыхъ очей и одъ ёго головы, и одъ ёго жовтыхъ костей. Урокы, урочыща! тутъ вамъ не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не ссаты, а жылъ не тягты, а серця не вьялыты. Пидить соби на огни, на дыма, на велыки степа; тамъ парубокъ на билимъ кони не йиздыть, дивка косы не чеше. Тамъ вамъ буде пытття, гуляння й хороше маслування" [1]). (С. Литвяки отъ Наталіи Кедевой).

Переполохъ.

Переполохъ есть нервное возбужденіе отъ испуга, произведеннаго грозой, пожаромъ, паденіемъ въ воду, дурными вѣстями, привидѣніемъ, выражающееся сонливостью, головными болями, лихорадочными припадками и отчасти душевными разстройствами. „Зъ переляку въ чоловика може вкынуться нечыстый духъ; бье въ голову, трощыть у середыни, у голову обморокъ забыва. Ума тронется той чоловикъ, балака, плете чого не нада". „Бува,

[1]) Произносится 4—9 разъ.

шо нечыста сыла пидъ тинь пидходыть (т. е. тѣнью) и ляка". „Прокынулась я въ-ночи,—разсказывала дѣвочка, козачка сел. Литвяковъ Лукерія Бугаева,—одчыныла двери хатни и синешни—на порози лежыть парубокъ Павло. Я кажу: „Павло! чого ты тутъ лежышъ"? Винъ мовчыть. Я ёго за руку та за ногу, воно якъ дубле́не, все колышется и холодне. Очи на мене вырячывъ, дывыться пыльно. Я злякалась та у хату, трушусь, кажу: „мамо, Павло лежыть на порози". Воны выйшлы, колы нема ниде никого, ничого. Съ того часу стала я крычать у-ночи, стала въ мене голова болить, у ливый бикъ колоть. Вылывала баба". „Моя дивчына злякалася дуже: ходыла рано до баштану, и мовъ въ конопляхъ чоловикъ лежавъ. Такъ вона годъ болила: усе крычала, жахалась: мовъ ій увыжается чоловикъ, балака: „онъ чоловикъ стоить. выведить ёго зъ хаты. Вылывала жинка переполохъ; вылывавсь огонь, а не той чоловикъ. Не помоглося". (С. Литвяки).

„Повивъ чоловикъ на ничъ кони, а жинка сыдыть проты празныка Мыхайлова чуда, шые до пизна. Колы се пидійшло та й гука: „Явдохо, одчыны"! Одчыныла вона, колы воно розипнялось на дверяхъ на синешнихъ у сиряци, а вона й гука: „то ты, Петро? чого ты ще й шуткуешъ?" А воно стоить. Такъ вона пробигла по-пидъ рукою, иде видтиль,—колы нема вже на дверяхъ. Выйшла у хату, дума, шо то Петро на печи, пыта: „то ты, Петро?" Воно мовчыть. Вона знову: „чого ты зо мною шуткуешъ, хиба ты маленькый"? Та засвитыла та на пичъ—немае; пидъ пилъ—немае. Уже ій острахъ узявъ, перелякалась на викы. Колы це пивень: ку-ку-рику! Ось и Петро у хату. А вона: „то ты прыходывъ у-ночи лякать мене"?—Ни.—„Та дурышъ".—„Ій Богу ни". Та якъ занедужала, та мисяця два пролежала; йиздыла до знахаривъ, и переполохъ вылывалы, ажъ тоди одужала. И волосъ выризувалы, навхрестъ головы". (М. Снѣтинъ).

Обвѣяніе вѣтромъ и вихремъ, признаваемое Чубинскимъ особой болѣзнью „пидвіемъ" [1]), въ Лубенской народной медицинѣ

[1]) Тр. Эксп. I., в. I., 131.

считается однимъ изъ видовъ переполоха [1]). „Якъ витеръ и выхорь пидбижыть, то въ голови шумъ, обморокъ вдарыть. Може той чоловикъ тронуться умомъ". Опасность пидвія видна, между прочимъ, изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.

„Прыходыть жинка, просыть: „пошепчить одъ переполоху". Дывлюсь, а въ еи такъ жылы попускало пидъ груды, якъ пальци ростопырени, въ гору бье, мовъ ошалымонила, а волосся поскручувало у тры батоги. Розсказувала вона: „выхорь пидбигъ, кынувъ объ землю". (С. Литвяки, отъ Евгеніи Недѣлькиной).

„Була дивчына въ строку у Барвинщыни [2]). Строкови обидалы. Схопывсь выхорь, хто зна звидкиль и взявсь, перекынувъ мыску йимъ у крузи, де воны йилы. Та дивка выбула строкъ благополучно, прыйшла до-дому,—стала ій нападать мовъ лыхорадка: болять рукы, ногы, голова, кыне въ жаръ, зморозыть. Нанялась вона знов у строкъ у Тышкахъ, нерано вже, писля клечаныхъ святъ. Ходылы строкови до озера садыть бурякивъ; заболила у еи голова и все, попросылась вона у дядька до-дому, ажъ у Луку. И якъ хватыло ій, такъ ничого не тямыть, а ходыть можна. Батько и маты мучылысь зъ нею: уберется вона въ нарядъ новый, по огороду ходыть, спива, саме въ робочу пору. Писля того крычыть, гавка. На мынуту ій и легше, свитомъ, а якъ сонце пидобьется, знову ій хвата: вые, гавка, матиръ лае безподобными (sic!) словамы, крычыть: „давай мени йисты"! Паляныць тры зйисть, а все голодна. У Петривку позйида вершкы зъ молока. Такъ ій давай везты. Везуть и кормлять, бо якъ не буде йисты, не буде й сыдить, гавкатыме. Прывезлы ій у манастырь, хотилы запрычастыть—неможна: гавка, вые; хотилы воду на голови святыть,—не можна: не вдержуть. Прывезлы ій до дому, повезлы до знахаря десь за городомъ. Той знахарь шептавъ и вызывавъ переполохъ и сказавъ имъ: щобъ купылы ладану и щобъ роздалы ёго на тры церквы, и якъ спивають „иже херувымы",

---

[1]) Случаи ложной беременности, отчасти выкидыши и душевное разстройство беременной, мѣстная народная медицина склонна объяснять пидвіемъ. (См. мои Нар. Обр. и пѣсни Луб. у., 14).

[2]) Хуторъ Засульской волости.

шобъ тымъ ладаномъ кадылы и потимъ шобъ назадъ узять той ладанъ, мишать въ тымъ ладаномъ свяченои паскы и проскуры и дарныка, и усихъ водъ: орданськои, вечирньои и стритенськои и пыть те все що-дня. Пыла вона; и возылы іи до бабы въ Высачкы и баба ій вылывала що-ранку на сходи мисяця переполохъ,—бо якъ вылывать тоди, якъ родыться мисяць, на молодыку, то переполохъ ожыватыме,—и на воску було те саме: якъ выхорь летивъ и перекынувъ мыску, а вона злякалась. Одужала вона и зновъ поступыла въ строкъ. Такъ-тѳ нечыстый въ неи и вселывся, и тымъ згонылы ёго зъ неи. Якъ выхорь летыть и крутыть писокъ,—и кынуть нижъ у ту куряву, та якъ выхорь унычтожыться, то буде нижъ у крови. Та кровъ зъ нечыстого. (С. Тишки, отъ Пр. Кирилленковой).

Для излѣченія отъ переполоха больного поятъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ іорданской водой,—„переполохъ того боится, одъ того осида"; также: водой, освященной на головѣ больного; водой, въ которой намачивались трое сутокъ: пасха, дарникъ, всенощная просфора, пшеница, освященная на Спаса и Маковія, освященной водой съ квасцами (галуномъ), водой, которой окропляли мертвеца. Ѣдятъ кромѣ перечисленныхъ освященныхъ хлѣбовъ, еще хлѣбъ, принесенный съ первого, такъ называемаго горячаго, погребальнаго обѣда и печеное яблоко, съ воткнутымъ въ него кусочкомъ херувимскаго ладана, причемъ также и подкуриваются херувимскимъ ладаномъ. Изъ врачебныхъ средствъ извѣстна только ландышевая настойка (convallaria majalis L.), приготовленная въ такой пропорціи: чайная ложка сушенныхъ цвѣтовъ на каждую рюмку водки. Даютъ по 3 капли такой настойки въ рюмкѣ водки или воды больному разъ въ сутки. Лучшими средствами для излѣченія переполоха признается: выливаніе и пресѣканіе. Переполохъ выливаютъ больному трижды въ мѣсяцъ, и чаще на исходѣ, т. е. на 3 и 4 четвертяхъ, „тоди переполохъ замира, а якъ вылывать на молодыку, то винъ одмолодіе". На голову или животъ больного ставятъ миску съ холодной водой, куда льютъ растопленные въ три пріема въ печи: воскъ, смолу или олово,—

лучше послѣднія, потому что за воскъ „грихъ велыкый“; если появится лихорадочное состояніе у больного, то обязательно употреблять олово—въ водѣ получается изображеніе испугавшаго предмета, и переполохъ проходитъ. Повидимому, нашъ пріемъ выливанія переполоха, одинаково изображенный и въ ст. Г. Иванова: „Знахари, шептанія и заговоры“ [1]), недоговоренъ, незаконченъ. У фламандцевъ же знахарка, выливъ свинецъ въ холодную воду, спрашиваетъ больного, если металлъ принялъ человѣческую форму: въ какую часть тѣла наславшаго болѣзнь выгнать боль? Затѣмъ нарѣзываетъ значки на вылившейся фигуркѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и передаетъ такимъ образомъ боль наславшему въ его жительство [2]). Баба пресѣкаетъ переполохъ слѣдующимъ образомъ: слегка толкаетъ ножомъ въ лобъ и затылокъ больного, затѣмъ беретъ нитку красной заполочи, измѣряетъ больного отъ макушки до пятъ и наматываетъ на вѣникъ (деркачъ), кончикъ котораго отрубаетъ на сволокѣ или печкѣ, потомъ на правомъ и лѣвомъ плечѣ больного, груди и ногахъ, пресѣкаетъ деркачъ трижды навкрестъ на дверяхъ, приговаривая: „переполоше, переполошыще! я тебе прысикаю, я тебе зарубаю нарожденого, молытвяного раба Божого Семена“. Потомъ забиваетъ деркачъ и нитку въ глухомъ концѣ дверей или „въ кочергахъ“. Вмѣсто деркача, баба обрѣзаетъ навкрестъ волосы и ногти больного, приговаривая: „я переполохъ одбираю одъ нарожденои, молытвяноі Гапкы, одъ іи рукъ, одъ іи ногъ, одъ іи очей, одъ іи главы, одъ русои косы, одъ билого лыця и одъ щырого серця. И теперъ я цей переполохъ на червону нытку збираю и на очерета, и болота я ёго ссылаю одъ нарожденои“. Затѣмъ волосы и ногти баба перевязываетъ красной ниткой и замазываетъ въ глухой конецъ дверей, приговаривая: „якъ въ сёму глухому концю дверямъ не одчыняться, такъ переполохови не обзываться. Я-жъ ёго осыковымъ коломъ забываю и своимы устамы заклынаю. А цёму домови всёму аминь“. Въ заключеніе

[1]) Кіев. Стар. 1885 г., XII, 737.

[2]) Js. Teirlinck. Le fl. flam. 109.

[3]) Кіев. Стар. 1885 г., XII, 737.

баба трижды плюетъ. По Иванову,[3]) дырочку дѣлаютъ на высотѣ роста дитяти; когда послѣднее переростетъ дырочку, пройдетъ болѣзнь. Въ м. Лукомьѣ дитя съ обрѣзанными волосами и ногтями подводятъ къ вербѣ или дубуи, приговаривая: „нехай дубъ тебе переросте", забиваютъ обѣзанные предметы также на высотѣ роста ребенка.

Кромѣ вышеприведеннаго, отъ переполоха есть еще такіе заговоры.

„Я сей переполохъ раби Божій Варци прысикаю и вылываю на сходи и на сповни, и на молодыку. Цей мисяць зъ небесъ исходыть, переполохъ изъ жывота и головы выходыть. Ты переполохъ, ты переполошыще! Ты болюхъ болющый и колюхъ колющый! Ты страхъ и жахъ; ты дидивъ и бабынъ, батькивъ и матерынъ, скотячый и конячый, собачый и свынячый, курячый и утячый, и гусячый, и витровый, и выхровый, огневый, гадячый, котячый, денный и ночный, и полуношный. Тутъ тоби рабы Божои не ожываты, коло серця не облягаты, рукъ, нигъ не ломыты, серця не сушыты. Покы ты тутъ ходывъ и сушывъ, поты я не знала и не прысикала и не вылывала. Теперъ прысикаю и вылываю билымы рукамы, одъ серця одбираю и святи молытвы чытаю своимы устамы, святымы молытвамы одъ рабы Божои Ганны одбираю, на очерета и на болота ссылаю. Туды люде не ходять, туды переполохы сходять зъ витрамы, зъ выхрамы. Хай гуляють, рабы Божій Ганны хай повикъ не ожывають. Я одъ рукъ и одъ нигъ одбираю, на западъ сонця посылаю."

„Винъ йесть батькивъ и матерынъ, и титчинъ, и дядькивъ, и дивчачый, и стритяный, витряный и громовый, и блыскавчынъ, и сонный, и зляканый, и вечирній, зирній. Йесть волячый, коровьячый, свынячый, овечый, ягнячый, гусячый, утячый, курячый, ношный и витровий, и выхровый. Покы я не знала,—не шептала; якъ стала знать,—одъ переполоху шептать. И я шепчу, и вылываю, и прысикаю, и прерубаю, и злываю, и на тры стороны изсылаю, де люде не ходять, де витры не вѣють. Господь зъ помищю". (С. Калайдинцы).

„Переполохъ чоловичый, жоночый, парубочый, дивочый хлопьячый, товарячый, кинський, овечый, вовчый, заячый, пере-

пелячый, горобьячый, ящерыный, гадючый, курячый, утячый, гусячый, индычый, лысычый, огнéнный—я тебе вышиптую, я тебе й вызываю, я тебе й выклыкаю, на темни луга одсылаю. Иды соби темнымы лугамы, буйными витрамы у чыстее поле. Тутъ тебе овси не треба“ [1])! (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Переполохъ подуманый, погаданый, скотынынъ, звирыный и насланый. Тутъ тоби не стоять, крови не ссать, жовтои кости не ламать, а жылъ не тягты, а серця не тошныты. Пиды соби на огни, на дыма, на велыки степа. Тамъ тоби буде пынье, гуляние и всяке маслуванне“. (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Переполохъ, переполошыще! Ты не жиночій, ты чоловичій, въ тебе голова здоровая Ты можешъ чоловика рострибушаты, ты можешъ оселю розирваты. Тутъ тоби не стояты, головочкы не ламаты, у жывоти не трибушаты. Иды соби за огнямы, за витрамы, за густымы дымамы, де собакы не брешуть, де люде не говорять, огни не горять“. (М. Снѣтинъ, отъ Катерины Прихидькиной).

„Переполохъ курячый, гусячый и козыный, и звирыный, и воловый, и коровный, и выхровый, и витровый. Тутъ тоби не стояты, въ голови не шумиты и билого тила не ялыты, и щырого серця не нудыты. Я тебе шепчу, я тебе вылываю, я тебе вызываю,—я сей переполохъ зъ твого серця вышиптую. И тутъ тоби не стояты, пидъ груды не пидпыраты, пидъ ложечку не пидступаты, и щырого серця не нудыты нароженого, молытвяного Самсона не сушыты“. (С. Хитцовъ, отъ Маріи Ганенковой).

„Переполохъ, переполошыще! батькивъ, матерынъ, чоловичый, жиночый, изляканый, истрахненый и курячый, и гусячый, и скотськый, и кинськый; и выклыкаю одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ русои косы, одъ карыхъ очей, одъ билого тила, одъ щырого серця, одъ нароженои, молытвянои, хрещенои Маріи“. (М. Снѣтина).

---

[1]) Вышиптувать 9 разъ, а якъ велыкый переполохъ, то трычи по 9.

„Переполохъ переполошный! и собачый, и звирячый, и товарячый, и свынячый, людськый, чоловичый, жиночый, хлопьячый, дивчачый! Тамъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не пыты и серденька не сушыты; я вызываю и выклыкаю изъ очей, изъ ёго плечей, изъ ёго щырого серця. Тамъ тоби не стояты, тамъ тоби замыраты". (С. Литвяки, отъ Федосьи Гузёминой).

„Господы мылостывый, поможы мени! Маты Божа, и стань мени у помочи сей переполохъ вылываты изъ ии головонькы, изъ ии ручокъ, изъ ии нижокъ, изъ ии пальцивъ, изъ ии суставцивъ, одъ ии семыдесятъ суставъ. Не я ёго вылываю, не я выклыкаю, самъ Господь вылывавъ и выклыкавъ и Матиръ Божа въ помочи стояла, си переполохы одбирала, на Дунай на море зсылала. На Дунай на мори симдесятъ языкивъ стрепечучысь, святый мисяць на неби и Матиръ Божа на земли, и си переполохы збирала и витряны, и хлопьячи, и чоловичи, и выхрови, и блыскови, и громови, и конячи, и волячи, и собачи, и гусячи, и курячи, и гадючи, и жабьячи, и потайни и хлопьячи, и жоночи; и дивчачи, и не я йихъ вызывала, и не я своимъ духомъ подымала,—Самъ Господь вызывавъ и своимъ духомъ подымавъ одь жовтои кости, одъ червонои крови, одъ ии голосу, одъ ии волосу и одъ рожденои, молытвянои и хрещенои рабы Божои Маріи. Аминь". (Д. Солоница).

Крикливицы.

Крикливицами, плаксивицами, а по Чубинскому-несплячкамы, крыксами называютъ въ Малороссіи безсонницу дитяти до 3-хъ лѣтъ, осложненную громкимъ крикомъ и запрокидываніемъ головки назадъ [1]). Кромѣ врожденныхъ, онѣ могутъ еще случиться, если кто поздно вечеромъ посмотритъ въ окно или нашлетъ ихъ отъ своихъ дѣтей. Въ предупрежденіе крикливецъ въ глухомъ углу въ полъ втыкаютъ иголку, а вѣникъ выбрасываютъ за порогъ, подъ колыбель ставятъ освященную воду. Въ купель кла-

[1]) Нар. обряды и пѣсни Луб. у., 33, 34.

дутъ: гречневую и освященную солому, также солому изъ трехъ крышъ, три ложки земли и девять росадинъ капусты, невысаженныхъ изъ росадниковъ, полевые васильки и желтый буркунъ,— если дитя худаетъ. Крикливицы ссылаютъ на улицу и вечерницы, способомъ, указаннымъ въ моихъ Нар. обр. и пѣс. Луб. у., стр. 34, или сдаютъ ихъ лѣсу или сосѣднему ребенку [1]) или курямъ [2]). Въ послѣднемъ случаѣ несутъ дѣтей подъ сидало и говорятъ: „вы, куры, били, чорни, гребенати, попеласти! изберить, изнесить крыклывыци, плаксывыци вечирни и полунишни, и наслани, и подумани, и погадани. Пидить соби на огни, на дыма, на велыки степа, тамъ вы будете пыты й гуляты". (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Крыклывыци и плаксывыци! я васъ вызываю, я васъ и выклыкаю зъ ёго очей, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щырого серця. Я тебе й вызываю, я й выклыкаю, я й одсылаю и на очерета, и на болота, и на велыки лиса, и на дыку птыцю. Тамъ соби й оселыся, остановыся; тамъ соби ячить, тамъ крычить, а ты, Господы мылостывый и вси святи, станьте ёму на помощи, шобъ воно не крычало, шобъ воно й мовчало, шобъ ёму й спалося, шобъ ёму лыхо мыналося. Дай Боже ёму здоровья." (С. Литвяки, отъ Федосьи Гузёминой).

„Господы мылостывый! поможы мени си плаксывыци одходыты и денни, и вечирни, и полунишни, и свитови; и не я ихъ вызываю и не я выклыкаю. Зори зоряныци, [3]) васъ на неби тры сестрыци! и одбирайте си крыклывыци и денни, и вечирни, и наслани, и витряни, и прозирни. Матиръ Божа въ помочи стояла, си крыклывыци одбирала и дивчатамъ на вечорныци одсылала. И зори зоряныци, на неби тры сестрыци! и насылайте мени сонлывыци и дримлывыци 'дъ рожденои, хрещенои, 'дъ молытвянои Марiи." (Д. Солоница).

---

[1]) Чуб. т. I., в. I., 112.

[2]) Ивановъ. Кіев. Стар. 1885 г., XII, 738.

[3]) То же воззваніе къ зорямъ у Иванова въ сборн. Хар. И. Фил. Общества. IV., 276 и въ моихъ: Нар. обр. и пѣс. Луб. у. 34.

Перехидъ.

Перехидъ понятіе сложное. Сюда входятъ: родимецъ, eklampsia infantum, „судороги отдѣльныхъ мускуловъ или всего тѣла съ потерей сознанія и способности ощущенія, припадокъ не повторяющійся“ (Кунце. Compend. практ. мед. Кіевъ 1881 г., 96.), падучая, „билый“ несмертельный перехидъ, бываюшій иногда на третьей четверти каждый мѣсяцъ, и предсмертный нервный ударъ, „чорный перехидъ навмыруще“. По народнымъ понятіямъ, перехидъ можетъ быть прирожденнымъ, наслѣдственнымъ, тихимъ и пріобрѣтеннымъ, „найденимъ“, отъ: урокъ, прозора, испуга. Въ послѣднемъ человѣкъ храпитъ, пѣнится, синѣетъ, бьется, машетъ руками и ногами. Главное, непремѣнное условіе при перехидѣ, во время припадка—полное спокойствіе больного. По народнымъ предразсудкамъ, неосторожное прикосновеніе къ рукѣ или ногѣ больного можетъ вызвать потерю члена, почему рожденное въ перехидѣ дитя оставляютъ лежать до прекращенія припадка [1]). Больного осторожно накрываютъ чѣмъ-нибудь чернымъ, также хусткой, на которой святили пасху; подъ голову подкладываютъ тряпки, которыми затыкался верхъ; снявъ съ больного рубашку, накрываютъ ее, а также и самого больного ночвами, по Чубинскому [2])—корытомъ. Перехидъ можетъ даже пройти, если видящій первый разъ больного, накроетъ его ночвами, а сверху разобьетъ новый горшокъ [3]). Надѣваютъ рубашку съ мертвеца и носятъ недѣлю: „перехидъ замира“. Если удастся носить цѣлый мѣсяцъ по рубашкѣ съ четырехъ мертвецовъ, „то перехидъ замре“. Больного смазываютъ всего саломъ, толченымъ съ кореньями любистка (levisticum officinale Koch.) и красной рожи (althaea rosea L.), а соски намазываютъ херувимскимъ ладаномъ. Больного поятъ ладаномъ съ трехъ обѣдней, сваренымъ въ водѣ, по 3 рюмки въ день, двѣнадцать дней подрядъ,—„колы-бъ тилькы люде не бачылы“. Даютъ также въ водѣ кровь пѣтуха, зарѣзаннаго на Меланки, засушенную и стертую, и отваръ цвѣтовъ горыцвита и сынецвита.

В. **Милорадовичъ.**

---

[1]) Обр. и пѣсни Луб. у. 19.

[2]) Тр. т. I., в. I., 117.

[3]) Ib. 117.

Къ вопросу о галицко-русской литературѣ.

(По поводу статьи проф. Т. Д. Флоринскаго).

Осенью истекшаго года профессоръ Т. Д. Флоринскій помѣстилъ въ газетѣ „Кіевлянинъ“ рядъ статей, посвященныхъ разбору „старыхъ толковъ“ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи). Дѣйствительно, это старые толки за и противъ, которые мнѣ приходилось встрѣчать въ печати въ теченіе почти 40 лѣтъ; въ полемику эту я никогда не вмѣшивался главнымъ образомъ потому, что писатели, высказывавшіе мнѣнія, съ которыми я не былъ согласенъ, употребляли пріемы нѣсколько странные: трактуя о вопросахъ филологическихъ, литературныхъ, этнографическихъ и вообще культурныхъ, они соединяли ихъ тѣсно съ вопросами политики, до которыхъ лицамъ, интересующимся только культурными отношеніями, не было никакого дѣла; возражать такимъ писателямъ, по большей части публицистамъ, по моему мнѣнію, было невозможно съ точки зрѣнія объективно-научной, да пожалуй, подъ часъ, и не совсѣмъ безопасно. Иной характеръ носятъ статьи проф. Флоринскаго: онъ отстаиваетъ положенія, въ справедливости которыхъ онъ глубоко убѣжденъ, въ силу чего, положенія его, въ случаѣ даже несогласія съ ними, заслуживаютъ полнаго уваженія; съ другой стороны, авторъ заявляетъ на первой-же страницѣ своего сочиненія, что „правильное рѣшеніе спорнаго вопроса можетъ быть достигнуто только послѣ всесторонняго спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія

его въ печати". Эта точка зрѣнія, вполнѣ отвѣчающая условіямъ культурнаго обсужденія, побуждаетъ несомнѣнно лицъ несогласныхъ съ нѣкоторыми положеніями проф. Флоринскаго высказать свои мнѣнія для всесторонняго обсужденія вопроса. Кромѣ этого общаго мотива, мнѣ кажется, что я поставленъ проф. Флоринскимъ въ необходимость дать объясненія чисто личнаго характера, по поводу сдѣланныхъ имъ указаній на мою дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя Кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета XI археологическаго съѣзда, по моему мнѣнію, не вполнѣ справедливыхъ и нѣсколько тенденціозныхъ.

Въ первой половинѣ своей статьи проф. Флоринскій держится довольно точно заявленнаго имъ научно-объективнаго метода, и потому мы не можемъ не согласиться съ нѣкоторыми его выводами: онъ доказываетъ, что малорусское нарѣчіе (языкъ) принадлежитъ къ группѣ русскихъ нарѣчій, въ чемъ мы никогда не сомнѣвались, что, впрочемъ, вполнѣ признаютъ и тѣ писатели, съ которыми авторъ ведетъ полемику; затѣмъ, переходя къ этнографическимъ особенностямъ малорусскаго народа, проф. Флоринскій утверждаетъ, что всѣ три разновидности русскаго народа составляютъ одну этническую особь, но представляютъ и свои индивидуальныя черты; относительно „удѣльнаго вѣса" вошедшихъ въ эту особь стихій: малорусской и бѣлорусской, проф. Флоринскій находитъ неумѣстнымъ привести данныя въ своей статьѣ, но заявляетъ вообще, что его мнѣніе представляетъ „неоспоримый фактъ"; что несогласіе съ нимъ „на страницахъ ученаго журнала нужно считать, по меньшей мѣрѣ, страннымъ недоразумѣніемъ"; что люди, несогласные съ его мнѣніемъ, „не понимаютъ или не хотятъ понять истины" и т. д. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что такой высокомѣрный тонъ по отношенію къ мнѣнію противниковъ не отвѣчаетъ условіямъ научной полемики. Правъ-ли или не правъ въ своихъ положеніяхъ проф. Флоринскій—это вопросъ открытый, пока не будутъ подведены точные итоги русской этнографіи; до того времени о „неоспоримыхъ" истинахъ разсуждать преждевременно. Полагаю, что ученые, дорожащіе раскрытіемъ истины, должны бы

воздержаться пока отъ абсолютныхъ приговоровъ и заняться собраніемъ и изслѣдованіемъ научнаго этнографическаго матеріала; такая попытка и была сдѣлана въ семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Кіевѣ Юго-Западнымъ отдѣломъ русскаго географическаго общества, но благодаря ревнителямъ, стоявшимъ на точкѣ зрѣнія проф. Флоринскаго (конечно, менѣе просвѣщеннымъ и потому болѣе склоннымъ къ мѣропріятіямъ, чѣмъ къ научнымъ доводамъ), дѣятельность отдѣла была прекращена и собираніе этнографическихъ данныхъ при помощи широкой интеллигентной публики края (въ составѣ отдѣла было до 300 членовъ) остановилось. Во всякомъ случаѣ, точные этнографическіе выводы относительно характера различныхъ разновидностей русскаго племени, еще впереди и едва-ли въ настоящее время можно безошибочно произнести приговоръ относительно „удѣльнаго вѣса“ отличительныхъ чертъ каждой разновидности. Если относительно этнографіи можно сохранять нѣкоторое сомнѣніе, то относительно другого рода научныхъ изслѣдованій намъ кажется, что проф. Флоринскій, вѣроятно увлекшись жаромъ полемики, поставилъ совершенно невозможный тезисъ. Ссылаясь на авторитетъ другого ученаго, онъ приводитъ фразу изъ его руководства, подчеркивая ее, какъ положительный выводъ: „*русскій народъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ единое цѣлое*“. Полагаю, что положеніе о лингвистикѣ, въ виду авторитетности цитируемаго автора, вѣроятно справедливо, но къ чему присоединено къ нему мнѣніе относительно антропологіи? вѣдь понынѣ сдѣлано такъ мало наблюденій относительно антропологическихъ признаковъ русскаго племени, что обслѣдованныя сколько-нибудь въ этомъ отношеніи мѣстности, являются лишь крошечными островками на обширной территоріи Россіи. Между тѣмъ, принявъ во вниманіе какъ громадное пространство разселенія племени, такъ и историческія данныя о русской колонизаціи, наврядъ-ли можно ожидать единства антропологическаго типа, и въ этомъ отношеніи великорусская вѣтвь вѣроятно представитъ весьма рѣзкія типическія разницы, такъ-какъ она ассимилирована путемъ бра-

ковъ и обрусенія чистокровныхъ инородцевъ, а также большое количество самыхъ разнообразныхъ племенъ и народовъ. Вѣрны-ли эти апріорныя соображенія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ провозглашать единство антропологическаго типа при настоящемъ состояніи русской антропологической науки намъ кажется и преждевременно и не научно.

Переходя къ характеристикѣ общерусскаго литературнаго языка, проф. Флоринскій утверждаетъ, что всѣ три вѣтви русскаго племени принимали участіе въ его созданіи, хотя „въ силу историческихъ и политическихъ условій, великорусское нарѣчіе (преимущественно московскій его говоръ) заняло первенствующее положеніе въ ново-русскомъ образованномъ языкѣ". Это первенствующее положеніе такъ сильно, что слушая московскій говоръ, образованный русскій человѣкъ признаетъ въ немъ тотъ языкъ, на которомъ онъ самъ привыкъ говорить. По нашему мнѣнію, это положеніе проф. Флоринскаго совершенно справедливо, но изъ него, какъ кажется, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: усвоеніе русскаго литературнаго языка для москвича не представляетъ никакой трудности и онъ, по мѣрѣ развитія своего умственнаго кругозора вообще, въ своемъ-же языкѣ находитъ всегда матеріалъ для выраженія своихъ понятій и представленій; но чѣмъ дальше говоръ отстоитъ отъ московскаго, тѣмъ усвоеніе литературнаго языка представляетъ все большія и большія трудности; для тѣхъ-же говоровъ, нарѣчій или языковъ (не знаю, какой терминъ употребить, чтобы не нарушить чиновной іерархіи, установленной филологами), которые, въ силу историческихъ условій минувшей жизни, представляютъ значительныя отклоненія фонетическія, морфологическія, синтаксическія и лексическія, усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ серьезную и довольно трудную задачу: оно требуетъ въ первоначальномъ обученіи затраты двухъ-трехъ лѣтъ, т. е. курса сельской школы, и въ случаѣ если этимъ курсомъ кончается все образованіе (что обыкновенно и бываетъ въ массѣ сельскаго люда), не оставляетъ ни сколько-нибудь прочнаго знанія литературнаго языка, который вскорѣ забывается, ни тѣхъ эле-

ментарныхъ знаній, которыя должна-бы сообщить первоначальная школа, такъ-какъ все время ученія ушло на борьбу съ говоромъ или нарѣчіемъ. Кромѣ этого педагогическаго затрудненія можно-бы указать много другихъ въ сферахъ дѣятельности: литературной, судебной, административной и т. д., гдѣ отдаленность даннаго нарѣчія отъ литературнаго языка причиняетъ неоднократно значительныя практическія затрудненія какъ властямъ, такъ и народной массѣ; но мотивы эти повели бы насъ далеко за границы этой статьи. Впрочемъ, повидимому и нужды нѣтъ въ этомъ: профессоръ Флоринскій признаетъ, что значительная относительно разница нѣкоторыхъ нарѣчій отъ общерусскаго литературнаго языка вызываетъ „естественную, хотя и не необходимую“ потребность существованія нѣкоторой областной литературы, „прежде всего простонародной“, которая, однако, „должна довольствоваться скромною ролью подлитературы, служащей дополненіемъ къ общей, главной литературѣ“. Уважаемый авторъ пытается даже опредѣлить сюжеты этой подлитературы, за предѣлы которой она выходить не имѣетъ права. По его мнѣнію границы, эти допускаютъ въ малорусской литературѣ: художественныя литературныя произведенія, рисующія народную жизнь малороссовъ; изданія памятниковъ малорусскаго народнаго творчества; театральныя представленія и простонародныя книги, имѣющія цѣлью распространеніе просвѣщенія въ малорусской деревнѣ. Относительно малорусской литературы въ предѣлахъ Россіи мы совершенно согласны съ мнѣніемъ проф. Флоринскаго и даже находимъ его болѣе толерантнымъ и прогрессивнымъ, чѣмъ то statu quo, въ которомъ заколдована данная литература. Такъ напримѣръ, послѣдняя, указанная имъ, категорія книгъ, стремящихся къ распространенію знанія въ деревнѣ, не пользовалась за послѣдніе 25 лѣтъ правомъ гражданства. Насколько намъ извѣстно, за весь этотъ промежутокъ времени только три или четыре брошюры подобнаго рода: о раціональномъ методѣ запашекъ, о пріемахъ скотоводства и о раціональныхъ пріемахъ лѣтнихъ заработковъ въ степныхъ губерніяхъ, увидали свѣтъ и то лишь благодаря не-

имовѣрнымъ усиліямъ авторовъ, которымъ приходилось тревожить два министерства и затратить 2—3 года хлопотъ и стараній; между тѣмъ, десятки, можетъ быть и сотни, подобнаго рода книгъ, напримѣръ: практическіе совѣты о гигіенѣ при эпидеміяхъ холеры и дифтерита, о пріемахъ раціональнаго пчеловодства, нравоучительно-религіозные разсказы, житія святыхъ, популярныя книги по физической географіи и т. д., такъ и остались не изданными.

Притомъ намъ кажется, что предѣлы „подлитературы", поставленные проф. Флоринскимъ, не вполнѣ точно размежеваны: мы не знаемъ тѣхъ признаковъ, по которымъ можно-бы было опредѣлить границы простонародной и сюртучной литературы и которые могутъ быть указаны лишь самою жизнью. По нашему мнѣнію, самый крупный пробѣлъ въ опредѣленіи проф. Флоринскаго относится къ самому существенному условію просвѣщенія народа. Во всѣхъ христіанскихъ государствахъ основнымъ источникомъ народнаго просвѣщенія считаютъ просвѣщеніе, основанное на религіозныхъ началахъ: конечно, въ народной, мало-культурной сферѣ первые лучи просвѣщенія проникаютъ изъ церковнаго ученія; общедоступная церковная проповѣдь на вполнѣ понятномъ языкѣ, житія святыхъ и, наконецъ, возможность читать святое письмо, не стѣсняясь филологическими затрудненіями, по нашему мнѣнію, составили-бы самый важный элементъ подлитературы, назначенный для просвѣщенія малорусской деревни. Конечно, существованіе такихъ произведеній въ подлитературѣ способствовало-бы значительному подъему религіознаго и нравственнаго кругозора деревни и, можетъ быть, устранило-бы тѣ предразсудки и наклонность къ сектантству, которые заслоняютъ ортодоксальное ученіе церкви. Примѣровъ подобнаго рода можно-бы привести очень много; укажемъ хотя на Бельгію, въ которой духовенство, по воспитанію французское, поставленное въ необходимость бороться въ народной средѣ съ раціоналистическими ученіями, читаетъ проповѣдь въ сельскихъ церквяхъ и издаетъ популярныя религіозныя книги на нарѣчіяхъ валлонскомъ и фламандскомъ, не смотря на то, что

языкъ литературы и образованнаго общества страны есть языкъ французскій.

Если мы готовы согласиться съ главнымъ положеніемъ проф. Флоринскаго относительно значенія малорусской литературы или подлитературы въ предѣлахъ Россіи, то совершенно расходимся съ его взглядомъ о значеніи этой литературы въ Галиціи. Здѣсь, въ силу теченія исторической жизни, интеллигентное русское общество говоритъ на своемъ нарѣчіи, пользуется имъ въ церкви, судѣ, въ административныхъ сношеніяхъ; оно получаетъ на немъ образованіе въ школахъ, сельскихъ гимназіяхъ и въ университетѣ. Очевидно для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, что употребленіе этого языка въ культурныхъ сношеніяхъ выработалось условіями самой жизни. Конечно, среди галицкихъ писателей есть нѣкоторое количество лицъ, усвоившихъ русскій литературный языкъ, но люди эти далеко не многочислены и не особенно производительны въ научной литературѣ, да и существованіе такой группы писателей совершенно естественно: нѣтъ культурнаго общества, въ которомъ среди интеллигенціи не было-бы извѣстнаго количества людей, пишущихъ не только на томъ языкѣ, на которомъ они говорятъ, но и участвующихъ въ другихъ литературахъ. По мѣрѣ интеллектуальнаго развитія галицкой Руси, многіе литераторы усвоили нѣсколько языковъ, на которыхъ и излагаютъ свои мысли; безъ различія партіи какъ старороссы, такъ и народовцы по временамъ печатаютъ свои произведенія на языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ. На этихъ языкахъ мы встрѣчали статьи и даже цѣлыя сочиненія, какъ г. Адольфа Добрянскаго, такъ и г. Франка, проф. Шараневича и проф. Огоновскаго и т. д., но все это явленія исключительныя, не характеризующія общихъ культурныхъ потребностей страны. Большинство членовъ старорусской партіи къ несчастью, русскаго литературнаго языка не знаетъ, не можетъ на немъ ни писать, ни говорить, и потому пожеланіе ихъ не признавать своей областной литературы является лишь убѣжденіемъ теоретическимъ,—своего рода платоническою любовью, встрѣчающею боль-

шія затрудненія въ житейскомъ примѣненіи. Эта рознь теоретическаго убѣжденія съ практическимъ его примѣненіемъ отражается прежде всего на учено-литературной продуктивности этой партіи въ отношеніяхъ количественномъ и качественномъ,— достаточно сравнить для примѣра изданія „Русской Матицы", существующей уже много лѣтъ и изданія „Наукового товариства імени Шевченка", начавшаго свою дѣятельность лишь семь лѣтъ назадъ, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько направленіе, основанное на потребностяхъ самой жизни даннаго общества, вызываетъ энергію, дѣятельность и продуктивность и насколько теоретическія соображенія, идущія наперекоръ жизни, являются элементомъ, вызывающимъ апатію и безсиліе. Нельзя же серьезно принять за общерусскій языкъ тотъ гибридный говоръ, на которомъ говоритъ огромное большинство староруссовъ, на которомъ издавались труды „Матицы" и писались поэмы г.г. Гушалевича, Дѣдицкаго и др. Для иллюстраціи языка, употребляемаго старорусскими позволю себѣ привести довольно характерный эпизодъ. Одинъ заслуженный ученый, принадлежавшій къ этой группѣ, былъ избранъ профессоромъ русскаго языка и словесности въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Получивъ извѣщеніе о своемъ избраніи, онъ написалъ въ совѣтъ избравшаго его университета письмо съ изъявленіемъ благодарности; въ письмѣ этомъ, состоявшемъ изъ 20 строкъ, оказалось 23 ошибки въ русской лексикѣ, синтаксисѣ и правописаніи. Послѣ этого, конечно, кандидатура на каѳедру русскаго языка и словесности оказалась невозможною, и почтенный ученый получилъ другое назначеніе.

По нашему мнѣнію, весьма знаменательный фактъ представляетъ то обстоятельство, что старорусская партія за 50 лѣтъ своего существованія не произвела ни одного не только выдающагося, но даже средняго хорошаго поэта или беллетриста. Всѣ болѣе талантливые представители галицкой литературы, какъ гг. Франко, Федьковичъ, Кобрынская, Кобылянская и т. д.—представители исключительно группы народовцевъ.

Профессоръ Флоринскій особенно негодуетъ на то, что галичане пишутъ научныя статьи и издаютъ научные журналы на

своемъ разговорномъ языкѣ; онъ считаетъ эти начинанія затѣею „трудно исполнимою, лишнею, ненужною, безцѣльною, безполезною, которая, при насущныхъ силахъ галицкой интеллигенціи, не можетъ состояться и въ 100 лѣтъ"—даже причисляетъ ее къ явленіямъ отрицательнымъ и вреднымъ. Авторъ до того глубоко убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія, что считаетъ спорный вопросъ „безповоротно рѣшеннымъ жизнью" въ желательномъ ему смыслѣ.

Мы уважаемъ убѣжденія проф. Флоринскаго, какъ и всякое глубокое и искреннее убѣжденіе, но, тѣмъ не менѣе, не можемъ согласиться ни съ его эпитетами, ни съ его прогностикою. Конечно, созданіе научнаго языка изъ языка разговорнаго требуетъ большихъ усилій, но препятствіе это далеко не непреодолимо, что, конечно, прекрасно знаетъ проф. Флоринскій, изучившій исторію возрожденія въ XVIII и XIX столѣтіяхъ многихъ славянскихъ литературъ. При извѣстной любви автора къ преуспѣванію славянъ, онъ, несомнѣнно, относится съ сочувствіемъ къ усиліямъ, которыя предприняты были чехами, сербами, болгарами, словинцами, словаками, лужичанами для разработки ихъ литературъ; но совершенно аналогическія усилія галичанъ не только не пользуются его симпатіею, но вызываютъ въ немъ страстное отрицаніе и порицаніе. Очевидно, что кабинетныя занятія филологіею могутъ вселить духъ нетерпимости въ равной мѣрѣ, какъ занятія науками богословскими, политическими или юридическими.

Что спорный вопросъ далеко не рѣшенъ безповоротно, въ томъ мы убѣждены отзывами многихъ органовъ русской печати, мнѣніемъ проф. Ягича (см. ссылку въ концѣ статьи г. Михальчука), постановленіемъ огромнаго большинства членовъ Московскаго археологическаго общества и отзывомъ многихъ славянскихъ гостей, посѣтившихъ Кіевскій археологическій съѣздъ, съ которыми намъ довелось бесѣдовать о спорномъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, при оцѣнкѣ даннаго вопроса вѣрно одно изъ двухъ мнѣній: или желаніе галицкихъ литераторовъ примѣнить свой языкъ къ научной литературѣ есть лишняя, вредная и

т. д. затѣя, впередъ обреченная на смерть, или же это дѣйствительная потребность, вытекающая изъ условій жизни Галичины. Въ первомъ случаѣ намъ не понятна страстность, съ которою относится въ данному вопросу проф. Флоринскій: все то, что лишено реальныхъ условій быта, что безповоротно рѣшено жизнью, должно неминуемо исчезнуть, не представляетъ ни для кого опасности и не можетъ вызывать ни раздраженія, ни экстренныхъ мѣропріятій; но если вѣрно второе мнѣніе, то страстное къ нему отношеніе и особенно преждевременныя мѣропріятія, не только не достигнутъ цѣли, но вносятъ лишь ненужное раздраженіе, усиливаютъ духъ протеста и все-таки не предотвратятъ того исхода, къ которому естественно стремятся потребности жизни. Къ какому рѣшенію въ будущемъ приведетъ данный вопросъ, за отсутствіемъ дара прорицанія мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, полагаемъ, что по аналогическимъ вопросамъ люди ученые разныхъ временъ неоднократно высказывали прогнозы и гороскопы, не оправдывавшіеся въ послѣдующее время. Такъ напримѣръ, проф. Флоринскому лучше чѣмъ намъ извѣстны отзывы нѣмецкой печати по поводу возрожденія чешской литературы; такъ лѣтъ 40 назадъ одинъ, несомнѣнно весьма ученый русскій славистъ, пришелъ къ убѣжденію, что только четыре славянскія литературы: русская, польская, чешская и сербская имѣютъ право на существованіе и что поэтому болгары не должны мечтать о своей литературѣ „лишней, вредной, безцѣльной“ и т. д., но должны усвоить литературу сербскую. Проповѣдывая страстно эту мысль, ученый славистъ чуть было не разогналъ одинъ изъ отдѣловъ славянскаго благотворительнаго комитета, котораго онъ былъ предсѣдателемъ и въ составъ котораго входили очень многіе болгары. Въ исторіи западной Руси мы встрѣтили очень характерный аналогичный фактъ. Въ началѣ XVII ст. знаменитый проповѣдникъ и ученый іезуитъ Петръ Скарга, въ пылу полемики по вопросу о церковной уніи попрекаетъ православныхъ между прочимъ тѣмъ, что они пишутъ на языкѣ, который не можетъ стать языкомъ культурнаго общества и не имѣетъ никакой будущности. „Еще не было на

свѣтѣ, говоритъ онъ, академіи, гдѣ-бы философія, богословіе, логика и другія гуманитарныя знанія преподавались на славяно-русскомъ языкѣ; съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики и быть не можетъ. Вотъ откуда у васъ невѣжество и заблужденіе". Въ настоящее время мы видимъ, насколько преждевременны были страстно высказанные гороскопы ученыхъ: и чешская, и болгарская литература существуютъ, отвѣтомъ же на предсказаніе Скарги служитъ вся русская литература.

Если проф. Флоринскій дѣйствительно убѣжденъ въ томъ, что попытка создать научную малорусскую литературу есть утопія, „осужденная жизнью и закономъ культурнаго развитія народовъ", то для насъ совсѣмъ непонятны его опасенія относительно пропаганды этой утопіи. Если его мнѣніе вѣрно, то, конечно, утопія не можетъ никого прельстить и кончится лишь тѣмъ, что утописты потратятъ нѣсколько тщетныхъ усилій, никого не увлекутъ, сами одумаются и повернутъ на другой путь культурнаго развитія; но если проф. Флоринскій ошибается (а ошибаться всѣ мы можемъ, за исключеніемъ развѣ папы), то въ такомъ случаѣ весьма странными являются провозглашаемыя имъ будто-бы непреложныя истины и тѣмъ болѣе отстаиваемыя имъ мѣропріятія о всякихъ недопущеніяхъ, пресѣченіяхъ и т. д. Споръ этотъ пока открытый, и люди науки могутъ лишь приводить аргументы pro и contra и выжидать рѣшенія вопроса отъ дальнѣйшаго теченія жизни, не вызывая практическихъ мѣропріятій, по вопросу, пока открытому.

Порицая усилія галичанъ, направленныя къ созданію литературнаго языка, проф. Флоринскій указываетъ, что языкъ этотъ искусственный, не сложившійся и переполненный словами, заимствованными по преимуществу изъ языка польскаго, или вновь созданными; въ доказательство этого положенія авторъ приводитъ списокъ до 200 словъ, яко-бы заимствованныхъ изъ польскаго языка. Разсматривая этотъ каталогъ, мы не могли не прійти къ убѣжденію, что составляя его, проф. Флоринскій не остался на высотѣ своего филологическаго образованія: въ

числѣ случайно имъ выдернутыхъ словъ замѣчается нѣсколько категорій самаго разнообразнаго характера; такъ, къ числу заимствованій изъ польскаго языка отнесены слова, несомнѣнно присущія какъ въ бытовой рѣчи малорусскаго народа и въ произведеніяхъ его народной литературы, такъ и въ западно-русскихъ литературныхъ памятникахъ XVI—XVIII столѣтій и въ языкѣ документовъ того времени; таковы напр. слова: кавалокъ, увага, камяныця, умова, докладно, знищыты, звычайно, справа, вага, шануваты, муситы, праця, малюваты и т. д. Доказательства своенародности многихъ изъ этихъ словъ были указаны въ статьѣ г. Науменка. Ошибка проф. Флоринскаго въ этомъ отношеніи зависитъ вѣроятно оттого, что при изученіи имъ разныхъ славянскихъ языковъ, очередь еще не пришла на малорусское нарѣчіе, не смотря на то, что въ Кіевѣ, среди малорусскаго населенія, за 18 лѣтъ къ этому могло представиться довольно много удобствъ. Другую категорію словъ, будто заимствованныхъ изъ польскаго языка, составляютъ слова нѣмецкаго происхожденія, вошедшія и въ современную народную рѣчь и въ литературу минувшихъ столѣтій, какъ напримѣръ: штука, коштъ, друкарня, рахунокъ, решта, фарба, грунтъ, наперъ и т. п.; почему эти слова отмѣчены какъ польскія, для насъ не понятно; но, мы во всякомъ случаѣ, констатируемъ, что слова эти существуютъ какъ въ народной рѣчи, такъ и существовали въ западно-русской литературѣ XVII столѣтія. Наконецъ, въ спискѣ проф. Флоринскаго помѣчены многочисленныя слова латинскія, вошедшія во всѣ европейскія литературы, и въ томъ числѣ получившія право гражданства и въ русскомъ литературномъ языкѣ, какъ напримѣръ: институція, культурные интересы, эмиграція, публикація, еволюція, функція, аргументъ, интегральный и т. д. Вообще, предвзятая мысль проф. Флоринскаго о полонизаціи галицкаго литературнаго языка до того увлекла его, что онъ записываетъ въ полонизмы и чисто русскія слова, какъ напримѣръ: урядникъ, запасъ.

Мы привели эти примѣры единственно съ цѣлью указать, что укоры автора, направленные къ порицанію галицкаго ли-

тературнаго языка, основаны болѣе на субъективномъ впечатлѣніи самого автора, чѣмъ на строго продуманныхъ лингвистическихъ основахъ, вслѣдствіе чего они возбуждаютъ недоумѣніе даже среди не спеціалистовъ-филологовъ. Но допустимъ, что лексическая выкладка проф. Флоринскаго была сдѣлана нѣсколько неудачно, вслѣдствіе спѣшности газетной работы. Сущность этихъ упрековъ сводится къ тому, что галицкіе литераторы, стараясь дать литературную обработку своему нарѣчію, прибѣгаютъ для выраженія понятій болѣе высокой культурной жизни или къ образованію новыхъ словъ, или къ заимствованію ихъ изъ другихъ литературъ; да это положеніе совершенно вѣрно: при развитіи любой литературы, пріемы эти неизбѣжны;—намъ кажется, что чрезъ эту стадію развитія проходили всѣ европейскія литературы; нѣтъ, полагаю, ни одной славянской литературы, которая бы при своемъ возрожденіи не прибѣгала какъ къ образованію новыхъ словъ, такъ и къ ихъ заимствованію; причемъ въ однихъ, какъ напримѣръ, въ чешской, преобладаетъ первый методъ, въ другихъ, въ томъ числѣ въ русской, второй; этимъ и объясняется такое литературное явленіе, какъ существованіе изданія, озаглавленнаго „100,000 иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ“. Это крупное заимствованіе не только не можетъ быть поставлено въ укоръ русской литературѣ, но, напротивъ, возбуждаетъ чувство благодарности у всѣхъ пользующихся этою литературою, за возможность высказать вполнѣ точно свои мысли, благодаря усилившемуся, вслѣдствіе заимствованій, количественному матеріалу языка. Намъ только кажется нѣсколько страннымъ, если предъявляютъ къ другой литературѣ такія требованія пуризма, которыя считаютъ не обязательными для собственной литературы.

Конечно, какъ при образованіи новыхъ словъ, такъ и при заимствованіи ихъ, могутъ произойти ошибки, неудачныя попытки и т. п., но въ этомъ мы большой бѣды не видимъ: всякая попытка ввести въ языкъ неудачно придуманное слово, противное его духу, окажется несостоятельною; слово не привьется, не получитъ хода въ литературѣ и будетъ забыто; за то удач-

ными нововведеніями литературный языкъ обогатится и получитъ нужное для своихъ потребностей развитіе. Всякій искренній трудъ сопряженъ съ возможностью ошибаться—errare humanum est—но изъ-за неизбѣжныхъ ошибокъ нельзя порицать весь трудъ вообще, если на то не имѣется предвзятаго намѣренія.

Кромѣ сѣтованій на искуственность языка въ галицкихъ изданіяхъ, проф. Флоринскій считаетъ особымъ преступленіемъ со стороны галицкихъ литераторовъ то обстоятельство, что они употребляютъ, такъ называемое, фонетическое правописаніе; причемъ, вмѣсто критики пригодности или правильности этого правописанія, чего мы въ правѣ были ожидать отъ спеціалиста по славяновѣдѣнію, онъ высказываетъ лишь свое личное подозрѣніе, что правописаніе это введено исключительно для того, чтобы „съ внѣшней стороны дѣлать малорусскую книгу возможно болѣе непохожей на общерусскую". Мы сомнѣваемся въ справедливости высказаннаго подозрѣнія, но спорить о немъ не будемъ, такъ-какъ оно относится къ области болѣе сердцевѣденія, чѣмъ науки. Вообще-же по дѣлу правописанія, сѣтованія на фонетику намъ кажутся странными: всѣ вѣдь европейскіе народы употребляютъ фонетическій, а не графическій методъ правописанія, т. е. изображаютъ знаками письма произносимые звуки, а не понятія, подобно египетскимъ іероглифамъ, письму китайцевъ или древнихъ мексиканцевъ. Если разъ принято изображать знаками звуки, то правописаніе будетъ тѣмъ удобнѣе и логичнѣе, чѣмъ точнѣе сохранено будетъ соотвѣтствіе произносимыхъ звуковъ съ придуманными для нихъ знаками. Если придумано такое правописаніе, въ которомъ каждый звукъ изображается однимъ только начертаніемъ и каждое начертаніе изображаетъ только одинъ звукъ, то такое правописаніе можно считать образцовымъ; такое правописаніе представляетъ то большое удобство, что при изученіи грамоты, избавляетъ учащихся отъ изученія всякихъ правилъ правописанія, на которыя въ иныхъ языкахъ затрачивается много времени и лишняго труда, такъ-какъ вся теорія правописанія сводится лишь къ единствен-

ному правилу: „изображай всякій звукъ соотвѣтственнымъ знакомъ". Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ литературахъ мы встрѣчаемъ значительныя отступленія въ смыслѣ, такъ называемаго, этимологическаго правописанія. Кажется, что отступленія эти, основанныя на рутинѣ, главнымъ образомъ, произошли отъ того, что, установивъ свое правописаніе въ извѣстное историческое время, пользующіеся имъ желали норму даннаго времени сохранить неизмѣнною, между тѣмъ какъ звуковой матеріалъ каждаго живого языка подвергался съ теченіемъ времени значительнымъ перемѣнамъ. Слѣдствіемъ такого консерватизма въ этимологическомъ правописаніи и являются языки, въ которыхъ изображаются звуковыя особенности не современнаго языка, а того-же языка давно минувшей старины, чему образцовые примѣры мы видимъ, напримѣръ на языкахъ англійскомъ и французскомъ.

Выходя изъ общаго желанія сохранить основной логическій принципъ фонетическаго правописанія, естественно возрождающіяся литературы стремятся къ тому, чтобы подогнать свое правописаніе къ звуковому составу своего языка; такія поправки произведены были въ XIX столѣтіи въ правописаніи языковъ чешскаго и сербскаго, причемъ въ послѣднемъ—Вуку Караджичу пришлось натолкнуться на весьма страстные протесты рутинеровъ; такую-же попытку мы видимъ у галичанъ. Правильно-ли придумано ихъ правописаніе и отвѣчаетъ-ли оно точно звуковому матеріалу языка, о томъ компетентное слово должны высказать филологи, путемъ критическаго разбора даннаго правописанія, не вводя въ споръ сторонихъ субъективныхъ подозрѣній, не относящихся къ спорному научному вопросу.

Вообще во второй половинѣ статьи проф. Флоринскаго мы находимъ довольно много того посторонняго не научнаго матеріала, который не отвѣчаетъ положенію, высказанному имъ въ началѣ статьи о спокойномъ и безпристрастномъ обсужденіи вопроса въ печати. Увлекаясь страстностью полемики, проф. Флоринскій, по примѣру публицистовъ 60-хъ годовъ, вводитъ въ свою статью соображенія не научнаго, но политическаго характера; такъ онъ утверждаетъ, что существованіе въ Гали-

ціи своей областной литературы можетъ „ослабить политическое могущество Россіи“, „вызвать паденіе образованности и ослабленіе политической мощи всего народа“, что для галицкихъ литераторовъ „ученые интересы занимаютъ едва-ли не послѣднее мѣсто, а на первомъ планѣ стоятъ извѣстныя политическія цѣли“ и т. п. Мы недоумѣваемъ, къ чему автору понадобились эти намеки въ спорѣ, касающемся исключительно филологіи и лингвистики, придающіе лишь его статьѣ не надлежащій оттѣнокъ. Вѣдь обязанности по отношенію къ государству одно дѣло, употребленіе-же въ разговорѣ и письмѣ любого говора или нарѣчія—совершенно другое; произноситъ-ли человѣкъ *ѣ* или *і*, *онъ* или *вінъ* и т. д., онъ можетъ совершенно исправно исполнять всѣ государственныя повинности, уважать предержащія власти, добросовѣстно исполнять возложенныя на него обязанности и трудиться на любомъ поприщѣ полезной дѣятельности. Государство управляется не филологами, а людьми, умудренными политическимъ опытомъ, которые требуютъ отъ гражданъ патріотизма и единодушія, а не однообразія внѣшнихъ и культурныхъ формъ быта. Если-бы на дѣло правящія власти смотрѣли съ точки зрѣнія проф. Флоринскаго, то давно, вѣроятно, былъ-бы учрежденъ особый департаментъ для руководства филологическими отношеніями страны, въ которомъ состояли-бы особые столы: прононса, правописанія, склоненій, синтаксиса и т. п., и лица, не исполняющія предписаній этого вѣдомства, подвергались-бы: внушеніямъ, штрафамъ, заключенію и другимъ невзгодамъ. Неужели такого порядка желалъ-бы авторъ? А вѣдь его намеки на мнимую политическую опасность, на „*невѣдомыя и темныя силы*“, какъ будто ведутъ по указанному пути.

Въ сужденіяхъ о галицкой литературѣ проф. Флоринскій держится не одного взгляда въ оцѣнкѣ фактовъ. Утверждая, что литература эта есть лишь пустая затѣя ничтожной кучки литераторовъ, онъ пытается даже свести статистику ея членовъ, но цифры его весьма разнообразны; въ одномъ мѣстѣ сказано, что весь контингентъ этой кучки состоитъ изъ 8—10 человѣкъ, въ другомъ уже передается цифра 10—15, въ третьемъ обозна-

чается цифрою 74. При такомъ колебаніи цифръ, мы въ правѣ думать, что всѣ онѣ произвольны и не основаны на точномъ вычисленіи; сомнѣніе это подтверждаютъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя самимъ проф. Флоринскимъ: такъ онъ указываетъ, что стремленіе къ областной литературѣ было перенесено въ Галицію лишь 30 лѣтъ назадъ, но сразу пустило здѣсь довольно глубокіе корни; затѣмъ авторъ передаетъ, что на нежелательномъ для него языкѣ въ Галиціи „печатаются учебники для низшихъ и среднихъ школъ, издаются газеты и журналы, появляются книги не только беллетристическаго, но и ученаго содержанія", что одно Товарищество имени Шевченка издало 80 томовъ научнаго содержанія (въ теченіе 7-ми лѣтъ). Намъ кажется, что такія явленія не мыслимы при существованіи лишь кучки лицъ не только въ числѣ 8—10 человѣкъ, но хотя-бы и въ количествѣ 74, если-бы дѣятельность ихъ не находила поддержки въ мѣстномъ обществѣ и его жизненныхъ потребностяхъ: книги вѣдь не могутъ издаваться, если онѣ не находятъ ни издателей, ни сбыта; очевидно то и другое имѣется въ Галиціи, если издательская дѣятельность не только не ослабѣваетъ, но постоянно усиливается.

Одна изъ главныхъ заботъ проф. Флоринскаго состоитъ въ томъ, чтобы галицкая литература не повліяла, какъ нежелательная пропаганда, на „нашихъ украинофиловъ"; въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ у него также нѣсколько противорѣчащія другъ другу показанія. Съ одной стороны, авторъ утверждаетъ, что число „нашихъ украинофиловъ" крайне незначительно, состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, что усилія галицкихъ литераторовъ находятъ очень слабые отклики и сочувствіе въ предѣлахъ Россіи, что „масса образованнаго общества южной Руси, не говоря уже о простомъ народѣ, остается равнодушной къ галицкому сепаратистическому движенію потому, что „изданія Товарищества имени Шевченка не имѣютъ доступа въ Россію и извѣстны очень немногимъ"; съ другой стороны, проф. Флоринскій указываетъ, что Общество им. Шевченка пользуется болѣе или менѣе значительными пожертвованіями изъ Россіи; онъ

даже собралъ поименныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ пожертвованіяхъ и утверждаетъ, что они были достаточны для основанія типографіи;—одно изъ этихъ пожертвованій онъ опредѣляетъ въ 45,000 [1]). Очевидно, что въ справкахъ автора есть нѣкоторый диссонансъ въ оцѣнкѣ статистическихъ цифръ сочувствія или не сочувствія въ южной Руси галицкой литературѣ; одно изъ двухъ:—или ей сочувствуетъ только нѣсколько десятковъ лицъ, и въ такомъ случаѣ, это явленіе настолько ничтожное, что едва-ли стоитъ обращать на него вниманіе, или цифра эта приведена произвольно, и тогда только понятны тѣ крупныя пожертвованія, о которыхъ говоритъ авторъ. Да не удивительно, что данныя проф. Флоринскаго въ этомъ отношеніи не точны и сбивчивы; въ одной изъ своихъ статей онъ заявляетъ, что за время своего пребыванія въ Кіевѣ онъ избѣгалъ сношеній съ „украинофилами“. Очень просто, что, въ такомъ случаѣ, вмѣсто точныхъ данныхъ онъ располагаетъ лишь гипотетическими произвольными цифрами, основанными на предвзятыхъ мнѣніяхъ: развѣ можно судить о большей или меньшей долѣ сочувствія къ извѣстному изданію потому лишь, что изданіе это не имѣетъ доступа къ лицамъ, желающимъ его

[1]) Въ параллель съ приведенными фактами проф. Флоринскій жалуется, что старорусская партія „не получаетъ ни откуда помощи“. Конечно, доходы партіи намъ не извѣстны, но, по нѣкоторымъ, проскользнувшимъ въ печати даннымъ, полагаемъ, что это утвержденіе не вполнѣ справедливо. Сочувствіе къ старорусской партіи довольно сильно въ нѣкоторыхъ сферахъ русскаго общества; такъ напримѣръ, мы встрѣчали въ отчетахъ разныхъ славянскихъ обществъ въ Россіи, свѣдѣнія о субсидіяхъ для изданій этой партіи; случалось намъ читать судебное разбирательство по дѣлу г-жи Ольги Грабаръ; мы встрѣчали газетныя статьи по поводу ликвидаціи земельнаго банка, заведеннаго старорусскою партіею и не избѣжавшаго краха, не смотря на весьма солидную помощь, оказанную со стороны. Но, можетъ быть эти газетныя свѣдѣнія и невѣрны; во всякомъ случаѣ, ничто и никто не препятствуетъ лицамъ, живущимъ въ Россіи, удѣлять въ пользу старорусской партіи субсидіи гораздо болѣе крупныя, чѣмъ тѣ, которыя, по свѣдѣніямъ проф. Флоринскаго, были сообщены народовой партіи „нашими украинофилами“.

читать? Но если проф. Флоринскій не ошибается въ своемъ наблюденіи, то для насъ непонятны его опасенія „пропаганды“: неужели стоитъ ее вести или опасаться ея вліянія по отношенію къ нѣсколькимъ десяткамъ лицъ?

Если оставимъ въ сторонѣ цифровыя данныя, то, во всякомъ случаѣ, передъ нами на лицо фактъ, что есть какая-то группа интеллигентныхъ лицъ, болѣе или менѣе численная ad libitum, какъ въ Галиціи, такъ и въ Россіи, которая не раздѣляетъ взглядовъ проф. Флоринскаго. Такъ-какъ въ этой группѣ числятся люди интеллигентные: писатели, беллетристы, профессора[1]) и т. п., то нужно бы опредѣлить причины, почему они заблуждаются? Но на вопросъ этотъ авторъ не даетъ конкретнаго отвѣта; онъ или относится высокомѣрно къ своимъ противникамъ, предполагая какую-то, присущую имъ, innatam malitiam, или заявляетъ, что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ „фанатизма и незнанія“. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ примѣнить къ своимъ противникамъ любой непріятный эпитетъ; но если всмотрѣться въ дѣло, то эпитеты эти не только сомнительны, но даже является вопросъ, къ которой изъ двухъ спорящихъ сторонъ слѣдуетъ ихъ примѣнить. Что такое фанатизмъ? Это предвзятое убѣжденіе, что данное лицо по данному вопросу обладаетъ абсолютною, непреложною, неоспоримою истиною, что всѣ, несогласные съ этою мнимо абсолютною истиною, дѣйствуютъ лишь по наущенію злого духа или по крайнему невѣжеству; что разсуждать съ ними нечего, но слѣдуетъ къ нимъ примѣнять лишь фактическія мѣропріятія, возможныя при данномъ культурномъ развитіи общества: нѣкогда—костеръ, теперь—административныя препоны и взысканія. Въ данномъ вопросѣ навряд-ли фанатизмомъ можно попрекнуть противниковъ мнѣнія проф. Флоринскаго, которые, заявляя свои убѣжденія, никогда не выдаютъ ихъ за абсолютную истину и желаютъ лишь свободной научной полемики и публичнаго обсужденія дѣла. О знаніи или незна-

[1]) Ем. и Ал. Огоновскіе, Смаль-Стоцкій, Грушевскій, Пулюй, Колесса, Студинскій.

ніи—конечно, вопросъ открытый; но, во всякомъ случаѣ, изъ предыдущаго явствуетъ, что почтенный авторъ изслѣдовалъ въ меньшей степени малорусское нарѣчіе, его этнографическіе памятники и минувшую литературу, чѣмъ его противники.

Говоря о галицкихъ литераторахъ народовцахъ, проф. Флоринскій постоянно примѣняетъ къ нимъ эпитетъ „сепаратисты". Къ значенію этого термина у нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ, мы прислушались давно и привыкли въ немъ видѣть своего рода „caveant consules"; но мы убѣждены, что авторъ не придаетъ ему того значенія и желаетъ обозначить лишь литературный, по его мнѣнію, нежелательный разладъ. Во всякомъ случаѣ, даже въ послѣднемъ значеніи, намъ кажется, что эпитетъ употребленъ авторомъ неправильно: сепаратизмъ есть выдѣленіе изъ общаго цѣлаго извѣстной его части, стремящейся къ самостоятельной жизни. Но о такомъ литературномъ сепаратизмѣ галицкой литературы не можетъ быть и рѣчи по той простой причинѣ, что общерусская литература никогда не распространялась на Галицкую Русь. Общерусскій литературный языкъ сталъ слагаться только со времени Петра Великаго въ началѣ XVIII столѣтія; но въ то время Галицкая Русь находилась подъ вліяніемъ польскаго господства, не принимала участія въ созданіи этого языка и не пользовалась имъ; затѣмъ, въ 1772 году она стала провинціею Австріи, подвергалась разнымъ пріемамъ германизаціи, но никогда не пользовалась общерусскою литературою; попытки нѣкоторыхъ галицкихъ дѣятелей привить ее въ половинѣ XIX столѣтія оказались несостоятельными потому, что сами дѣятели весьма слабо владѣли общерусскимъ языкомъ и имѣли довольно скудныя понятія о русской литературѣ. Между тѣмъ, германизація, а потомъ ополяченіе все болѣе и болѣе надвигались; единственнымъ спасеніемъ своей національности народовая партія сочла литературную выработку своего-же нарѣчія и усердно принялась за нее; при этомъ не было нужды сепарарировать себя отъ чего-бы то ни было, такъ-какъ *общаго* въ Галицкой Руси не было, возникла просто самостоятельная, а не сепаратистическая дѣятельность. Можетъ быть

она идетъ не въ унисонъ съ нѣкоторыми кабинетными теоріями возможнаго объединенія, но, во всякомъ случаѣ, сепаратизмомъ ее назвать нельзя, такъ-какъ ей не отъ чего было отдѣляться. Проф. Флоринскій высказываетъ при этомъ мысль, что общерусская литература могла-бы привиться въ Галиціи, если-бы были устранены препятствія, главнѣйшее изъ которыхъ представляетъ дѣятельность народной партіи; т. е. иными словами: все было-бы хорошо, если-бы не было людей несогласныхъ съ моимъ мнѣніемъ. Мы не беремся судить, что произошло бы, если-бы не существовало извѣстныхъ жизненныхъ фактовъ; во всякомъ случаѣ, разъ они существуютъ, то аргументъ автора является обоюдо-острымъ: народовцы Галицкіе могутъ точно также сказать, что развитіе ихъ литературы пошло-бы гораздо успѣшнѣе, если-бы часть галицкаго общества не стремилась къ насажденію литературы, не привившейся къ условіямъ страны. Но пререканія подобнаго рода намъ кажутся несущественными: передъ нами на лицо фактъ, что въ Галиціи существуютъ двѣ группы, желающія дать различное направленіе своей литературѣ. Споръ между ними будетъ рѣшенъ самою жизнью,—та партія, которая лучше поняла нужды своего народа, несомнѣнно восторжествуетъ, такъ-какъ она окажется вооруженною болѣе животворною мыслью и неминуемо привлечетъ къ себѣ симпатіи своего народа и воспользуется его поддержкою.

Обсуждая литературную дѣятельность галицкихъ народовцевъ и „нашихъ украинофиловъ“, проф. Флоринскій приписываетъ имъ много разъ, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо, чувства какой-то особенной ненависти и вражды „къ русскому государству“, „непріязненное и пренебрежительное отношеніе и враждебныя чувства къ русской литературѣ“ и т. п. Онъ настолько проникнутъ этимъ предубѣжденіемъ, что заканчиваетъ свой трудъ и какъ-бы дѣлаетъ общій изъ него выводъ слѣдующею тирадою: „извѣстные зарубежные земляки, таящіе въ себѣ подъ прикрытіемъ науки непонятную фанатическую ненависть къ Россіи, русскому языку и русской образованности“. Мы утверждаемъ, что это положеніе автора совершенно субъ-

ективно и произвольно. Если галицкіе литераторы отстаиваютъ право на существованіе ученой литературы на своемъ нарѣчіи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они относились враждебно къ русской литературѣ; напротивъ того, изъ свѣдѣній приводимыхъ самимъ авторомъ, мы усматриваемъ, что лица, не раздѣляющія его точки зрѣнія по данному вопросу, довольно много потрудились на пользу общерусской литературы; что то общество имени Шевченка, котораго дѣятельность ему кажется очень вредною, въ своихъ „Запискахъ" посвящаетъ значительную и притомъ лучшую часть своего изданія, обзору и пересказамъ содержанія ученыхъ сочиненій и изданій на общерусскомъ языкѣ"; что издающаяся во Львовѣ „Историческая библіотека" вся состоитъ изъ переводовъ сочиненій русскихъ историковъ: Костомарова, Иловайскаго, Дашкевича и др. Прибавимъ, что мы встрѣчали въ галицкой литературѣ переводы произведеній лучшихъ русскихъ беллетристовъ: Тургенева, Пушкина, Достоевскаго, гр. Толстого, Чехова, Гл. Успенскаго и др. Неужели желаніе знакомить свою публику съ произведеніями русской науки и культуры, свидѣтельствуетъ о ненависти къ этой культурѣ? Намъ кажется, что проф. Флоринскій просто ошибается, отождествляя свой личный взглядъ на данный вопросъ съ интересами русской культуры и, тѣмъ болѣе, русскаго государства вообще. Мы держимся нѣсколько иного взгляда на отношенія Россіи къ славянству, чѣмъ уважаемый авторъ. Въ виду могущества Россіи какъ государства и какъ средоточія большихъ культурныхъ силъ, мы всегда смотрѣли на нее, какъ на естественную покровительницу всѣхъ славянскихъ народностей, борющихся за сохраненіе своей національной самостоятельности съ иноземнымъ натискомъ: германскимъ, мадьярскимъ, турецкимъ и т. д.; подтвержденіе нашего взгляда мы находили во многихъ фактахъ политической и культурной исторіи разныхъ славянскихъ земель. Поддерживая своимъ вліяніемъ и помощью національныя стремленія славянъ, Россія имѣетъ въ виду удовлетвореніе своей высокой миссіи. Но не думаемъ, чтобы выполненіе ея было сопряжено съ желаніемъ предписать культурный путь

каждому народу, регулировать подробности его развитія и ставить шаблонныя рамки славянскому прогрессу; полагаемъ, что такая мелочность недостойна высокаго положенія Россіи и что отсутствіе этой мелочности и вызываетъ ту благодарность и братскую симпатію, которою одушевлены славянскіе народы по отношенію къ Россіи. Гармонію эту могутъ въ нѣкоторой мѣрѣ нарушить лишь тѣ попытки нѣкоторыхъ кружковъ русской интеллигенціи, которые желали-бы a priori предписать путь развитія той или другой группѣ славянъ; и въ этомъ, по отношенію къ Галичинѣ играетъ, какъ намъ кажется, отрицательную роль та группа русскихъ ученыхъ, которая желала-бы предписать галичанамъ a priori тотъ или иной путь развитія, не предоставивъ права выбора естественному теченію мѣстной жизни. Если проф. Флоринскій замѣтилъ у нѣкоторыхъ галицкихъ литераторовъ тонъ раздраженія и неудовольствія, то тонъ этотъ относился исключительно къ указанной группѣ русской интеллигенціи, но отнюдь не ко всей Россіи; напротивъ того, мы могли-бы процитировать отзывы благодарности по адресу Императорскаго Московскаго Общества и тѣхъ органовъ русской печати, которые не сочли нужнымъ налагать регламентацію на развитіе галицкой жизни. По нашему мнѣнію, эти органы русской культуры и представляютъ настоящее, болѣе широкое и толерантное отношеніе русскаго интеллигентнаго общества къ славянству и болѣе отвѣчаютъ плодотворной роли Россіи въ данномъ вопросѣ.

Остается намъ сказать еще нѣсколько словъ pro domo sua по поводу вопроса объ XI археологическомъ съѣздѣ, изъ-за котораго сыръ-боръ загорѣлся. Въ засѣданіяхъ московскаго предварительнаго комитета принято было по предложенію проф. Флоринскаго постановленіе, что на съѣздѣ будутъ допускаться рефераты на русскомъ языкѣ, а равно на южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ; но въ правилахъ съѣзда не было оговорено, имѣютъ-ли право доступа на съѣздъ нарѣчія русскаго языка. Товариство имени Шевченка и нѣкоторые галицкіе ученые, получивъ приглашенія на съѣздъ и экземпляры

правилъ съѣзда, направленные къ нимъ проф. Флоринскимъ, пришли въ недоумѣніе относительно языка своихъ рефератовъ и попросили разъясненія у Кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета. Замѣтивъ страстное отношеніе съ обѣихъ сторонъ къ данному вопросу, я предложилъ передать дѣло на обсужденіе центральнаго московскаго комитета, менѣе причастнаго къ областнымъ спорамъ и потому болѣе объективно относящагося къ данному вопросу и стоящаго болѣе всего на соображеніяхъ пользы русской науки и культурнаго вліянія Россіи на славянъ.

Московскій комитетъ призналъ возможнымъ допустить чтеніе рефератовъ на галицко-русскомъ языкѣ; но дальнѣйшія перипетіи спорнаго вопроса вышли изъ сферы научнаго обсужденія и перешли въ область административныхъ отношеній, которыя разсказаны въ статьѣ проф. Флоринскаго. По поводу хода этого дѣла, уважаемый авторъ помѣстилъ нѣсколько упрековъ, какъ полагаю, совершенно несправедливыхъ, по адресу какъ моему, въ качествѣ предсѣдателя кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета съѣзда, такъ и граф. Уваровой, какъ предсѣдателя московскаго предварительнаго комитета и всего съѣзда.

Проф. Флоринскій утверждаетъ, что запросъ въ предварительный комитетъ съѣзда былъ направленъ Товариствомъ имени Шевченка потому, что оно „разсчитывало на дѣятельную помощь предсѣдателя кіевскаго предварительнаго комитета, а черезъ него и на содѣйствіе предсѣдателя московскаго археологическаго общества“. На какомъ фактическомъ основаніи построено это утвержденіе автора, я не знаю,—мнѣ кажется, что оно относится къ области сердцевѣдѣнія. Фактически я могу положительно утверждать лишь слѣдующее: о запросѣ Товарищества им. Шевченка я ровно ничего не зналъ не только тогда, когда онъ составлялся во Львовѣ, но даже и тогда, когда онъ былъ полученъ въ Кіевѣ. По странному распоряженію судьбы, полученный отзывъ Товарищества имени Шевченка не былъ мнѣ показанъ какъ предсѣдателю предварительнаго комитета и безъ

моего вѣдома былъ препровожденъ къ непосредственному начальству,—я о немъ узналъ совершенно случайно, зайдя въ учрежденіе, въ которомъ онъ читался съ участіемъ лицъ, не входившихъ въ составъ комитета, и подвергался насмѣшкамъ и порицанію. Конечно, фактъ этотъ лишилъ меня возможности употребить зависѣвшія отъ меня усилія для того, чтобы предупредить или смягчить частными сношеніями угрожающій съѣзду непріятный инцидентъ. Я прекрасно понимаю, что послѣ даннаго случая мнѣ слѣдовало отказаться отъ званія предсѣдателя кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета, но я этого не сдѣлалъ лишь потому, что инцидентъ случился во время самаго большаго разгара приготовленій къ съѣзду, и отказъ вызвалъ-бы необходимость новыхъ выборовъ, сношеній по этому поводу съ Московскимъ предварительнымъ комитетомъ, передачу новому лицу начатыхъ работъ и завязанныхъ сношеній и остановку всѣхъ приготовленій на 1—2 мѣсяца, что несомнѣнно нанесло-бы значительный вредъ будущему съѣзду. Вслѣдствіе этого, дорожа интересами русской науки, я предпочелъ проглотить личное оскорбленіе. Теперь оказывается, что въ статьѣ проф. Флоринскаго на меня сваливается отвѣтственность за фактъ, происшедшій помимо моего вѣдома и въ тонѣ для меня лично оскорбительномъ. Да проститъ мнѣ авторъ цитату на нежелательномъ для него нарѣчіи,—я могъ-бы опредѣлить свою роль въ данномъ инцидентѣ лишь малороссійскою пословицею: „За мое жыто менежъ побыто“.—Странно, что проф. Флоринскій, жалуясь на невѣжливое будто поведеніе тов. им. *Ш.* и на не соблюденіе имъ должнаго, по его мнѣнію, этикета, игнорируетъ совершенно отсутствіе корректности лицъ, сочувствующихъ его направленію. Авторъ утверждаетъ, что Товарищество им. *Ш.* разсчитывало черезъ меня повліять на гр. Уварову,—это опять область ни на чемъ неосновательныхъ догадокъ. Всѣ лица, хотя нѣсколько знакомыя съ общественною и научною дѣятельностію гр. Уваровой, не могутъ игнорировать присущихъ ей качествъ: огромной энергіи, духа иниціативы и полной самостоятельности мнѣній,—ни о какомъ вліяніи и рѣчи быть не можетъ. Если я имѣлъ основанія, изло-

женныя выше (справедливыя или нѣтъ—это вопросъ) не соглашаться съ мнѣніемъ проф. Флоринскаго, то почему-же онъ не можетъ допустить, что такія-же основанія, а, можетъ, быть, и иныя, гораздо болѣе широкія, не могли сложиться и въ убѣжденіи гр. Уваровой? Наконецъ, является недоумѣніе, какимъ путемъ я могъ оказывать вліяніе на гр. Уварову: — конечно письмами или частными разговорами; но проф. Флоринскій не читалъ моей переписки и при частныхъ разговорахъ не присутствовалъ,—слѣдовательно, содержанія ихъ онъ не знаетъ. Такимъ образомъ, его утвержденіе является лишеннымъ фактическихъ основаній личнымъ подозрѣніемъ; высказывать-же въ печати непріятныя для другихъ лицъ голословныя гипотезы, по нашему мнѣнію, не составляетъ корректнаго пріема въ полемикѣ.—

Нѣтъ ничего болѣе нежелательнаго въ научной полемикѣ, какъ сводить дѣло на личные счеты; съ крайнимъ прискорбіемъ и лишь вынужденный встрѣченными въ статьѣ проф. Флоринскаго указаніями, я счелъ необходимымъ дать вышеизложенныя поясненія. Еще болѣе рѣзкій экскурсъ въ область личныхъ отношеній сдѣланъ авторомъ по поводу дѣятельности проф. Грушевскаго. Здѣсь передается вкратцѣ его біографія, затѣмъ свѣдѣнія о его энергіи, предпріимчивости, научной большой производительности, и всѣ эти качества ставятся ему въ вину, потому лишь, что его взгляды на развитіе галицкой литературы не согласны со взглядами проф. Флоринскаго. Авторъ настойчиво утверждаетъ, что, такъ-какъ проф. Грушевскій русскій подданный, магистръ и бывшій стипендіатъ Кіевскаго университета, то онъ долженъ-бы читать лекціи и писать научные труды на общерусскомъ языкѣ, и если онъ этого не дѣлаетъ, то виною тому являются „какія-то невѣдомыя и темныя силы“. По нашему мнѣнію, все это обвиненіе противъ проф. Грушевскаго является дѣйствительно „невѣдомымъ и темнымъ“. Состоя стипендіатомъ и магистрантомъ Кіевскаго университета, г. Грушевскій оправдалъ довѣріе факультета, издавъ два крупные историческіе труды на русскомъ языкѣ: „Очеркъ исторіи Кіевской земли“ и „Барское староство“ и болѣе десяти мелкихъ историческихъ монографій;

затѣмъ, переѣхавъ во Львовъ, онъ долженъ былъ преподавать на томъ языкѣ, на которомъ, по мѣстнымъ законамъ, преподаваніе должно происходить; если-же въ своей научной и литературной дѣятельности онъ сталъ на сторону народовцевъ, то это произошло, по нашему убѣжденію, не изъ мутнаго источника „темныхъ силъ“, а изъ трезваго взгляда на потребности и стремленія мѣстной жизни. Потому намъ кажутся излишними сѣтованія проф. Флоринскаго на то, что онъ, въ качествѣ члена историко-филологическаго факультета Университета св. Владиміра, „испытывалъ чувства душевной горечи и обиды“ отъ характера дѣятельности проф. Грушевскаго. Позволю себѣ замѣтить, что я не меньше проф. Флоринскаго дорожу честью и университета св. Владиміра, и его историко-филологическаго факультета, съ которыми я связанъ и воспитаніемъ и тридцатилѣтнею служебною дѣятельностью, и тѣмъ не менѣе расхожусь съ нимъ діаметрально во взглядахъ на дѣятельность проф. Грушевскаго. Однимъ изъ мотивовъ гордости нашего факультета я считаю тѣ факты, когда его воспитанники несутъ свѣточъ науки въ славянскія земли, какъ напримѣръ, г. П. Стретьковичъ въ Бѣлградѣ и г. Третякъ въ Краковѣ. Если такое-же положеніе во Львовѣ занялъ г. Грушевскій и обнаруживаетъ на своемъ посту должную энергію и трудолюбіе, то, въ такомъ случаѣ, приготовившій его факультетъ можетъ лишь радоваться, а не скорбѣть изъ-за спеціальныхъ филологическихъ взглядовъ.

Если, оставивъ въ сторонѣ мелочи и личныя отношенія, посмотримъ на общую постановку вопроса о допущеніи галицкаго языка на археологическомъ съѣздѣ, то для насъ становится непонятною аргументація проф. Флоринскаго: онъ искренно убѣжденъ въ абсолютной истинѣ своего взгляда, въ чемъ мы не сомнѣваемся, но намъ кажется, что всякое искреннее убѣжденіе стремится къ возможно широкому гласному обсужденію своихъ тезисовъ, а не къ лишенію права голоса своихъ противниковъ. Если уважаемый авторъ дѣйствительно глубоко убѣжденъ въ своихъ положеніяхъ, то, по нашему мнѣнію, онъ долженъ-бы стремиться къ допущенію галицкаго, по его мнѣнію, искуственнаго и эфе-

мернаго языка къ гласному обсужденію и посрамить его попытки научными доводами и аргументами; тогда и недоразумѣніе былобы порѣшено скорѣе, и истина возстановлена торжественнѣе. Всѣ-же мѣры, направленныя къ лишенію права голоса своихъ противниковъ, несомнѣнно, оставляютъ въ обществѣ впечатлѣніе сомнѣнія въ силѣ аргументовъ запрещающей стороны. Напрасно, полагаемъ, проф. Флоринскій ссылается на опасность пропаганды, на важное будто бы значеніе санкціи и оффиціальнаго признанія русскимъ ученымъ міромъ нежелательнаго для него языка. Вѣдь пропаганда публично обличенной нелѣпости никого не прельститъ, а любая санкція или признаніе не могутъ спасти завѣдомо искусственнаго направленія, точно также, какъ недопущеніе и препоны не могутъ задержать дѣйствительно жизненнаго развитія.

Разъ сойдя съ почвы научнаго обсужденія спорнаго вопроса на скользкій путь административныхъ мѣропріятій, допустивъ въ своей статьѣ эпитеты, которые читающая публика привыкла встрѣчать въ значеніи не научномъ (пропаганда, сепаратисты, темныя силы), проф. Флоринскій неминуемо долженъ былъ вызвать тѣ непріятные по его адресу эпитеты, на которые онъ жалуется въ своей статьѣ. Замѣтимъ отъ себя, что эпитеты эти, лицами знающими проф. Флоринскаго, должны быть признаны не только утрированными, но и несправедливыми. Мы, съ своей стороны, могли-бы упрекнуть почтеннаго автора лишь въ излишней страстности въ обсужденіи научнаго вопроса, которая по временамъ побудила его держаться не слишкомъ точно предѣловъ научной полемики и дѣлать экскурсы въ области чуждыя наукѣ.

В. Антоновичъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и юго-зап. краѣ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Въ началѣ 1840 года кіевскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ обратился къ начальству мѣстнаго учебнаго округа съ просьбою увѣдомить его, сколько именно платятъ за квартиры ученики гимназій и уѣздныхъ училищъ какъ въ г. Кіевѣ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ? На этотъ запросъ помощникъ попечителя дѣйств. ст. совѣтникъ В. Карлгофъ далъ такой отвѣтъ: „Окружное училищное начальство не вмѣшивается въ условія родителей съ содержателями пансіонеровъ и потому положительныхъ свѣдѣній о количествѣ платы учениками за квартиры въ дѣлахъ канцеляріи попечителя не находится. Мнѣ извѣстно, однако-жъ, частнымъ образомъ, что плата эта бываетъ очень различна, смотря по состоянію родителей учениковъ и по условіямъ, на какихъ они отдаютъ дѣтей, и составляетъ въ годъ отъ 70 до 300 руб. сер., а иногда и болѣе. Въ уѣздныхъ же городахъ и мѣстечкахъ она нерѣдко не превышаетъ 4-хъ руб. сер. въ мѣсяцъ. Равномѣрно многіе родители, вмѣсто денежной платы, вознаграждаютъ содержателей пансіоновъ опредѣленнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, по условію. Въ кіевской 2-й гимназіи всѣ ученическія квартиры раздѣлены на три разряда по количеству платы, именно: къ первому разряду принадлежатъ такія, за которыя платятъ отъ 200 до 300 руб. сер. въ годъ и болѣе; ко второму разряду—отъ 120 до 200 руб. въ годъ; къ третьему—отъ 70 до 120 руб. Къ сему разряду причисляются всѣ квартиры, за которыя платятъ и менѣе 70 руб. сер. въ годъ. Это раздѣленіе квар-

тиръ можно примѣнить и ко всѣмъ прочимъ учебнымъ заведеніямъ трехъ губерній кіевскаго учебнаго округа.—Число учениковъ, платящихъ за квартиры отъ 200 до 300 руб. и болѣе, весьма незначительно, такъ что въ среднемъ числѣ едва-ли можно полагать болѣе 10 человѣкъ на каждую гимназію, а въ дворянскихъ училищахъ и того менѣе. Гораздо большее ихъ число занимаетъ квартиры второго разряда, а еще большее и не менѣе двухъ третей всѣхъ учениковъ, платящихъ деньги за свое содержаніе, помѣщаются на квартирахъ третьяго разряда; въ числѣ сихъ послѣднихъ весьма многіе платятъ менѣе 70 рублей сер. въ годъ, особенно въ уѣздныхъ училищахъ.—Наконецъ, значительнѣйшая часть воспитанниковъ живутъ въ домахъ родственниковъ своихъ или родителей, и изъ нихъ весьма немногіе могли бы за содержаніе свое платить деньги.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ воспитанники весьма недостаточнаго состоянія, напримѣръ въ Житомірской и частію Каменецъ-подольской и Винницкой; въ другихъ—воспитанники съ бо́льшими средствами для жизни, напримѣръ, въ Ровенской и Немировской. Кіевская 2-я гимназія есть средняя въ этомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что это замѣчаніе измѣняемое и относится только къ настоящему времени. Вообще съ приблизительною достовѣрностью можно положить $^2/_5$ воспитанниковъ въ каждой гимназіи недостаточнаго состоянія до такой степени, что значительнѣйшая ихъ часть не можетъ пріобрѣсть книгъ для обученія за деньги».

Это документальное свидѣтельство можетъ служить краснорѣчивымъ опроверженіемъ обскурантныхъ толковъ, будто реформы императора Александра II, открывъ безпрепятственный доступъ къ образованію всѣмъ классамъ общества, тѣмъ самымъ породили школьный пролетаріатъ, а въ старое «доброе» время, когда гимназіи и дворянскія училища существовали спеціально для дѣтей привиллегированныхъ сословій (и при томъ, въ очень ограниченномъ числѣ и съ незначительнымъ штатомъ), бѣдняки въ школѣ были рѣдки. Въ дѣйствительности, какъ видимъ, было: несмотря на тогдашнюю дешевизну квартиръ и содержанія, несмотря на полное отсутсвіе въ то время платы за ученіе,—почти половина тогдашнихъ гимназистовъ затруднялась даже пріобрѣтеніемъ учебныхъ книгъ, которыя въ то время нужны были несравненно въ меньшемъ количествѣ, да и стоили дешевле.

Сообщилъ О. Л.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Ходатайство обывателей г. Владиміра-Волынска.* 1 сентября 1869 года 29 Владиміро-Волынскихъ купцовъ и мѣщанъ принесли Е. И. В. Великому князю Владиміру Александровичу „всеподданнѣйшее прошеніе", изъясняя, „что городъ Владиміръ-Волынскій издревле Русскій, имѣющій и теперь большое значеніе въ политическо-религіозномъ отношеніи по существующимъ въ немъ священнымъ Русскимъ древностямъ X и XII вѣковъ, основанный предкомъ Его Императорскаго Величества святымъ равноапостольнымъ Великимъ княземъ Владиміромъ, оный процвѣталъ торговлею и былъ богатъ; онъ распространялся въ былое время на весьма значительное во всѣ стороны разстояніе, и жители онаго были щастливы внутрѣ и обезпечены извнѣ; но, съ теченіемъ многихъ столѣтій со времени основанія онаго, жестокое иго татаръ, Литвы, наконецъ, Польши, подвергли городъ сей совершенному упадку. Въ царствованіе Императрицы Великой Екатерины Владиміръ возвращенъ въ 1794 году къ Россію, и мы несомнѣнно вѣримъ, что онъ не будетъ отъ нея уже оторванъ врагами"...

„Во имя Ангела, святого равноапостольнаго князя" просятъ они о принятіи того города подъ особое покровительство и исходатайствованіи провода „предположеннаго еще въ 1860 году шоссе по ближайшему существованію онаго въ Луцкѣ,... и оказать оному (Владиміру) разные выгоды учрежденіемъ ярмонокъ, пріемомъ строеній городскихъ жителей подъ застрахованіе казны или земства, *установленіемъ онаго губернскимъ городомъ*, назначеніемъ на квартированіе одного полка и подчинкою Православныхъ церквей и Еврейской молитвенной синогоги"...

Просителямъ указанъ путь ходатайства.

---

2) *Отношеніе судебныхъ учрежденій прежняго времени къ конокрадству.* Около тридцати лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ губернаторовъ юго-западнаго края доносилъ генералъ-губернатору, что, по его мнѣнію, дѣятельность мѣстной палаты уголовнаго и гражданскаго суда врядъ-ли можетъ почитаться удовлетворительною; въ подтвержденіе приводились примѣры.

Между прочимъ, удостовѣрялось, что, не такъ давно, палата съ крестьянъ, изловившихъ конокрада, присудила въ пользу потерпѣвшаго (другими словами—охотника до чужихъ лошадей)—380 рублей, не взирая на то, что преступникъ, казалось бы, достаточно изобличался присяжными показаніями двѣнадцати свидѣтелей.

3) *„Картіожная“ игра и „политическая злость“.* Въ 1848 г. г. городничій въ Брацлавѣ былъ весьма озабоченъ: два помѣщика—поляка, разговаривая съ третьимъ лицемъ по поводу какихъ-то карточныхъ споровъ съ г. исправникомъ, неоднократно возвышали голосъ, восклицая: „теперь наше время!“

Этого обстоятельства было достаточно для ихъ арестованія, «въ виду политической злости, наводящей сомнѣніе въ благонамѣренности».

Но разслѣдованіе не подтвердило первоначальныя, нѣсколько поспѣшныя, заключенія. Обнаружено только, что въ домѣ исправника происходитъ „картіожная игра“, а самое дѣло „пріобрѣтаетъ видъ картіожныхъ споровъ, съ чего произошло неугодованіе лицъ, представившихъ собою неблаговидный театръ всреди улицы“...

—

4) *Картежникъ, строгій къ самому себѣ.* 29 іюня 1859 г. въ г. Кіевѣ, къ частному приставу явился неизвѣстный ему человѣкъ, назвавшійся крѣпостнымъ помѣщика Яненка, съ запискою отъ пана, и просилъ наказать его 200 ударами розогъ.

Приставъ затруднился выполнить просьбу, такъ какъ фамилія помѣщика была ему неизвѣстна, а проситель сильно хмѣленъ, вслѣдствіе чего и оставленъ при участкѣ до вытрезвленія.

На утро задержанный, вполнѣ оправившись, чистосердечно объяснилъ чинамъ полиціи, что онъ дворянинъ М., студентъ университета, поданную вчера записку сочинилъ и писалъ самолично, послѣ сильнаго проигрыша, за который желалъ быть примѣрно наказаннымъ, дабы впредь было неповадно.

—

5) *Наказанный „переводчикъ“ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ.* Въ 1859 году изъ Австріи прибылъ въ Радзивилловъ еврей Козидой. Онъ чувствовалъ себя дурно и потребовалъ врачей, которымъ подъ величайшимъ секретомъ открылъ, что въ прямой кишкѣ у него скрыты кредитные билеты.

Не смотря на всѣ старанія, медикамъ не удавалось извлечь бумажки, и Козидой на рукахъ ихъ умеръ отъ волненія и страха.

Изъ трупа вынуто 26 фальшивыхъ сторублевокъ.

Оказалось, что Козидой былъ усерднымъ переводчикомъ и сбытчикомъ билетовъ, фабрикованныхъ въ Австріи, и къ способу, оказавшемуся для него, наконецъ, роковымъ, прибѣгалъ, вѣроятно, не разъ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры? О дѣятельности м. Петра Могилы на счетъ украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры доселѣ мало извѣстно. Львовскій типографъ Михаилъ Слезка въ изданной имъ въ 1642 году «Цвѣтной Тріоди» въ посвященіи м. Петру Могилѣ, восхваляя митрополита за то, что онъ реставрировалъ своимъ коштомъ церковь св. Софіи (Софійскій соборъ), говоритъ: «а что ся рекло о Софіи святой, то же речи можно и о св. чудотворной церкви монастыря Печерскаго, которую также преосвященство Ваше внутрь и не внутрь муромъ и деревомъ, поновилъ» [1]). Въ іюнѣ 1643 года, по просьбѣ м. Петра Могилы, отправленъ былъ изъ Москвы въ Печерскій монастырь московскій сусальникъ Якимъ Евтихіевъ, который жилъ постоянно въ Печерскомъ монастырѣ и, по его словамъ, сдѣлалъ кіевскому м. Петру Могилѣ «листового золота съ 10,000 листовъ, да двѣ иконы обложилъ басмою», возвратившись въ Москву въ 1644 году; но для какого храма онъ украшалъ золотомъ иконы,—съ точностью неизвѣстно [2]). По другимъ извѣстіямъ, Петръ Могила вызывалъ въ Кіевъ даже греческихъ живописцевъ, которые возстановили древнюю стѣнопись Спасской на Берестовѣ церкви [3]); но о работѣ ихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ тоже неизвѣстно.

Но есть другого рода свидѣтельства о томъ, что̀ сдѣлалъ м. Петръ Могила для великой лаврской церкви,—свидѣтельства косвенныя, которыя подтверждаютъ, разъясняютъ и дополняютъ собою свидѣтельства перваго рода. Мы имѣемъ здѣсь въ виду съ одной стороны гравированные виды великой лаврской церкви до м. Петра Могилы, при немъ и вскорѣ послѣ его смерти, а съ другой—недавно изданное описаніе великой лаврской церкви у архидіакона Павла Алеппскаго, 1653 года.

На гравированныхъ видахъ великой лаврской церкви при изданіяхъ Кіево-печерской лавры—«Учительномъ евангеліи» 1623 г. и „Главизнахъ поучительныхъ Агаѳита діакона“ 1628 г., великая лаврская

---

[1]) „Труды Кіевск. Дух. Академіи“, апрѣль, 1897 г., стр. 514.

[2]) Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. XII, Кіевъ, 1898 г., отд. I, стр. 17.

[3]) Мои „Историко-Топографическіе очерки древняго Кіева“. Кіевъ, 1897 г., стр. 73.

церковь изображена только съ двумя куполами, большимъ на срединѣ церкви и малымъ на Предтеченскомъ придѣлѣ и съ двумя контрфорсами по сторонамъ главной западной двери [1]).

Въ такомъ же видѣ, но съ прибавленіемъ внѣшнихъ пристроекъ и обозначеніемъ трехъ алтарныхъ полукружій, изображена великая лаврская церковь и на гравированномъ видѣ Кіева и Кіево-печерской лавры у Аѳ. Кальнофойскаго, 1638 года. Эти наружныя пристройки къ великой лаврской церкви перечисляются и изображаются на видѣ Кольнофойскаго въ такомъ порядкѣ: 31., „великая Успенская церковь лавры"; 32., „часовня ихъ милостей пановъ Ельцовъ" (т. е. древній Предтеченскій придѣлъ), приставленная къ сѣверо-западному углу великой лаврской церкви; 33., «часовня св. трехъ церковныхъ учителей Василія Великаго, Іоанна Богослова и Іоанна Златоустнаго», приставленная къ срединѣ сѣверной стѣны великой лаврской церкви; 34., „часовня св. Іоанна Богослова", приставленная къ сѣверо-восточному углу великой церкви, и, наконецъ,—35., „часовня архидіакона Стефана князей ихъ милостей Корецкихъ", приставленная къ юго-восточному углу той же церкви [2]).

Въ совершенно иномъ видѣ является великая лаврская церковь на гравированныхъ видахъ ея въ лаврскихъ изданіяхъ «Панагіаріонѣ» 1655 г. и «Пречестныи каноны и акаѳисты» 1677 года. На этихъ видахъ прежнія наружныя пристройки къ великой лаврской церкви представляются уже соединенными съ нею въ одинъ общій планъ, и на церкви съ ея придѣлами виднѣются уже не двѣ только главы, какъ прежде, а шесть главъ, кромѣ алтарныхъ полукружій главнаго алтаря, заслоненныхъ западнымъ фасадомъ церкви [3]). Съ большою подробностію и обстоятельностію описывается великая лаврская церковь въ этомъ самомъ видѣ у архидіакона Павла Алеппскаго въ 1653 году. У него перечисляются еще три купола на трехъ полукружіяхъ главнаго алтаря, такъ что всѣхъ куполовъ у него насчитывается девять, а изъ придѣловъ или прямо поименовываются, или же косвенно указываются, черезъ описаніе настѣнныхъ изображеній, слѣдующіе придѣлы: направо отъ главнаго алтаря—непоименован-

---

[1]) „Кіевская Старина", іюнь, 1886 г. стр. 302 и приложеніе.

[2]) „Древнѣйшій планъ г. Кіева 1638 г. изд. Б. И. Ханенко. Кіевъ 1896". табл. III и объяснительный текстъ къ ней.

[3]) «Кіев. Старина, іюль,—1886 г., приложеніе.

ный; налѣво—жертвенникъ во имя Предтечи; на сѣверной сторонѣ—придѣльная церковь Предтечи и алтарь св. архидіакона Стефана; на южной сторонѣ—алтари трехъ святителей и Іоанна Богослова; на хорахъ—придѣлы преп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ [1]).

Итакъ, между 1638 и 1653 гг. прежнія наружныя пристройки къ великой лаврской церкви вошли въ общій планъ расширенной присоединеніемъ ихъ великой лаврской церкви, надъ каждымъ придѣломъ написаны были свящ. изображенія, указывающія на то, чьему св. имени посвященъ извѣстный придѣлъ, и къ прежнимъ двумъ куполамъ вновь прибавлено 7 куполовъ. А все это нужно приписать м. Петру Могилѣ какъ потому, что типографъ Слезка прямо приписываетъ ему эту работу, какъ мы видѣли выше, такъ и потому, что послѣ Петра Могилы, во время козацкихъ войнъ, архимандриты Кіево-печерской лавры не столько думали объ украшеніи ея, сколько объ отысканіи надежнаго убѣжища себѣ, на случай непріятельскихъ опустошеній, въ какомъ-либо изъ великорусскихъ монастырей (напр. Брянскомъ Свинскомъ). Можно думать, что и внутреннее росписаніе стѣнъ великой лаврской церкви свящ. изображеніями, описываемое архидіакономъ Павломъ Алепискимъ, произведено тоже при м. Петрѣ Могилѣ, такъ-какъ немыслимо допустить, чтобы пробивка и надстройка семи новыхъ куполовъ въ храмѣ не сопровождалась и новымъ росписаніемъ его.

Въ заключеніе укажу на странное противорѣчіе въ показаніи мѣстоположенія придѣльныхъ пристроекъ къ великой лаврской церкви у Аѳ. Кольнофойскаго и у архидіакона Павла Алепискаго. Но это противорѣчіе устраняется, если мы будемъ разсматривать видъ великой лаврской церкви на планѣ Кальнофойскаго съ оборотной его стороны, и притомъ въ направленіи лишь косого разрѣза вида съ юго-востока на сѣверо-востокъ, между 32 и 33 №№ (т. е. съ общей точки зрѣнія составителя плана). Слѣдовательно, здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ частичнымъ извращеніемъ плана Кальнофойскаго у гравера.

Н. Петровъ.

---

[1]) «Путешествіе патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка», описанное сыномъ его архидіакономъ Павломъ Алепискимъ, въ переводѣ проф. Муркоса, вып. 2., Москва, 1897 г., стр., стр. 47—53.

Рождественскіе обычаи въ Угорской Руси. Нѣкто г. Радомскій помѣстилъ въ № 1 угорско-русской газеты «Недѣля» (Недиля) статью о рождественскихъ обычаяхъ въ Мараморошѣ, представляющихъ любопытныя особенности.

День наканунѣ Рождества народъ называетъ «святымъ-вечеромъ». Къ этому дню повсюду въ угро-русской околицѣ пекутъ одинъ большой хлѣбъ—«крачуникъ» и маленькіе хлѣбцы «бобальки»,—происхожденіе которыхъ авторъ относитъ ко временамъ патріархальнымъ, когда одно уважаемое лицо—патріархъ, было главою рода. Вотъ этотъ „крачуникъ" и пекли, будто-бы, для него въ знакъ его власти. Еще и теперь въ „крачуникъ" кладутъ цѣлую головку чеснока, чтобы глава семьи былъ «здоровъ и силенъ, какъ чеснокъ». „Бобальки" же пекутъ болѣе мелкими въ знакъ того, что таковую власть имѣетъ „челядь" по сравненію съ главою. «Крачуника» никто не смѣетъ начать помимо самого домохозяина; его надо держать до „Водощь" (Богоявленія).

Наканунѣ Рождества хозяйка варитъ 9 «стравъ». Это обыкновеніе,—по словамъ г. Радомскаго,—соблюдается въ память того, что предки русскаго народа приняли вѣру Христову въ IX столѣтіи (!). Гораздо вѣроятнѣе будетъ допустить другое толкованіе,—что это совершается въ память 9 ранъ Господнихъ (заимствованіе изъ римско-католическаго исповѣданія).

Передъ вечерею хозяинъ прежде всего даетъ корма «худобыни» изъ наилучшей «паши»—«щобы и скотына знала, що днесь Велыкій вечеръ», а затѣмъ вноситъ въ хату охапку соломы, сколько необходимо для того, чтобы застлать полъ (въ память того, что Христосъ въ яслѣхъ родился). На «крачуникъ» кладутъ горсть колосьевъ, чтобы Богъ далъ урожай и на будущій годъ.

Когда вечеря уже на столѣ, глава семьи еще не садится, но приноситъ топоръ и кладетъ его подъ столъ, а затѣмъ длинною цѣпью опутываетъ столъ и замыкаетъ ее. Этотъ оригинальный обычай, по разсказу одного старожила, возникъ будто-бы еще въ тѣ времена, когда предки наши жили, окруженные многочисленными внѣшними врагами;—тогда они на Рождество (а въ другое время ?) запирались извнутри. Въ память этого и опутывается столъ цѣпью. Замыкается же цѣпь для того, чтобы «пысокъ всякои звирюкы такъ бувъ видъ скотыны замкнутый».

Покончивъ съ вышеупомянутыми предварительными дѣйствіями, глава семьи разрѣзаетъ крачуникъ со словами: «Дай, Боже небесный,

абы-сме въ здоровлю и щастю и другое ще и много Риздвивъ дочекалы!» и съ обычной молитвой садится «вечерять». Послѣ вечери являются колядники.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ вечери кладутъ на «прыпичку» раскаленный уголь на различные сорта сѣмянъ (пшеницу, жито, овесъ, бобъ), который уголь лучше всего сотлѣетъ, подъ тѣмъ лежащія сѣмена дадутъ наилучшій урожай.

Послѣ вечери дивчата «на выданню» проворно выбѣгаютъ во дворъ и прислушиваются, не лаютъ-ли собаки въ той сторонѣ, гдѣ живетъ «любко-голубикъ»; если да,—дѣвушкѣ остается лишь радоваться, т. к. въ слѣдующія «мясныци» она станетъ подъ вѣнецъ.

Если въ первый день праздника, рано утромъ, зайдетъ къ комулибо такой человѣкъ, что не питаетъ къ нему добрыхъ чувствъ, то дивка старается переломить вслѣдъ за нимъ «ламаникъ» (продолговатый маленькій калачикъ,—спеціально пекутъ дивчата для этой цѣли), чтобы все то зло, которое онъ желаетъ этому дому, сбылось на немъ.

Изъ воспоминаній стараго полтавца. Въ № 3 «Днѣпровской Молвы» напечатаны любопытныя воспоминанія А. Конисскаго о воскресныхъ школахъ и народныхъ чтеніяхъ въ Полтавѣ, въ началѣ 1860-хъ годовъ. Исторія этихъ просвѣтительныхъ начинаній, оставившихъ благодарную память среди населенія Полтавы, еще не написана, и потому нельзя не придавать цѣны даже отрывочнымъ воспоминаніямъ объ этомъ предметѣ.

«Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ (говоритъ г. Конисскій) я жилъ въ Полтавѣ, небольшомъ въ то время и глухомъ губернскомъ городѣ. Невѣжество въ массѣ, особенно въ массѣ крѣпостного сословія, было полное. Между тѣмъ, приближалось уничтоженіе крѣпостного права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полученіе освобождаемыми крестьянами гражданскихъ правъ, сознательное пользованіе которыми невозможно для массы, темной и вполнѣ невѣжественной. Такимъ образомъ, самъ собою выступилъ вопросъ о безотлагательномъ и энергическомъ содѣйствіи народному просвѣщенію. Въ то время существовалъ въ Полтавѣ небольшой кружекъ молодыхъ людей изъ нѣкоторыхъ учителей мѣстной гимназіи, кадетскаго корпуса и женскаго института; къ нимъ примыкало и нѣсколько чиновниковъ. Этотъ-то кружокъ, по иниціа-

тивѣ А. И. Стронина, со свойственнымъ молодымъ убѣжденнымъ силамъ рвеніемъ, принялся прежде всего за открытіе воскресныхъ школъ. Первая такая школа для мальчиковъ была открыта въ 1858 г. при мужской гимназіи подъ руководствомъ Стронина. Преподавателями, кромѣ взрослыхъ, допускались и лучшіе гимназисты 6—7 кл. Въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ двухъ лѣтъ было открыто въ Полтавѣ еще три воскресныхъ школы для мужчинъ, двѣ для женщинъ, двѣ вечернія по субботамъ для дѣтей евреевъ и одна ежедневная вечерняя для мальчиковъ: всѣ эти школы всегда были переполнены учащимися.

Спустя немного времени по открытіи первой воскресной школы, мы не могли не замѣтить, что языкъ тѣхъ руководствъ, по которымъ шло обученіе, мало, а иногда и вовсе непонятенъ для нашихъ учениковъ: почти на каждомъ словѣ приходилось переводить и объяснять; на это уходило очень много дорогого времени, котораго въ нашемъ распоряженіи было всего два часа, отъ 10—12 ч. утра. Прежде чѣмъ обсудить и рѣшить, какъ помочь этой бѣдѣ, и не полагаясь на личныя наблюденія большинства преподавателей, педагогическій совѣтъ школы рѣшилъ провѣрить наблюденіе фактами. Спрошено было 140 учениковъ. Опросъ производился слѣдующимъ образомъ: каждому ученику была прочитана по книгѣ одна изъ басенъ Крылова и подходящая къ ней басня Гребенки, и онъ былъ спрошенъ, которую лучше понимаетъ? Отвѣтъ провѣрялся тутъ-же пересказами, и затѣмъ слѣдовалъ вопросъ: на какомъ изъ языковъ этихъ басенъ онъ желаетъ продолжать ученіе. За языкъ Гребенки высказалось 123 ученика. При такихъ условіяхъ педагогическій совѣтъ школы призналъ себя обязаннымъ позаботиться о соотвѣтственныхъ учебникахъ. Прежде всего Стронинъ передѣлалъ извѣстный учебникъ Золотова, который по одобреніи его педагогическимъ совѣтомъ и цензурою, былъ напечатанъ и введенъ въ школѣ. Затѣмъ мною были составлены и изданы на счетъ Елисаветы Ивановны Милорадовичъ «Українські прописі». Для чтенія приняты были «Оповідання Марка Вовчка», «Хата», повѣсти Квитки и «Кобзарь» Шевченка. По окончаніи года, намъ стало ясно, что то, что мы даемъ ученикамъ въ школѣ, не удовлетворяетъ возрастающей у нихъ потребности въ просвѣщеніи. Это и принудило насъ организовать библіотеку для чтенія школярами книгъ дома.

Школа и библіотека начали оказывать свое вліяніе и на неграмотныхъ: въ школу стали приходить люди пожилые, даже старики» прося „поучить ихъ чему-нибудь“. Но только такъ поучить, чтобы не надо было имъ „сыдить попличъ зъ молокососамы: бо якось воно ніяково, наче соромно“. Сперва явилась было мысль открыть школу исключительно для пожилыхъ, но потомъ мысль эту замѣнила другая: организовать народныя чтенія, которыя могли бы посѣщать всѣ желающіе. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе бывшаго тогда директора полтавской гимназіи А. С. Данилевскаго, друга Гоголя, и попечителя кіевскаго учебнаго округа Николая Ивановича Пирогова. Народныя чтенія открыты были въ большой залѣ новой гимназіи, происходили отъ 4—6 ч. пополудни по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, за плату по 3 копѣйки.

Въ чтеніяхъ, кромѣ меня, приняли участіе, какъ лекторы Н. И. Щетинская, Д. П. Пильчиковъ, А. И. Гарлинскій, А. И. Стронинъ и др.

Программа чтеній не стѣсняла насъ, нерѣдко читались стихотворенія, не бывшія еще въ печати. Обыкновенно чтеніе открывалось прочтеніемъ чего-либо изъ произведеній Шевченка, напр., „Тополя“, „Наймычка“, «Гамалія», „Псалмы Давыдовы“; затѣмъ популярно-научная бесѣда о физическихъ явленіяхъ природы, о какомъ-либо историческомъ событіи, о бытѣ и устройствѣ другихъ народовъ, объ устройствѣ полиціи въ другихъ государствахъ, особенно въ Англіи. Заканчивалось чтеніе какимъ-нибудь юмористическимъ разсказомъ, чаще всего извѣстнымъ предисловіемъ Гребенки къ его альманаху «Ластівка», или баснею Глѣбова «Горлыця и Горобець».

На одномъ изъ такихъ чтеній былъ прочитанъ первый актъ изъ оперетты Котляревскаго «Наталка-Полтавка» и вслѣдъ за нимъ послышались въ публикѣ такія слова: «отъ-бы було цикаво побачыть оце саме на театри!» Эта фраза и родила среди насъ мысль организовать народные спектакли. Въ Полтавѣ существовалъ тогда въ городскомъ саду большой деревянный театръ съ тремя ярусами ложъ. Не помню, кто былъ собственникомъ его, но завѣдывалъ имъ жившій въ гор. Харьковѣ г. Соколовъ. Когда получено было согласіе его на пользованіе театромъ для народныхъ спектаклей, организовавшійся кружокъ любителей рѣшилъ на праздникъ Пасхи, хорошо не помню— 1861 или 62 года, дать нѣсколько народныхъ спектаклей, поставивъ

«Наталку-Полтавку» Котляревскаго, «Шельменко, волостной писарь» и «Сватання» Квитки, а изъ русскихъ пьесъ «Бѣдность не порокъ» Островскаго. Цѣны на мѣста предназначалась отъ 1 руб. за ложу и до 10 коп. на галлереѣ. Роли были розданы, выучены, и пьеса срепетирована; но вдругъ, къ общему изумленію, полиціймейстеръ (кажется Геккетъ), а за нимъ и губернаторъ не дозволили печатать афишъ, мотивируя воспрещеніе низкими цѣнами на мѣста. Мы соглашались повысить цѣны до нормы, какую признаетъ подходящею губернаторъ, но и это не помогло. По общему полномочію, Лобода, Пильчиковъ и Щелканъ послали просьбу министру внутреннихъ дѣлъ. Только что вступившій въ управленіе министерствомъ П. А. Валуевъ уклонился отъ прямого отвѣта, а поручилъ губернатору убѣдить участниковъ въ спектакляхъ отказаться отъ этого несвоевременнаго предпріятія, такъ-какъ, молъ, народные спектакли не существуютъ еще и въ Англіи. На этомъ дѣло и кончилось. Вскорѣ наступили иныя времена»...

О собираніи народныхъ легендъ. Задавшись цѣлью издать въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ «Этнографічного Збірника» собраніе народныхъ легендъ, редакція упомянутаго „Збірника" обращается въ XII кн. пр. г. «Літературно-Наукового Вістника» съ просьбой ко всѣмъ, кто интересуется изслѣдованіемъ нашего народнаго творчества, помочь ей въ составленіи предполагаемаго собранія своими матеріалами, записанными изъ народныхъ устъ, или записывать таковые матеріалы и присылать ихъ въ «Наукове Товариство ім. Шевченка» (Львовъ, ул. Чарнецкого, 26). Планъ изданія будетъ слѣдующій:

I. *Библейскія легенды ветхаго завѣта.* Здѣсь важно обратить вниманіе на разсказы о сотвореніи міра, возмущеніи ангеловъ, грѣхѣ Адама, Адамовой смерти, о потопѣ, а также разсказы на тему, откуда что взялось? Есть-ли какіе-нибудь разсказы о патріархахъ, Моисеѣ, Самсонѣ? Разсказы о Давидѣ и Соломонѣ, Иліи, Даніилѣ и вообще о народѣ еврейскомъ и іудейской религіи (темы: евреи—самый давній народъ, избранный Богомъ и наказанный имъ; повѣрье, что евреи нуждаются зачѣмъ-то въ христіанской крови и т. д.)

II. *Библейскія легенды новаго завѣта.* Разсказы объ Іоакимѣ и Аннѣ, св. Маріи, Рождествѣ Іисуса Христа, трехъ царяхъ, Иродѣ,

бѣгствѣ въ Египетъ, хожденіи Іисуса съ Апостолами, мученіяхъ Христовыхъ, сошествіи во адъ, смерти Богородицы, объ апостолахъ,—въ особенности о Петрѣ и Павлѣ, объ Іудѣ Искаріотскомъ (о кровосмѣшеніи съ матерью), о Лазарѣ (убогомъ и четвородневномъ), о Маріи Магдалинѣ, Пилатѣ, сотникѣ Логгинѣ, прободившемъ ребра І. Христу и т. п.

III. *Легенды о святыхъ.* Разсказы о св. Николаѣ, Юріи, Алексѣѣ, Маріи Египетской, Варварѣ, о чудотворныхъ иконахъ и чудесахъ отъ нихъ, о св. крестѣ, откуда онъ взялся и какъ онъ найденъ, о кіевскихъ угодникахъ, пустынникахъ, мученикахъ, 7-ми братьяхъ спящихъ и т. п.

IV. *Легенды о еретикахъ (недовирцахъ) и чародѣяхъ (чаривныкахъ).* Этотъ отдѣлъ, донынѣ почти незатронутый собирателями, можетъ дать много новаго. Важно было бы имѣть разсказы о Симонѣ волхвѣ, еретикахъ (Арій, Пелагій), магахъ и чародѣяхъ (Евладій, Твардовскій), о паписсѣ Іоаннѣ и вообще разсказы о женщинѣ, переодѣтой мужчиной, женщинѣ-монахѣ (св. Маринъ), женщинѣ-священникѣ, женщинѣ-воинѣ, женщинѣ-папѣ, вѣчномъ жидѣ и т. д.

V. *Легенды о чудовищахъ и удивительныхъ явленіяхъ.* Разсказы о людяхъ съ однимъ глазомъ, съ песьими головами, съ головами на груди, о Гогѣ и Магогѣ, о Харіонахъ (подземные люди), Рахманахъ и т. п. Затѣмъ разсказы о звѣряхъ: однорогахъ, грифахъ, слонахъ, львахъ, орлахъ (ихъ привычки и чудесная сила), о морскихъ чудовищахъ (мелюзинахъ, китахъ), объ удивительныхъ растеніяхъ (откуда берется ладанъ), каменьяхъ (діамантъ, камень-самоцвѣтъ и т. д.), о чудесныхъ странахъ (мертвое море, кипучее море и т. д.)

VI. *Легенды о кончинѣ міра.* Разсказы объ антихристѣ, его появленіи, Иліи и Енохѣ, о волѣ Шороборѣ и рыбѣ Левіаѳанъ, о земномъ пожарѣ и страшномъ судѣ.

VII. *Легенды моралистическія и философскія.* Чудесныя наказанія за различные тяжкіе грѣхи; покаяніе грѣшника, убившаго отца и матерь; наказаніе скупому, не принявшему Бога въ видѣ нищаго; наказаніе вору, грабившему покойниковъ и церкви. Чудесныя дѣянія въ отвѣтъ на трудно разрѣшимые вопросы (что такое вѣчность?—пустынникъ ловитъ птицу 100 лѣтъ; какъ Богъ управляетъ міромъ?—пустынникъ ходитъ по свѣту съ ангеломъ); къ чему приводитъ гордость собственнымъ умомъ, святостью и т. п. (легенды о пустынникахъ, подвергавшихся искушенію). Чудесное открытіе преступленій:

подъ преступникомъ проваливается земля, къ тѣлу прирастаетъ воловья кожа, надѣтая для того, чтобы испугать; корабль, на которомъ онъ плыветъ, останавливается среди моря или долженъ погибнуть въ бурю, и преступника бросаютъ въ море; воины, стрѣляющіе въ церковь, лишаются зрѣнія, ума или погибаютъ отъ своихъ же выстрѣловъ, обращающихся на нихъ.

VIII. *Шутливыя легенды и сатиры на религіозныя темы.*

При каждой записи слѣдуетъ прибавлять: гдѣ, когда, кѣмъ и отъ кого записано. О болѣе интересныхъ разсказчикахъ, знающихъ много разсказовъ, желательно записать біографическія данныя, а въ особенности о томъ, отъ кого и какимъ образомъ они пріобрѣли свѣдѣнія о сообщаемыхъ предметахъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ 1633 руб. 33 коп., поступившей въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 1 тек. года), вновь пожертвовано изъ Ростова-на-Дону Н. Я. Ященкомъ — 5 рублей, которые и отправлены въ Полтавскую городскую управу.

Текущія извѣстія.

Концертъ львовскихъ ремесленниковъ въ память Т. Г. Шевченка. 24 января во Львовѣ, въ залѣ «Народного Дому» состоялся концертъ общества «рускихъ ремісників «Зоря». Залъ былъ роскошно декорированъ; на эстрадѣ устроена была могила съ крестомъ, обведеннымъ частоколомъ,—подобіе могилы Шевченка. Предсѣдатель общ. «Зоря» Нагирный въ краткой рѣчи упомянулъ объ идеалахъ Тарасовой музы. Затѣмъ, интересной новинкой было появленіе украинскаго лирныка (г. Губчака) въ сопровожденіи 12 дѣтей, въ украинскихъ костюмахъ. Дѣти проводили дѣда-лирныка до самой могилы, съ криками: «[illegible]усю, заграйте намъ»! Лирныкъ, расположившись у могилы, исполнилъ нѣсколько пѣсенъ. Вообще вечеръ прошелъ съ рѣдкимъ успѣхомъ. Къ сожалѣнію, прекрасное общее настроеніе нарушено было вконцѣ неумѣстными криками нѣсколькихъ представителей старо-русской партіи:

«pereat»! во время исполненія украинской національной пѣсни. («Руслан», ч. 19).

Львовскій магистратъ и память Шевченка. Мы уже сообщали о ходатайствѣ Товарищества ім. Шевченка во Львовѣ о разрѣшеніи назвать площадь, у которой находится зданіе Товарищества, площадью Шевченка и постановкѣ на этой площади памятника нашему поэту. [1]) Въ настоящее время, по сообщенію «Літерат.-Наукового Вістника», кн. II), означенное Товарищество получило на ходатайство свое отказъ на томъ основаніи, что львовскій магистратъ «уже почтилъ память Шевченка, назвавъ его именемъ улицу между ул. Зеленою и ул. Кохановского и кромѣ того, упомянутая площадь не пригодна (?) для постановки на ней памятника».

Памятникъ И. П. Котляревскому. Протопоповскій бульваръ, на которомъ будетъ поставленъ въ Полтавѣ памятникъ И. П. Котляревскому, предполагается расширить и привести въ лучшій видъ. Лицевая сторона памятника, достигающаго 11 аршинъ высоты съ цоколемъ, будетъ обращена къ Александровской улицѣ. («Южн. Кр.»).

Пожертвованія на памятникъ И. П. Котляревскому по 1 февраля с. г. достигли, по сообщенію Полтавской городской управы, 9174 р. 27 к.

Памяти П. А. Кулиша. Изъ письма А. М. Кулишъ отъ 16 янв. 1900 г. узнаемъ, что на-дняхъ присланъ на могилу П. А. Кулиша серебряный вѣнокъ изъ Австріи отъ галичанина, профессора королевскаго технологическаго института въ Прагѣ, извѣстнаго знатока физики, Пулюя, друга покойнаго Кулиша, съ надписью: «Памяти незабутного друга П. А. Куліша. Пулюй». Вдовѣ-же Кулиша отъ семьи профессора Пулюя, вмѣстѣ съ вѣнкомъ, прислана широкая красная лента съ золотою надписью «Ганні Барвінок»; вокругъ ленты золотая бахрома, а на лентѣ вышитъ золотомъ изящно букетъ цвѣтовъ. Вѣнокъ и лента очень изящной работы. («Южн. Кр.»).

---

[1]) 1899 г., кн. 3, стр. 150

Къ біографіи В. Н. Каразина. Въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго Общества прочитано было сообщеніе Д. П. Миллеромъ, въ которомъ онъ познакомилъ Общество съ кое-какими новыми данными, относящимися къ біографіи основателя Харьковскаго университета В. Н. Каразина. Въ 1834 г. опальный Каразинъ жилъ въ своемъ Кручикѣ и, отъ нечего дѣлать, издавалъ рукописный журналъ, предназначенный для сосѣдей и знакомыхъ. Въ одномъ изъ №№ этого журнала Каразинъ позволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній о распоряженіяхъ тогдашняго харьковскаго губернатора кн. П. И. Трубецкаго, которому и доставилъ этотъ №. Губернаторъ обидѣлся и черезъ полицію обязалъ Каразина «не утруждать начальство посторонними бумагами», угрожая, въ противномъ случаѣ, поступить съ нимъ «сообразно существующимъ постановленіямъ». («Южн. Кр.»).

Къ дѣятельности Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ. Въ засѣданіи 26 января тек. года въ Науковомъ Товар. ім. Шевченка, кромѣ прежнихъ «наукових комісий» (археограф., этнограф. и юридич.) по предложенію проф. Барвинскаго избрана еще *язикова комісия* (предсѣдатель профес. Ол. Колесса), которая имѣетъ въ виду заняться прежде всего словарными работами, какъ-то: составить словари для практическихъ потребностей, а затѣмъ подготовлять матеріалъ для полнаго украинско-русскаго словаря, а также и иными вопросами по исторіи языка. („Руслан“., ч. 28).

Дѣятельность Львовскаго общества «Просьвіта» за 1898 и 1899 г.г. Изъ отчета видно, что за послѣдніе два года означенное общ. издало, 200.000 экз. популярныхъ книжекъ, пріобрѣло 2081 нов. членовъ, такъ что со времени основанія и до конца 1899 г. Общ. имѣло 12.026 членовъ; за это время открыто народныхъ читалень 294 (а всѣхъ теперь 816). При читальняхъ обыкновенно находятся бакалейныя лавочки, ссудныя кассы и хлѣбные магазины. Въ нѣкоторыхъ читальняхъ «Просьвіти» устроены вечернія занятія для неграмотныхъ; прибавилось 5 новыхъ филій на провинціи, такъ что теперь всѣхъ филій общества 19. Библіотека общества состоитъ изъ 5541 назв. книгъ въ 6738 т. и кромѣ того имѣется особая библіотека им., нынѣ покойнаго, Фр. Ржегоржа, а также небольшой музей. Что касается матеріальнаго положенія,—

активъ равнялся (за 2 года) 283.728 гульд., а пассивъ—195.518 гульд. Какъ и въ прежніе годы, такъ и въ 1898 и 1899 г.г. Общество устраивало концертъ въ годовщину смерти Т. Г. Шевченка; кромѣ того въ 1899 г. впервые устроены были народные концерты съ рефератами. („Руслан" и „Дѣло").

Труппа соединеннаго товарищества малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго въ Кіевѣ. Съ 1 декабря пр. года и по 20 февраля наст., въ театрѣ Бергонье, давала спектакли лучшая малорусская труппа подъ управленіемъ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго. Въ труппѣ, кромѣ трехъ талантливыхъ артистовъ, братьевъ Тобилевичей—Карпенка-Карого, Садовскаго и Саксаганскаго, принимали участіе слѣд. лица: изъ женскаго персонала—г-жи Базилевская, Линицкая, Россина, Суслова, Тобилевичъ, Шевченко и др.; изъ мужскаго—гг. Васильковскій, Вороный, Дзбановскій, Кремневъ, Мова, Пискунъ, Чичорскій и др. Въ теченіе всего сезона поставлены были слѣдующія пьесы *И. К. Карпенка-Карого*: Батькова казка, Бондаривна, Лыха искра поле спалыть—сама счезне, Наймычка, Розумный и дурень и Чумаки—по *одному* разу; Бурлака, По-надъ Днипромъ, Сто тысячъ—по *два* раза; Безталанна, Мартынъ Боруля, Палывода XVIII ст.—*три* раза; Сава Чалый (новая пьеса)—*четыре* раза.

Изъ пьесъ *М. Л. Кропивницкаго* поставлены были: Дви семьи, Лымеривна, Невольныкъ, Олеся, Писни въ лыцяхъ—по *одному* разу; По ревызіи—*два* раза; Вій—*пять* разъ.

Изъ пьесъ *М. П. Старицкаго*: За двома зайцамы, Круты та не перекручуй, Не такъ склалось, якъ ждалось,—по *одному* разу; Ничъ пидъ Ивана Купайла, Ой не ходы Грыцю, Чорноморци, Якъ ковбаса та чарка—по *два* раза; Зимовый вечиръ и Сорочынскій ярмарокъ—*три* раза; Богданъ Хмельныцькій и Цыганка Аза—*четыре* раза. Кромѣ того, по *одному* разу поставлены были: Назаръ Стодоля, Сватання на Гончаривци, Гуцулы (Корженіовскаго), Шельменко-деньщикъ, Суженого конемъ не обійдешъ; по *два* раза: Запорожець за Дунаемъ, Жыдивка-выхрестка (Тогобочнаго), Нещасне кохання (Манька); *три* раза—Наталка-Полтавка, Згуба (новая пьеса П. Мырного) и Кумъ-Мирошныкъ (Дмитренка), и, наконецъ, *четыре* раза Катерына (новая пьеса А—са) и Вечерныци (Нищенскаго).

Труппа пользовалась все время вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ.

Малорусская труппа въ С.-Петербургѣ. (*Корреспонденція изъ С.-Петербурга*). Гостящее у насъ съ Рождественскихъ святокъ и подвизающееся въ большомъ театрѣ «Акваріума» товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ О. З. Суслова внесло свою лепту въ кассу общества имени Т. Г. Шевченка, любезно согласившись дать въ пользу его спектакль.

Спектакль этотъ состоялся 31 января въ залѣ Кононова, при большомъ стеченіи публики, какъ всегда на малорусскихъ вечерахъ чрезвычайно оживленной [1]). Шли «Чорноморци» съ г-жами Зарницкой (Ивга), Чарновской (Кулына), Юльченко (Маруся) и г.г. Сусловымъ (Кабыця) и Левицкимъ (Цвиркунъ). Всѣ исполнители имѣли значительный успѣхъ, но особенно хороша была г-жа Зарницкая, доказавшая своей умной, веселой и бойкой игрой, что ей по плечу не только сильно драматическія роли (ея оффиціальное амплуа). Выгодному впечатлѣнію, производимому этой артисткой, много способствуютъ ея музыкальность и умѣнье обращаться со своимъ сильнымъ голосомъ, позволяющія ей успѣшно исполнять самыя трудныя аріи.

Послѣ спектакля состоялись танцы, а въ концѣ вечера молодежь, въ благодарность за отзывчивость на ея нужды, устроила шумныя оваціи распорядителю вечера, казначею общества П. П. Катериничу и артистамъ, съ г. Сусловымъ во главѣ.

Что касается обычныхъ спектаклей вышеназванной труппы, то они имѣютъ только средній успѣхъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что наличнаго въ столицѣ количества малороссовъ не достаточно для наполненія каждый вечеръ театральной залы, остальная же Петербургская публика и безъ того не знаетъ, какъ ей распредѣлить остатки сезона безъ ущерба для того или иного театра и увеселенія—ихъ же у насъ нѣсть числа. Къ тому же—надо сознаться—труппа г. Суслова, не смотря на присутствіе въ ней такихъ талантовъ, какъ г-жи Зарницкая, Чарновская и г. Левицкій, все же значительно слабѣе труппы Саксаганскаго и Садовскаго, равно какъ и труппы Кропивницкаго, о которыхъ Петербуржцы (даже не малороссы) и до сихъ поръ забыть не могутъ. Наконецъ, не мало мѣшаетъ болѣе значительному успѣху гостящей теперь труппы отдаленность «Акваріума» отъ центра города.

С. Н.

---

[1]) Чистый сборъ достигъ 460 рублей.

Малороссійскія пьесы М. Л. Кропивницкаго «Доки сонце зійде,— роса очи выйисть» и «Глытай, або-жъ павукъ», не шедшія около десяти лѣтъ на сценѣ, въ настоящее время разрѣшены театральной цензурой къ представленію. («Южн. Кр.»)

Лекціи профессора В. А. Мякотина въ Полтавѣ. Въ четвергъ 17 и пятницу 18 февраля, въ залѣ губернской земской управы, профессоръ В. А. Мякотинъ прочелъ двѣ публичныя лекціи на тему: «Реформы Петра Великаго въ Малороссіи». Сборъ съ лекцій поступилъ въ пользу Полтавской общественной библіотеки. (Полт. Губ. Вѣд.).

Украинская книжка въ переводѣ на молдаванскій языкъ. По сообщенію «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 28), въ Бессарабіи издана на счетъ земства, въ переводѣ на молдаванскій языкъ, книжка г. Чикаленка «Розмова про сельске хозяйство». Книжку эту земство разсылаетъ по сельскимъ школамъ. По поводу всего этого «Московскія Вѣдомости» выражаютъ свое негодованіе. Прибавимъ, что по словамъ «Вѣд. Од. Градонач.», происходившее 19 января с. г. въ Харьковѣ годовое собраніе членовъ Харьковскаго общества сельскаго хозяйства, по предложенію совѣта, постановило: премировать большой серебряной медалью изданныя Южно-Русскимъ обществомъ печатнаго дѣла двѣ брошюры г. Чикаленка «Розмова про сельске хозяйство»: 1) «Худоба: коні, скотына, свыни та вивцы» и 2) «Чорный паръ, плодозминъ и сіяна трава».

Некрологъ. Въ концѣ января скончался во Львовѣ талантливый молодой литературный дѣятель *Левъ Турбацкій*. Покойный сотрудничалъ въ газетахъ: «Нарід», «Буковина», «Дѣло», «Громадський Голосъ». Особенно много помѣщалъ онъ своихъ литературныхъ трудовъ (оригинальныхъ и переводныхъ) въ «Буковинѣ» и «Дѣлѣ».

Библіографія.

А. А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX вѣка). *Историческая справка. Москва, 1899 г.—in 4, 1—163.*

Въ своей интересной книгѣ г. Папковъ ярко рисуетъ передъ нами картину постепеннаго разрушенія древняго приходскаго начала въ Россіи.

Въ царствованіе Петра великаго приходъ является общественною всесословною и географически опредѣленною единицею; прихожане во главѣ съ церковнымъ старостою продолжаютъ безпрепятственно пользоваться древнимъ правомъ избранія священно-служителей (6 стр.). Но затѣмъ, запрещеніе духовенству имѣть собственность; сваливаніе всей тягости содержанія духовенства исключительно на бѣдныхъ, при крѣпостномъ правѣ, прихожанъ; обложеніе прихожанъ всякого рода повинностями въ пользу духовенства; насильственное навязываніе прихожанамъ общественной благотворительности безъ личнаго участія ихъ самихъ; стремленіе образовать изъ духовенства особое кастовое сословіе; приниженное состояніе духовенства (розги, разборы, повинности)—все это лишало духовенство прежняго его авторитета, унижало его въ глазахъ прихожанъ и тѣмъ самымъ подрывало крѣпкія до сихъ поръ основы приходскихъ общинъ (во главѣ прихода всегда стояло духовенство) (4—22).

Все дальнѣйшее содержаніе интересной книги г. Папкова посвящено детальному разсмотрѣнію и освѣщенію только что высказанныхъ имъ общихъ положеній. Для этого онъ очень внимательно разсматриваетъ отношеніе правительства къ приходу въ царствованіе Анны

Іоанновны, Елизаветы Петровны (23—52), Екатерины II (53—88), Павла, Александра I (88—126) и Николая I (127—163). Это подробное, тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе вопроса о положеніи прихода приводитъ г. Папкова къ печальному выводу, что столь необходимое для общественной жизни приходское начало постепенно падало и падало, и причиною этого паденія былъ не кто иной, какъ само правительство, издавшее цѣлый рядъ неудачныхъ законовъ.

Съ особеннымъ вниманіемъ и какъ бы даже съ грустью авторъ останавливается на печальной судьбѣ такъ сильно развившагося въ Малороссіи приходского начала, отмѣчаетъ фактъ постепеннаго его упадка подъ вліяніемъ стремленія къ искорененію какихъ бы то ни было отличій въ жизни вновь присоединенной Малороссіи и центра, говоритъ о попыткахъ борьбы со стороны малороссійскаго духовенства противъ этой нивеллировки и защиты своихъ исконныхъ правъ и преимуществъ (извѣстные пункты, присланные М—россійскимъ духовенствомъ и составляющіе дополненіе къ наказу Синода депутатамъ Екатерининской коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія) и о безплодности всѣхъ этихъ попытокъ (70—79). Вотъ собственныя слова г. Папкова: причиною разрушенія Малороссійскаго прихода является «изданіе неудачныхъ законовъ, при составленіи которыхъ было обращено слишкомъ большое вниманіе на цѣли узкоматеріальныя и упущено изъ виду то существенное соображеніе, что... духовно-нравственные интересы никогда не могутъ быть безнаказанно принесены въ жертву интересамъ матеріальнымъ... Подъ вліяніемъ этихъ неудачныхъ законовъ и вызванныхъ ими указовъ и предписаній, нарушилось въ Малороссіи общественное равновѣсіе и это равновѣсіе повлекло за собою разнузданность страстей среди лицъ, почувствовавшихъ себя у власти и въ фаворѣ», что дурно отозвалось на положеніи духовенства и приходовъ (76 стр.).

Для того, чтобы еще болѣе оттѣнить печальное положеніе великорусскихъ и малорусскихъ приходовъ, г. Папковъ довольно подробно знакомитъ читателя и съ блестящимъ положеніемъ, какого достигли подъ вліяніемъ покровительственнаго отношенія правительства инославные (католическіе, протестантскіе, реформатскіе...) приходы (80—88 стр.), (112—125), (149—158).

Въ царствованіе Николая I совершенно закончился процессъ постепеннаго упадка православнаго прихода: если въ правовомъ отношеніи приходъ еще и не потерялъ всего своего значенія, то, во вся-

комъ случаѣ, онъ сдѣлался „совершенно дряблымъ организмомъ", (111 стр.) и не было кому на практикѣ отстаивать и расширять это его значеніе (158 стр.).

Послѣ уничтоженія крѣпостного права и возобновленія братствъ (1864 г.) началось постепенное возрожденіе православныхъ приходовъ (163 стр.)—Таково содержаніе новой книжки г. Папкова. Мы смѣло рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ интересующихся судьбами православнаго прихода и духовенства.

В. Дурдуковскій.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1900 г.) Томъ I (до 1670 г). *С.-Петербургъ, 1899 г., in 8, стр. XXIII+536.*

Книга эта представляетъ не одинъ лишь спеціально-научный, археологическій интересъ. Она знаменуетъ крайне любопытный моментъ въ исторіи національнаго самосознанія лучшихъ представителей русскаго еврейства. Эта книга составлена не присяжными архивистами или историками, а кружкомъ любителей (исключительно евреевъ), входящихъ въ составъ историко-этнографической коммиссіи при „Обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи", и издана на средства того же Общества. Весьма интересна исторія возникновенія среди евреевъ самой идеи—составить такую книгу. По словамъ составителей, трудъ этотъ задуманъ былъ лѣтъ восемь назадъ, когда въ самосознаніи самыхъ руководителей русскаго еврейства царила смута и хаосъ идей—общеевропейскихъ, общерусскихъ, еврейскихъ, въ смѣшеніи съ отзвуками многоразличныхъ, лично пережитыхъ, ощущеній. „Объединенная однимъ лишь смутнымъ ощущеніемъ того, что надо что-то сдѣлать, что-то выяснить, эта группа лицъ, можно сказать, ощупью набрела на мысль о занятіи исторіей евреевъ, о приведеніи въ ясность ея первоисточниковъ. Скромная въ началѣ, задача мало-помалу разрасталась, цѣли множились, и въ результатѣ получилась организованная историческая работа, первымъ проявленіемъ которой является настоящая книга». Исчерпавъ важнѣйшія археографическія изданія, составители убѣдились, что вошедшія туда свѣдѣнія по исторіи евреевъ составляютъ лишь незначительную часть тѣхъ необозримыхъ

матеріаловъ, которые покоятся до сихъ поръ въ архивахъ и въ частныхъ рукахъ, и принялись за накопленіе своего архива, въ который постепенно стекаются неизданные документы, копируемые въ публичныхъ архивахъ и доставляемые въ оригиналахъ частными лицами. Весьма любопытно признаніе неофитовъ-археографовъ, какое впечатлѣніе вынесли они изъ непосредственнаго знакомства съ подлинными историческими матеріалами: «Изъ всѣхъ этихъ источниковъ (говорятъ они) хлынули на насъ факты, картины, идеи—новый богатый міръ родной старины постепенно раскрывался передъ нашими глазами. И что же? Чтеніе сухихъ документовъ, ознакомленіе съ вовсе неблестящими, неказистыми событіями, съ самыми повседневными явленіями, возъимѣло на насъ то же дѣйствіе, что для Антея прикосновеніе къ матери-землѣ. Прошедшее невольно сплелось съ настоящимъ, въ старомъ мы увидѣли новое, въ новомъ старое, и жизнь во всей своей яркости, многообразіи и жестковатой непосредственности охватила насъ со всѣхъ сторонъ; мы ушли по горло во всѣ ея мелочи и изгибы, но вышли оттуда—незадолго передъ тѣмъ еще хмурые и вялые—крѣпкими, ясными; а главное—мы обрѣли ту устойчивость, то довлѣніе себѣ, которое придаетъ жизни неисчерпаемую цѣнность и богатство. Снова заговорилъ разумъ, снова зацвѣли надежды»!

Просвѣтленные историческимъ самосознаніемъ, вожаки современнаго русскаго еврейства получили возможность точнѣе опредѣлить программу для своей дѣятельности. Ихъ задачей должна быть на первомъ планѣ — дѣятельность просвѣтительная, борьба на два фронта,—„и горе намъ, если мы забудемъ про тотъ фронтъ, который обращенъ въ сторону темныхъ силъ въ самомъ еврействѣ»... Изученіе жизни своего народа и сближеніе съ нею должно содѣйствовать ея развитію,—«но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы жизнь нашей народной группы была не замкнута со всѣхъ сторонъ, чтобы сама она двигалась свободно между другими группами, и чтобы внутри ея двигалась свободно отдѣльная личность—вотъ какія передъ нами рѣяли цѣли, вотъ чѣмъ питалось наше воодушевленіе при исполненіи этого труда! Изъ предшествующаго, думается намъ, совершенно ясно, какъ далека была отъ насъ при составленіи этого свода, всякаго рода апологетическая и реабилитаціонная тенденція. Эти пути нами рѣшительно отвергаются. Да и вообще приложеніе нравственныхъ мѣрокъ къ сложной, руководимой могучими факторами, жизни народной группы является попросту нелѣпой»..

Послѣднее замѣчаніе можетъ вызвать недоумѣніе. Не сказали-ли авторы этой фразой больше, чѣмъ хотѣли сказать? Безспорно, что оцѣнивать факты давно-прошедшей жизни по мѣркѣ современныхъ нравственныхъ требованій не справедливо; но считать нелѣпостью вообще нравственную ихъ оцѣнку—и не разумно, и опасно. Смѣшно было-бы, наприм., метать громы въ козаковъ временъ Хмельницкаго за то, что они безжалостно истребляли евреевъ, но и безнравственно было-бы восхищаться ихъ жестокостями на томъ основаніи, что-де «нелѣпо приложеніе нравственныхъ мѣрокъ къ сложной, руководимой могучими факторами, жизни народной группы». Во что-бы тогда обратились уроки исторіи! Точно такъ же не ясно и двусмысленно обращеніе составителей книги къ своимъ единоплеменникамъ, для которыхъ книга предназначена: «войдите въ лабиринтъ исторіи, ознакомьтесь со всею сложною жизнью нашего народа—и вы обрѣтете ту устойчивость и ту мѣрку жизни, которая является условіемъ и залогомъ свѣтлой и плодотворной дѣятельности». Намъ думается, что исторія въ состояніи дать болѣе опредѣлительные уроки.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію самой книги, мы должны признать, что она представляетъ добросовѣстно и съ большимъ трудолюбіемъ исполненный сводъ, интересный не для однихъ только евреевъ. Въ первой части ея приведены греческія (I—III вв.) и еврейскія (II—XVIII вв.) надписи; послѣднія почти исключительно заимствованы изъ надгробій крымскихъ кладбищъ. Признаемся, мы были удивлены, не найдя здѣсь ни одной надгробной надписи изъ древнихъ еврейскихъ кладбищъ южно-русскихъ. Намъ хорошо извѣстно, что на Волыни, наприм., и до сихъ поръ сохраняются очень древнія еврейскія могильныя плиты, и что извѣстный Фиркевичъ, въ бытность свою въ Луцкѣ въ должности мѣстнаго учителя, еще въ 1850-хъ г. занимался списываніемъ такихъ надгробій въ Луцкѣ, въ Острогѣ и др. мѣстахъ, при чемъ на еврейскомъ Луцкомъ кладбищѣ ему удалось отыскать надпись съ датой 1317 года. Точно такъ же въ Переяславѣ (полт. губ.) была отыскана еще болѣе древняя еврейская надпись, чуть ли не XIII в., описанная, помнится, у Пассека. Наконецъ, въ приложеніи къ II тому «Жизни князя А. М. Курбскаго на Волыни» приведены еврейскія надписи, отысканныя на кладбищѣ въ г. Ковлѣ. Но обо всѣхъ этихъ надписяхъ нѣтъ и упоминанія въ книгѣ, спеціально посвященной этому предмету.

Вторая часть книги заключаетъ *регесты*, т. е. краткія извлеченія (передача содержанія и существенныя выписки) изъ всевозможныхъ лѣтописныхъ документальныхъ, актовыхъ, книжныхъ и др. историческихъ матеріаловъ съ VI в. до Р Х. по 1670 г. Всѣ они относятся не къ исторіи еврейскаго народа вообще, а лишь исключительно къ исторіи евреевъ на территоріи нынѣшней Россіи. Изъ нихъ болѣе 900 регестъ заимствованы главнымъ образомъ изъ разныхъ археографическихъ изданій и притомъ исключительно русскихъ; польскія же и остзейскія оставлены пока въ сторонѣ, что-бы не задерживать выхода книги въ свѣтъ. Это выдѣленіе польскихъ археографическихъ изданій, по характеру совершенно однородныхъ съ изданіями южнорусскими и западно-русскими, нельзя признать раціональнымъ. Лучше было-бы, ограничиться для 1 тома меньшимъ періодомъ времени, но не разъединять однородныхъ матеріаловъ на томъ лишь основаніи, что одни изъ нихъ изданы польскими, а другіе—русскими учеными.

Вполнѣ-ли использованъ въ регестахъ весь матеріалъ, относящійся къ исторіи евреевъ,—объ этомъ можно было бы сказать опредѣлительно лишь послѣ тщательнаго пересмотра тѣхъ 212 источниковъ, которые поименованы въ началѣ книги. Но въ самомъ спискѣ этомъ легко замѣтить неполноту: здѣсь не нашли мы, наприм., описанія Украины Боплана, хотя есть путевыя записки Эриха Лясоты и дневникъ Патр. Гордана; «Бѣдствія временъ» Егошіи использованы, а не менѣе важная лѣтопись Натана Гановера о тѣхъ же событіяхъ пропущена; Вѣстникъ Ю.-З. и Зап. Россіи (Говорскаго) поименованъ въ числѣ источниковъ, а нашъ журналъ—нѣтъ. Правда, въ самой книгѣ есть извлеченіе изъ дневника Евлашевскаго, напечатаннаго въ «Кіевской Старинѣ», но въ нашемъ журналѣ за 18 лѣтъ его существованія было помѣщено много и другихъ матеріаловъ, касающихся исторіи евреевъ. Точно также опущенъ и журналъ «Основа». За то въ спискѣ источниковъ есть нѣсколько изданій, неизвѣстно почему туда попавшихъ, напр. «Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ Вил. архива», дважды поименованный въ числѣ источниковъ (№ 48 и 85). Вѣдь это простой перечень актовыхъ книгъ—не больше; такіе каталоги есть и въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, и въ Витебскомъ, и во всякомъ другомъ. Нѣкоторые источники названы неполно и неточно, наприм. № 133: «Опись актовой книги Кіев. центр. архива»; № 134: «Опись актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива. И. М. Каманинъ». Составителю списка, очевидно, не извѣстно,

что такихъ описей напечатано доселѣ очень много и каждая опись отличается отъ другихъ номеровъ той актовой книги (по каталогу), какая въ ней описана. Есть регесты, свидѣтельствующія и о томъ, что составители не всегда понимали текстъ стариннаго документа, что и не удивительно по отношенію къ людямъ мало опытнымъ; наприм. въ регестѣ 856 разсказывается, что когда могилевскій бурмистръ и мѣщане принялись бить евреевъ, совершавшихъ религіозные свои обряды надъ р. Днѣпромъ, то послѣдніе, „желая защитить себя отъ нападенія, предлагали внести залогъ въ суммѣ 10,000 злотыхъ на короля, 5,000 на п. подскарбія и 5,000 на маршалка литовскаго». Знакомому съ языкомъ и юридическими формами того времени вполнѣ ясно, что здѣсь идетъ дѣло не о какомъ-то залогѣ, а о «зарукѣ», или „закладѣ“, на нарушителей закона.

Впрочемъ, все это незначительные промахи, легко объяснимые новизною дѣла. Въ общемъ-же, повторяемъ, слѣдуетъ признать, что сборникъ составленъ весьма старательно и добросовѣстно, и нашъ журналъ, посвященный исторіи южно-русскаго края, на территоріи котораго евреи являются давними обитателями, можетъ лишь искренно привѣтствовать то новое—историографическое начинаніе передовой части русскаго еврейства, первымъ плодомъ котораго является настоящая книга. По справедливому замѣчанію ея составителей, «жизнь людей должна быть солидарна»; а ничто не содѣйствуетъ такъ развитію и укрѣпленію этой солидарности, какъ именно исторія. Это положеніе имѣетъ сугубую силу въ примѣненіи къ народностямъ, издавна живущимъ на одной территоріи.

О. Л.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1897 года по 1-е. октября 1898 года, подъ редакціей директора Коллегіи А. І. Степовича, Кіевъ, 1898, 46+278 стр.

То же съ 1 окт. 1898 г. по 1 окт. 1899 г. Кіевъ, 1899, стр. 100+254.

Нельзя не привѣтствовать обычая, установившагося, повидимому уже прочно въ Коллегіи,—опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе свои отчеты. Но «Ежегодникъ» Коллегіи заключаетъ въ себѣ не только отчетъ: здѣсь мы встрѣчаемъ работы преподавателей и бывшихъ вос-

питанниковъ; введенъ также отдѣлъ матеріаловъ для исторіи Коллегіи; предположено ввести печатаніе переводовъ съ иностранныхъ языковъ, сдѣланныхъ воспитанниками Коллегіи, по указанію, конечно, преподавателя. Одинъ такой переводъ объ Иванѣ Жижкѣ изъ книги Леже «Nouvelles études slaves» уже приготовленъ къ печати... Несомнѣнно, въ такомъ видѣ «Ежегодникъ» можетъ сдѣлаться органомъ «Коллегіи», объединяющимъ между собой какъ преподавателей, такъ и воспитанниковъ бывшихъ и настоящихъ; онъ будетъ всегда подогрѣвать интересъ къ своей alma mater. Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что одной изъ причинъ, почему такъ быстро рвутся связи между учебными заведеніями и его бывшими воспитанниками, является то обстоятельство, что воспитанники ничего не знаютъ и не имѣютъ возможности знать про учебное заведеніе, ихъ воспитавшее. Вѣдь время и отсутствіе сношеній рвутъ даже самыя близкія дружескія и родственныя связи!

Отчетъ о состояніи Коллегіи отличается своею обстоятельностью. Интересны въ немъ свѣдѣнія объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, хотя, къ сожалѣнію, отчетъ не избѣгъ обычнаго, мало симпатичнаго намъ тона нѣкотораго самохвальства, всегда доминирующаго, какъ извѣстно, въ отчетахъ учебныхъ заведеній: смотрите, молъ, мы какіе!.. Въ «Отчетѣ» Коллегіи это выражено, правда, слабѣе, а все-таки частенько, нужно сказать, прорывается... Въ одной изъ своихъ статей А. І. Степовичъ говоритъ: «въ изложеніи мы старались воздерживаться, по возможности, отъ собственныхъ выводовъ и заключеній и, рѣшившись говорить больше фактами, такъ сказать, отъ лица самихъ литературныхъ произведеній, хотѣли такимъ путемъ предоставить читателямъ извѣстную свободу и возможность собственныхъ соображеній по положенному предмету («О древне-русской беллетристикѣ»). Если это положеніе относительно статей для широкой публики и можетъ быть иногда оспариваемо, то для отчетовъ оно является, по нашему разумѣнію, conditio sine qua non...

Кромѣ свѣдѣній объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, мы находимъ свѣдѣнія о хозяйствѣ Коллегіи, о лицахъ, окончившихъ Коллегію, гдѣ каждый изъ нихъ въ настоящее время находится и т. д.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ двухъ разсматриваемыхъ нами выпускахъ «Ежегодника», на первомъ мѣстѣ отмѣтимъ тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ югу Россіи: «О древне-русской беллетристикѣ»

А. Степовича и „Этюды по психологіи художественнаго творчества. «Ревизоръ» Гоголя. Г. Александровскаго...

Относительно южно-русской беллетристики А. І. Степовичъ говоритъ: «Жизнь южно-русскаго населенія сложилась исторически такъ странно, такъ тревожно, что порывистость ея, отсутствіе прочно установленнаго государственнаго порядка въ странѣ, порождавшее такъ сказать, общественную нервность, происходившую отъ личной необезпеченности каждаго, исключали возможность правильнаго, строго послѣдовательнаго развитія, и самый прогрессъ ставили въ зависимость отъ безконечныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ случайностей почти безпрерывной войны, внутренней или внѣшней. Вѣчныя военныя столкновенія извнѣ, безпорядочность общественнаго строя и уклада извнутри, порождаемыя правовыми и вѣроисповѣдными неравенствами и притѣсненіями одной части населенія другою, если и не исключали возможности самобытнаго развитія хотя-бы, напр., народной поэзіи, то придавали всѣмъ общественнымъ стремленіямъ строгій характеръ практичности, насущности, пригодности для цѣлей, слишкомъ ужъ утилитарныхъ... И литература по тѣмъ-же причинамъ, отсутствовавшимъ въ сѣверной Руси,—здѣсь, въ южной, получила такой-же строгій утилитарный характеръ удовлетворенія злобѣ дня и, ставши церковно-политической, поплатилась за то отсутствіемъ художественности“ и т. д. Мы думаемъ, въ данномъ случаѣ почтенный А. І. Степовичъ измѣнилъ своему обѣщанію говорить только фактами, а измѣнилъ, вѣроятно, потому, что фактовъ-то имѣется у насъ пока слишкомъ мало, чтобы говорить ими. Относительно сѣверно-русской беллетристики статья А. І. Степовича содержитъ въ себѣ любопытную группировку фактовъ, хотя склонность автора къ славянофильству дѣлаетъ для насъ нѣсколько неясными замѣчанія его относительно значенія въ исторіи русской литературы петровскаго и послѣ-петровскаго періодовъ ея.

Статья г. Г. Александровскаго о „Ревизорѣ“ изслѣдуетъ интересный вопросъ, какимъ образомъ возникла безсмертная комедія Гоголя...

Кромѣ указанныхъ двухъ статей въ двухъ выпускахъ «Ежегодника» Коллегіи помѣщены: *А. Степовича*—«Первые вѣка сербской письменности» и «Очерки исторіи сербо-хорватской литературы»; *Г. Александровскаго*—«Н. А. Некрасовъ и его поэзія», «Жизнь и творчество А. С. Пушкина на югѣ Россіи» и «Отчетъ о педагогическихъ

курсахъ по русскому языку въ г. Константиноградѣ, Полтав. губ.»; затѣмъ статьи гг. Архимовича, Липскаго и Столярова по естественнымъ наукамъ и математикѣ.

Мы уже упоминали выше, что въ «Ежегодникахъ» печатаются и «Матеріалы для исторіи Коллегіи»; редакція обѣщаетъ «со временемъ помѣщать рядъ статей о болѣе замѣчательныхъ дѣятеляхъ старой Коллегіи»—И. Т. Экземплярскомъ, П. И. Житецкомъ и др. Въ лежащихъ предъ нами выпускахъ „Ежегодника“ помѣщены письма Ю. Ф. Самарина, М. Юзефовича, А. Воронова, Ив. С. Аксакова и перваго директора Коллегіи, В. В. Григорьева. Всѣ они такъ или иначе касаются Коллегіи и ея дѣлъ. Самаринъ не вѣрилъ въ возможность у насъ Коллегіи, „на манеръ англійскихъ“; Юзефовичъ стоялъ за исключительно университетскую Коллегію; Вороновъ совѣтуетъ Галагану смягчить предоставленную Коллегіи необязательность греческаго языка, чтобы министръ [графъ Толстой не смотрѣлъ на Коллегію съ неудовольствіемъ...

Печатаніе подобныхъ матеріаловъ, на нашъ взглядъ, является очень полезнымъ, и можно пожелать, чтобы отдѣлъ этотъ былъ расширенъ. Не будетъ большого грѣха со стороны Коллегіи, если она будетъ печатать матеріалы не только для исторіи Коллегіи, но и для характеристики ея учредителей и преподавателей. Кажется, впрочемъ, почтенный А. І. Стешовичъ, которому, если не ошибаемся, «Ежегодникъ» обязанъ своимъ возникновеніемъ,—и имѣетъ это въ виду.

Н. В.

Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. Т. І. (Томъ II «Збірника фільольогічної секціи Наукового Товариства ім. Шевченка). У Львові, 1899, 1—260, in 4°.

Еще въ 1897 г. Наукове Товариство ім. Шевченка постановило издать полное собраніе изслѣдованій покойнаго М. П. Драгоманова объ украинской народной словесности и литературѣ, имѣя въ виду сдѣлать болѣе доступными эти донынѣ, не устарѣвшіе, капитальныя труды, разбросанные по разнымъ журналамъ и написанные на различныхъ языкахъ. Осуществленіе этого плана Наукове Товариство поручило одному изъ ближайшихъ пріятелей покойнаго автора—Михаилу Павлику, которому и принадлежитъ трудъ собиранія, упорядоченія и

перевода произведеній, намѣченныхъ для предполагаемаго полнаго собранія, 1-й томъ котораго лежитъ передъ нами.

Полное собраніе сочиненій М. Драгоманова будетъ заключаться въ нѣсколькихъ томахъ; въ I и II томахъ помѣщены будутъ статьи, напечатанныя въ Россіи, а въ слѣдующихъ вышедшія заграницей. Не войдутъ только въ полное собраніе фольклорные матеріалы, изданные или самимъ Драгомановымъ, или сообща съ другими учеными, какъ-то: «Историческія пѣсни малорусскаго народа», «Політичні пісьні українського народу», «Нові українські пісьні про громадські справи» и «Малорусскія народныя преданья и разсказы».

Въ I-й томъ «Розвідок» вошли слѣдующія статьи: 1) Україна в ії словесности, стр. 1—47, изъ «Вѣстника Европы», 1870, іюнь, подп. „П. Т—евъ".

2) «Про доконечність досліду народньої словесности в прикарпатській Руси» стр. 48—49, — изъ «Записки Ю.-З. Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества, т. I, за 1873 г., стр. 35—38.

3) «Про науковий дослід руcько-українських народніх пословиць», стр. 48—52,—оттуда-же, «Протоколы», стр. 55—57.

4) «Промова про М. А. Максимовича, сказана на загальних зборах членів Півд.-Зах. Геогр. Тов. у Київі 18 ст. листопада 1873», стр. 53—61,—оттуда-же, стр. 68—77.

5) «М. А. Максимович. Его літературне й суспільне значіне» стр. 62—65 («Вѣстникъ Европы, 1874, мартъ, 441—453). Въ виду того, что означенная статья въ общемъ лишь въ незначительной степени разнится отъ предыдущей, составитель отмѣтилъ въ данной статьѣ лишь отличія отъ ней.

6) «Відгук лицарської поезії в руських народніх пісьнях.— Пісні про Королевича»,—стр. 66—87,—изъ Запис. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. т. II, за 1874 г. Вслѣдъ за этой статьей приведено резюме этой-же статьи, напечатанное въ томъ-же II томѣ Запис. Ю.-З. Отд.

7) «До питаня про сліди великоруського богатирського епоса на Україні (Лист до Ор. Ф. Мільлера)», стр. 88—94,—изъ «Древняя и Новая Россія», Спб. 1875, № 9. Статья эта въ только что цитированномъ изданіи снабжена значительнымъ количествомъ примѣчаній Ор. Миллера, которыя составителемъ умышленно выпущены въ виду того, что суть дѣла и безъ того ясна.

8) «Замітки про систематичне видане творів української народньої словесности», стр. 95—105, — предисловіе къ «Малорусскимъ народнымъ преданіямъ и разсказамъ».

9) «Учена експедиция в західньо-руську країну», стр. 103—127,—разборъ 7 томовъ «Трудовъ этнограф.-статист. экспедиціи въ зап.-русскій край, снаряженной Имп. Русс. Геогр. Общ. Ю.-Зап. Отд.—изъ «Вѣстника Европы", 1877, мартъ, стр. 85—109, подпись „М. Т—овъ".

10) «Матеріяли й уваги про українську народню словесність До читача.—I. Пісьня про здобутя Азова. II. Степан Разін—козак Гарасим. III. До справи про вертепну комедию на Україні. IV. Песиголовці в українській народній словесности,—стр. 128—155, — изъ «Кіевск. Старины», 1883, декабрь, 546—559, — подпись «М. Т—овъ».

11) «Корделія-замурза. Літературно-критичний уривок», стр. 156—173, — изъ «Вѣстника Европы», 1884, ноябрь, стр. 53—71,— подпись: К. В.

12) «Дві українські інтермедії початку XVII ст.», стр. 174—184,—изъ «Кіев. Стар.», 1883, декабрь, подп. «М. Т—овъ». Въ этой статьѣ составитель, пользовавшійся подлинникомъ, котораго лишь копію имѣлъ въ рукахъ Драгомановъ, дѣлаетъ во многихъ мѣстахъ основательныя поправки и дополненія.

13) «Найстарші руські драматичні сцени» —стр. 185—216,—изъ «Кіевской Старины», 1885, ноябрь, подпись—П. Кузьмичевскій. Переводъ произведенъ изъ экземпляра оттиска, присланнаго составителю давно, еще пок. авторомъ, гдѣ послѣдній сдѣлалъ нѣсколько исправленій. Объясненія нѣкоторыхъ словъ въ текстѣ Гавватовича, предназначенныя для журнала, какъ ненужныя и отчасти неправильныя—составитель опустилъ, прибавивъ нѣсколько своихъ замѣчаній, а также и д-ра Ів. Франка.

14) «Турецькі анекдоти в українській народній словесности», стр. 217—260,—изъ «Кіевской Старины», 1886, февр. и мартъ, подпись—П. Кузьмичевскій.

Таково содержаніе I тома предпринятаго Наукова. Товариствомъ новаго крупнаго цѣннаго изданія. Для насъ, живущихъ въ Россіи, I-й томъ, кромѣ того удобства, что всѣ разбросанныя повсюду работы здѣсь сведены во едино, не представляетъ такого цѣннаго пріобрѣтенія, какъ для галичанъ. Гораздо болѣе насъ привлекаютъ

обѣщанные томы, которые будутъ заключать статьи, помѣщенныя М. Драгомановымъ въ различныхъ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также въ отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ.

В. Д.

Обозрѣніе журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Вѣстникъ Европы, № 2; 2) Русская Мысль, №№ 1 и 2; 3) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, №№ 1 и 2; 4) Историческій Вѣстникъ, № 2; 5) Русская Старина, № 2; 6) Літературно-Науковий Вістник, №№ 1 и 2; 7) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 1; 8) Русская Школа, № 1; 9) Slovanský přehled, №№ 1 и 2; 10) Русскій Архивъ, № 2; 11) Русское Богатство, № 1; 12) Научное Обозрѣніе, №№ 1 и 2; 13) Восходъ, № 1; 14) Живописное Обозрѣніе, №№ 1 и 2.

Вѣстникъ Европы, № 1. Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе»: «*Т.* Біографическій очеркъ. Б. Гринченко, Черниговъ, 1899».

Г. Т., справедливо замѣтивъ, что въ настоящее время написать біографію Кулиша нелегко: «еще близки бытовыя условія, въ которыхъ должна была складываться эта дѣятельность, какъ съ другой стороны не легко разобраться въ сложныхъ психологическихъ мотивахъ этого характера, которые были причиной противорѣчій въ самомъ существѣ его взглядовъ», останавливается на нѣкоторыхъ утвержденіяхъ г. Гринченка о Кулишѣ, съ которыми онъ не согласенъ. Коснувшись личности Кулиша, г. Т. находитъ, что недостатокъ критики, у Кулиша развившійся тѣмъ болѣе, что ему недоставало настоящей научной школы, явился слѣдствіемъ того, что Кулишъ былъ романтикъ: «всегда въ порывахъ и увлеченіяхъ, которые овладѣвали имъ тѣмъ сильнѣе, что всегда, съ своихъ первыхъ успѣховъ, онъ былъ исполненъ крайняго самолюбія и нетерпимости». Онъ былъ человѣкъ чувства, вслѣдствіе чего терялъ мѣру и впадалъ въ ту или иную крайность. Въ исторіи обладалъ большими знаніями, но не былъ гарантированъ отъ пристрастія и преувеличенія въ виду отсутствія въ желательной степени исторической критики. Причина всѣхъ тѣхъ печальныхъ свойствъ, которыя особенно сказались къ концу дѣятель-

ности Кулиша, лежитъ «не только въ личномъ характерѣ, но и въ тѣхъ условіяхъ, которыя не давали мѣста свободному и ясному развитію общественной и исторической мысли. Но за Кулишомъ, при всѣхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, останется заслуга неустанной работы для историческаго знанія и для народной литературы, гдѣ, между прочимъ, онъ былъ и великимъ мастеромъ малорусской рѣчи».

Русская Мысль № 2. *Вл. Гиляровскій. Въ Гоголевщинѣ (стр. 121—130).*

Авторъ въ началѣ настоящаго года совершилъ поѣздку на мѣсто родины Н. В. Гоголя, въ Миргородскій уѣздъ. Здѣсь ему удалось узнать отъ оставшихся въ живыхъ современниковъ Гоголя—О. З. Королевой, В. Заики, о. Романа (девяностолѣтняго старца), нѣкоторыя любопытныя подробности о самомъ Гоголѣ и герояхъ его произведеній («Ревизора»). Ему удалось фактически установить годъ, число и мѣсто рожденія: 1809 г. 20 марта въ м. Сорочинцахъ (а не 19,—какъ полагаетъ г. Шенрокъ); онъ посѣтилъ тотъ домикъ, гдѣ родился писатель (домъ Трахимовскаго, близъ Преображенской церкви), который и по сію пору пору сохранился въ прежнемъ видѣ; узналъ нѣкоторыя подробности о вліяніи на Гоголя С. М. Аксюковой, хорошо говорившей по-малорусски, къ которой очень часто ѣздилъ Гоголь слушать «разсказы и преданія изъ старины малорусской, изъ гетманщины»,—«самъ-же Николай Васильевичъ по-малорусски говорилъ хуже, такъ онъ часто ѣздилъ поговорить съ ней». Кромѣ того, авторъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о Сорочинской Преображенской церкви, сооруженной гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ въ 1732 г., о драгоцѣнныхъ историческихъ памятникахъ и реликвіяхъ въ этой церкви и въ склепѣ подъ ней (гробъ гетмана съ его останками, металлическая доска съ эпитафіей генералу Лесли на трехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ и польскомъ); о подземномъ ходѣ изъ церкви къ подвалу, въ томъ именно дворѣ, гдѣ родился Гоголь, принадлежавшемъ также гетману Апостолу.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр. 47—48) данъ отзывъ о книгѣ «Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губерніи. Сост. П. Вороновъ. Изд. Воронежскаго губ. земства».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 1. Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" помѣщенъ отзывъ о 4 томѣ, вып. 2. „Исторія Россіи" Д. И. Иловайскаго («Эпоха Михаила Ѳеодоровича Романова»),—въ которомъ авторъ излагаетъ исторію козачества.

Въ отдѣлѣ «Современная Лѣтопись» помѣщенъ некрологъ Н. А. Лавровскаго съ приведеніемъ перечня сочиненій и статей покойнаго, немалое число которыхъ посвящено было исторіи Харьковскаго университета, Гимназіи высшихъ наукъ и Лицею кн. Безбородка, и др. вопросамъ.

То-же, № 2. Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" обширная рецензія (еще не оконченная) (стр. 367—399) В. Иконникова на трудъ С. Ѳ. Платонова. *Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.* (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время). Спб. 1899. XIII+665, съ 2-мя картами. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторые аналогичные факты въ современной (XVI в.) Зап. Россіи (напр. стр. 398,—процессъ закрѣпленія крестьянъ).

Въ отдѣлѣ «Книжныя новости» отмѣчены книги: «Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1898 г. по 1 октября 1899 г. Подъ редакціею директора коллегіи П. Галагана А. І. Степовича, Кіевъ, 1899», и «Площанскій, В. М. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII вѣка и другимъ источникамъ. Духовенство. А. Холмская епархія православной и б. уніатской церкви. І. 1428—1630. Вильна 1899 г.»

Историческій Вѣстникъ № 2. *Евгеній Шумигорскій. Департаментъ бумагъ* (стр. 743—747).

Авторъ возражаетъ противъ «проекта основаній архивной реформы», составленнаго г. Самоквасовымъ и доложеннаго имъ XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ въ докладѣ „Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи». По мнѣнію автора, осуществленіе идеи г. Самоквасова можетъ повлечь за собою окончательный разгромъ еще сохранившихся русскихъ историческихъ сокровищъ; созданіе же центральнаго государственнаго архива въ Россіи—практически невозможно и безцѣльно вообще.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» приведены сочувственные отзывы о книгахъ: «В. П. Гѣрленко. Украинскія были. Описанія и замѣтки. К. 1899» и „Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній И. Н Захарьина (Якунина). Спб. 1900· (впервые было помѣщ. на стр. „Русской Старины)“.

Русская Старина № 2. *В. Шенрокъ. Пушкинъ и Гоголь* (*стр. 383—392*).

Авторъ отмѣчаетъ сходныя черты въ литературной дѣятельности обоихъ великихъ писателей: художественный инстинктъ и стремленіе къ реализму; и тотъ, и другой «параллельно и по одинаковымъ дорогамъ, послѣдовательно и одновременно, совершали поворотъ въ сторону сближенія ихъ творчества съ дѣйствительною жизнью»... Остановившись вкратцѣ на личныхъ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя, авторъ заключаетъ статью свою пожеланіемъ, чтобы послѣднему, подобно Пушкину и Лермонтову, скорѣе была воздана «мѣдная хвала».

Н. К. Козминъ. Николай Полевой и его отношенія къ цензурѣ. (стр. 415—432). Авторъ приводитъ любопытные факты, касающіеся личности Н. Полевого, преимущественно какъ издателя «Московскаго Телеграфа». Особенно характерно отношеніе цензурн. комитета къ одной изъ статей С. Руссова, вызванной критическимъ разборомъ «Исторіи Малой Россіи» Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, помѣщеннымъ въ №№ 17 и 18 «Московскаго Телеграфа» 1830 г. и, какъ утверждаютъ, написаннымъ Полевымъ. Въ разборѣ между прочимъ говорилось, что «Малороссія, не сдѣлавшись донынѣ Русью, никогда не была частью древней Руси, точно такъ же, какъ Сибирь и Крымъ»: языкъ, одежда, обликъ лица, бытъ, жилище, мнѣнія, повѣрья, непріятное отношеніе къ «москалю» —свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Полевого, объ отчужденности этого народа отъ «насъ, чистыхъ руссовъ». С. Руссовъ, совершенно расходясь во взглядахъ съ Полевымъ, оспаривалъ его мнѣнія, изложенныя въ цитированной статьѣ и приводилъ выдержки изъ послѣдней. «Замѣчанія» Руссова вызвали недоумѣніе цензурнаго комитета. «Какъ антикритика»,—статья, по мнѣнію комитета, «изложена въ самомъ благопріятномъ духѣ»; но дозволить ее напечатать было затруднительно потому, что г. Руссовъ, оспаривая мнѣнія «Московскаго Телеграфа», приводитъ подлинными словами многія мѣста изъ опро-

вергаемой имъ статьи, и «мѣста сіи, не столько сами по себѣ, но и вся означенная статья, по духу своему, можетъ имѣть вредное вліяніе на умъ читателей многихъ областей, съ XVII вѣка возвращенныхъ Россіи. Авторъ утверждаетъ, что малороссіяне, бѣлорусцы, казаки (донскіе) и прочіе—не русскіе! Видитъ въ нихъ какую-то особенную народность и мѣстность и т. д.» Послѣ долгаго засѣданія, посвященнаго разрѣшенію возникшаго мудреннаго вопроса, комитетомъ постановлено было обратиться къ министру Ливену, отвѣтившему, что «въ виду желанія Руссова опровергнуть мѣста, несогласныя съ правилами о цензурѣ» и «показать несправедливость оныхъ», рукопись г. Руссова можетъ быть дозволена къ напечатанію.

Петербургъ въ 1831—1832 г.г. (По письмамъ провинціала.) (стр. 477—490), съ предисловіемъ В. Срезневскаго.

Помѣщены 7 писемъ И. Р. Росковшенка 1831—1832 годовъ къ его университетскому товарищу Измаилу Ив. Срезневскому, сначала въ Харьковъ, затѣмъ въ Екатеринославскую губ. Предпосланныя письмамъ біографическія данныя о корреспондентѣ представляютъ цѣнный матеріалъ для біографіи И. В. Росковшенка.

Літературно-Науковий Вістник № 1. *Евшан-зілле.* Поема Миколи Ворового (стр. 1—3). Поема основана на историческомъ преданіи.

Жидівська дитина. Новеля Наталї Кобринскої (стр. 4—17). Художественная картинка изъ жизни галицкихъ евреевъ.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 18—38). (Продолженіе слѣдуетъ).

Героемъ повѣсти является адвокатъ-идеалистъ, поселившійся въ одномъ изъ провинціальныхъ галицкихъ городовъ. Въ повѣсти, написанной съ присущей г. Франку талантливостью, ярко обрисованы типы мѣстной бюрократіи.

Вечерній сьвіт. Оповідання Бориса Грінченка (стр. 39—46).

Злодій. Різдвяне оповідане *Вячеслава Потапенка* (стр. 46—60).

Исторія о томъ, какъ выдающаяся въ селѣ личность, стоящая на стражѣ интересовъ своей громады, по происками темныхъ силъ теряетъ авторитетъ, превращается въ «злодія», пока наконецъ не опускается совершенно.

Чудо Пуран-Багата. Оповіданє Р. Кіплінга. З англійського переклала *Г. Альбова* (стр. 61—73).

Гріх. Сцени Данни Пшибишевської. З польского переклав Володимир Гнатюк (стр. 74—89).

Міщанин і селянин. Нарис із повісти Еміля Золя «Fécondité». З французького переклав Іван Франко (стр. 90—101).

Отрывокъ изъ послѣдняго романа Золя «Плодородіе».

Атта Троль. Сон літньої ночі. Поема Генріха Гайне. Переклала Леся Українка. (стр. 102—112). (Окончаніе слѣдуетъ). Переводъ сдѣланъ превосходно.

Наталія Кобринська. М. Грушевський (стр. 1—23).

Біографическій очеркъ и характеристика литературной дѣятельности выдающейся галицкой писательницы. Къ статьѣ приложенъ портретъ г-жи Кобрынской.

Жіноча доля в сучасній німецькій літературі. Е. Деген. (стр. 24—30).

Авторъ излагаетъ преимущественно взгляды Гауптмана на положеніе женщины.

Людові університети. Евген Косевич (стр. 31—53).

Изложивъ вкратцѣ исторію и дѣятельность народныхъ университетовъ въ Англіи, въ Даніи, а также въ Вѣнѣ, Прагѣ и имени Ад. Мицкевича въ Галиціи, авторъ развиваетъ планъ устройства подобнаго упомянутымъ народнаго университета для украинскаго населенія Галиціи, который (университетъ) находясь въ извѣстной зависимости отъ товарищества «Просьвіта», будетъ устраивать общедоступныя лекціи по селамъ, мѣстечкамъ и небольшимъ городамъ. Первоначальныя (незначительныя, пожалуй) средства для этого уже собраны.

Із чужих літератур. 1) *Нова повість Е. Золя* «Fecondité». 2) *Соті роковини уродин Генріха Гайне.* Іван Франко (стр. 54—58).

Малюнки Івана Труша. Іван Франко (стр. 59—63).

Критическая оцѣнка художественной дѣятельности талантливаго галицко-русскаго художника І. Труша, произведенія котораго обратили на себя вниманіе художниковъ и польской прессы на выставкѣ конца 1899 г. въ залахъ львовскаго Общества изящныхъ искусствъ.—По характеру живописи, г. Трушъ прекрасный пейзажистъ.

Хроніка і бібліографія. (Стр. 64—80). Въ отдѣлахъ: «Літературні вісти і уваги», «Нові книжки», «З газет і журналів», «Персоналія», «З науки і шутки», «Із суспільного життя»,—помѣщено много очень интереснаго матеріала изъ общественно-политической и литературно-культурной жизни Галиціи и Украины.

То-же № 2. *Наш альбом* (стр. 113—120). Стихотворенія: «Молитва» Куліша, «Гіпатія» Г. Комаровой, «Недбалість» Ф. Ганнусенка, «Із поэзій» С. В., «З днів журби,»—Марка В—а.

Образки з гуцульского життя (стр. 121—137). I. *Злодія зловили* II. *Раз мати родила!*

Картинки изъ сельской жизни.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 138—164). (Продолженіе).

Над усіх ненормальні. Оповідане Ол. Катренка (165—182).

Із оповідань Людвіка Тома. I. *Тверді голови.* II. *Смерть.* З німецького переклав В. Стефаник (стр. 183—188).

Із посмертних оповідань Гі де Мопасана. I. *Весняним вечером* (Par un soir de printemps). II. *Батько Мільон* (Le père Millon) III. *Коло пожершої* (La veillée). З французького переклала Марія Грушевська (стр. 189—203).

Атта Троль. Сон літньої ночі. Поема Генріха Гайне. Переклала Леся Українка (стр. 204—228). (Окончаніе).

Розвід в минувшости й теперешности. З поводу нового німецького кодекса. Подав П. Рондяк (стр. 81—107).

Статья о разводѣ, составленная преимущественно на основаніи статьи проф. Загоровскаго: «О разводѣ по общегерманскому уложенію», 1899 г.

Новини нашої літератури. I. Левицькый. Повисти и оповидання т. I, съ портретомъ автора. Спб. 1899. Обстоятельная рецензія *Л. Ч.* (стр. 108—118).

II. «Страшный ворогъ». Книжка про горилку. Написала М. Загирня. Выданне Б. Гринченка. № 45. Черниговъ, 1900. *Іван Липа* (стр. 118—124).

Резенція на интересную брошюру М. Загирнои о вредѣ алкоголя. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторые недочеты въ брошюрѣ,—съ точки зрѣнія медицины.

З росийської України. I. *Сумний стан теперішнього українського театру. Драматичні «твори» Сластина.* Гната Хоткевича (стр. 125—135).

Разборъ крайне слабыхъ драматическихъ писаній плодовитаго молодого драматура—Сластина.

Журнал і публіка. Ів. Франко (стр. 136—146).

Любопытная статистика степени распространенія въ Галиціи и за ея предѣлами журнала «Літературно-Науковий Вістник» въ 1898 и 1899 годахъ. Оказывается, что наибольшій процентъ подписчиковъ (около $^1/_3$) составляло духовенство, затѣмъ—народные учителя.

«Хроніка і бібліографія» (стр. 147—160) по обыкновенію даетъ очень много интереснаго матеріала изъ современной жизни.

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 1. *Протоколъ засѣданія физико-математическаго общества 28 января 1899 года.* Докладъ проф. *Н. А. Оболонскаго: Курганныя раскопки въ Херсонской губ.* (стр. 78—88). Объ этомъ см. Кіев. Стар. 1899 г., кн. 4, Археологическая лѣтопись, стр. 56.

Русская Школа № 1. Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" помѣщенъ сочувственный отзывъ о трудѣ В. Харламповича „Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII в. Отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань, 1898".

Slovanský přehled № 4 (1).

Dr. Ivan Franko. Leśa Ukrajinka (Леся Українка) (стр. 161—162). (Объ этомъ см. Кіев. Стар. 1900 г., кн. 2, стр. 120—121).

Růžena Iesenská: Z nove poesie rusinské. Leśa Ukrajinka (стр. 163—169). (См. тамъ-же).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 205) упоминается вкратцѣ о литературной полемикѣ въ Россіи по поводу малорусскаго языка о постановкѣ памятника Котляревскому въ Полтавѣ, о сборахъ на построеніе украинскаго театра во Львовѣ.

То-же № 5 (2).

Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprávy" (стр. 244—246) приводятся данныя статистики эмиграціи изъ Галиціи,—по преимуществу русиновъ; упоминается о результатахъ археологическаго съѣзда,— «неутѣшительныхъ, не малой причиной чему послужили старанія нѣкоторыхъ русскихъ участниковъ съѣзда не допустить малорусскій языкъ на съѣздѣ»; о крупныхъ партійныхъ перемѣнахъ въ Галиціи, народномъ съѣздѣ и выработанной имъ программѣ дѣйствій.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 2 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья *А. Л.* «*Начало года въ Малороссіи*» (Изъ народно-бытовой жизни).

Авторъ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми наиболѣе характерными обычаями, обрядами и повѣрьями, соединяемыми съ началомъ новаго года: щедрый вечиръ, щедривки, гаданья подъ новый годъ посыпанье, голодная кутя, Іордань.

—

Въ № 3 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья *А. Л.* «*Праздникъ Срѣтенія Господня въ Малороссіи*». Авторъ, указавъ на стремленіе народа къ олицетвореніямъ явленій природы, и къ освѣщенію всей бытовой обстановки высшими религіозными, христіанскими идеями, отмѣчаетъ наиболѣе характерные факты послѣдняго: «Стрічене» («зима зъ литомъ стрічаеться»), «Громницы», освященіе воды на Срѣтеніе и ея примѣненіе, какъ медицинскаго средства (отъ «прыстрита»).

—

Въ № 4 «Подольскихъ Епархіальн. Вѣдомостей» помѣщена статья *А. Т.* „*Церковно-приходская школа и католики—малороссы*".

Авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что среди болѣе чѣмъ двухмилліоннаго населенія Подоліи—православныхъ малороссовъ есть около 20 тыс. католиковъ-малороссовъ, у которыхъ и происхожденіе, и исторія, и языкъ общи,—разница лишь въ вѣроисповѣданіи. Они живутъ и теперь, какъ и прежде, общею жизнью, общими интересами, говорятъ на одномъ и томъ-же родномъ языкѣ.

—

Въ № 6 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» г. *Н. Я.* помѣстилъ некрологъ Николая Сильвестровича Гогоцкаго,—уроженца и дѣятеля Подоліи. Упоминается, что онъ «глубоко интересовался общеславянскимъ вопросомъ и дѣломъ православія заграницей и въ Холмской Руси». Изъ трудовъ его упоминаются между прочимъ: статья о народныхъ дѣятеляхъ въ Галиціи—«Святоюрцахъ» (Под. Еп. Вѣд. 1883, № 11), «Духовенство Подольской епархіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія» (въ 8 вып. «Трудовъ Подольск.

Епарх. [Ист.-Стат. Комитета»), «Замѣтка по поводу записокъ А. А. Солтановскаго («Кіевск. Стар.» 1895, кн. XI).

—

Въ 1—4 «Волынск. Епархіальн. Вѣдомостей» — продолженіе «Историко-статистическ. описанія церквей и приходовъ Волынской епархіи» (Ковельскій у.).

—

Въ №№ 63 и 64 пр. года «Полтавск. Губ. Вѣдомостей» помѣщена статья *Б. Бучневича «Матеріалы для исторіи соборной Успенской церкви въ г. Полтавѣ»*. Авторъ, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ старыхъ архивныхъ дѣлъ Полтавской городской полиціи за 1752—1753 годы, сообщаетъ интересныя и подробныя свѣдѣнія о постройкѣ соборной церкви въ Полтавѣ, начатой еще въ 1748 году.

—

Въ кн. 11 пр. г. «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» начатъ печатаньемъ трудъ *О. Б.* «Женщина въ малорусскихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ» (стр. 72—75).

—

Въ 26 вып. «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», Тифлисъ, 1899 г., стр. 156—157—помѣщенъ некрологъ Н. И. Гулака. Приведены точныя свѣдѣнія о его служебной дѣятельности.

—

Въ № 1—2 январскаго ежемѣсячнаго приложенія къ газетѣ «Жизнь и Искусство» помѣщена статья *А. Л—каю*, съ приведеніемъ біографическихъ данныхъ и оцѣнкой драматической дѣятельности извѣстнаго нашего драматурга и артиста Ивана Карповича Тобилевича (Карпенко-Карого).

Подобныя же статьи помѣщены въ № 3—4 февральскаго приложенія къ той же газетѣ: В. Мировця—посвященная Николаю Карповичу Тобилевичу (Садовскому) и С. Е—ова—Афанасію Карповичу Тобилевичу (Саксаганскому). Указанныя статьи заключаютъ въ себѣ очень цѣнныя данныя для исторіи развитія украинскаго театра. Ко всѣмъ тремъ статьямъ приложены портреты артистовъ.

—

Въ № 2 журнала «Slovanský přehled» помѣщенъ некрологъ безвременно угасшаго неутомимаго дѣятеля, Франтишка Ржегоржа, принадлежащій перу Адольфа Черны (Černy).

Кромѣ біографическихъ свѣдѣній, приводятся указанія, въ какихъ изданіяхъ и что помѣщалъ покойный о галицкихъ русинахъ.

—

«Літерат.-Науков. Вістник», кн. II, сообщаетъ, что съ начала текущаго года произошли нѣкоторыя перемѣны въ области галицко-русской журналистики. Журналъ «Будучність», выходившій два раза въ мѣсяцъ начиная со второй половины 1899 г., прекратилъ свое существованіе. На мѣсто его явилось два новыхъ: «Молода Україна» (о 1-мъ № см. предыдущ. кн. Кіевск. Стар., стр. 123—4), и «Воля» — органъ укр.-русскихъ соціалъ-демократовъ, двухнедѣльный. Популярный еженедѣльный журналъ «Свобода» началъ печататься фонетическимъ правописаніемъ; редакторомъ его состоитъ д-ръ О. Охримовичъ, бывшій редакторъ «Будучности». Также и американская «Свобода» начала печатать фельетоны фонетическимъ правописаніемъ. Фельетону предшествуетъ вступительная статья «Пишім фонетикою», въ которой поясняется, отчего нѣкоторые противъ нея и почему слѣдуетъ придерживаться этого правописанія.

Вышеприведенныя извѣстія пополняются любопыт. свѣдѣніями корреспонд. Сѣв. Кур.: «Во Львовѣ съ новаго года появились два новыя изданія, посвященныя интересамъ учащейся молодежи: польскій «Promień» и малорусскій «Молода Україна». Оба изданія, призванныя служить, главнымъ образомъ, цѣлямъ научнаго и общественнаго развитія молодежи, безъ различія пола, производятъ выгодное впечатлѣніе своимъ содержаніемъ, дешевизной и внѣшностью. Интересно въ нихъ и то, что въ обоихъ изданіяхъ нѣтъ и слѣда національнаго шовинизма, который за немногими исключеніями такъ характеренъ для галицкихъ дѣятелей печати. Молодые органы по-братски привѣтствуютъ другъ друга и горячо рекомендуютъ своимъ читателямъ: «познать все, чтобы все полюбить, и полюбивши работать неустанно, горячо, всей молодой силой, всю жизнь»,—вотъ девизъ, избранный обоими изданіями.

—

Въ №№ 22, 23 и 24 львовскаго журнала «Учитель» помѣщена статья Ант. Павенцкаго «Початок і розвій шкільництва на Руси».

Отмѣтивъ лѣтописныя указанія на существованіе школьнаго дѣла на Руси еще съ XI вѣка, авторъ останавливается на ставропигійскомъ братствѣ и его школѣ, указываетъ на значеніи послѣдней для

всей Юго-Западной Руси. Въ заключеніе, авторъ въ краткихъ словахъ говоритъ о положеніи школьнаго дѣла въ Галицкой Руси въ XVIII и XIX в.в.

—

Въ № 2 за 1899 г. журнала «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde» профес. берлинск. университета А. Брикнеръ помѣстилъ обзоръ этнографическихъ работъ у славянскихъ народовъ (кромѣ Россіи) подъ загл. „Slavische Volkskunde Übersicht periodischer Publikationen bei Böhmen, Bulgaren, Kleinrussen, Polen, Serbo-Kroaten, Slovaken, Slovenen". Изъ украинско-русскихъ изданій профес. Брикнеръ отмѣчаетъ съ большой похвалой 5 томовъ «Этнографічного Збірника», 1 томъ «Этнольогічних Матеріялів» и т. І. Франка «Апокріфи і легенди з українських рукописів».

—

Ор. Авдикович. Поэзия і проза. Львів, 1899. Накладом А. Хойнацького, стр. 158, in 8⁰. Ціна 80 кр. (Содержаніе: 1. Поэзия і проза. 2. Матвій Цьома. 3. З балю. 4. Химери. 5. Штири нові. 6. Імянини панни Зиновіи. 7. Проблеми).

Библіографическій указатель литературы о Кубанской области, Кубанскомъ козачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи. Отдѣлъ I. Археологія, нумизматика, археографія, исторія, историческіе планы и карты, біографіи, некрологи и правительственныя распоряженія. Отдѣлъ II. Географія, этнографія, статистика, естествознаніе и медицина. Составилъ Е. Д. Фелицынъ, при участіи В. С. Шамрая. Екатеринодаръ 1899 г., 1—119—217.

Бібліотека З крайцарова. Выпускъ I. Коломыя. Накладомъ печатнѣ М. И. Бѣлоуса, 1899, стр. 16, in 8⁰. (Содержаніе: 1. На тлѣ прозрачного неба,—картина 2. И за що,—розсказъ. 3. Тельеграма зъ перебутого,—всѣ три г. Демона (псевд.).

Hanns Weber-Lutkow. Schlummernde Seelen. Geschichten aus Kleinrussland. Linz und Leipzig. 1900, 1—109. Ц. 1 fl, 20 kr.

Винклеръ (фонъ), П. И. Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Россійской имперіи, внесенные въ полное собраніе законовъ съ 1649 по 1900 годъ. Спб. 1899 г. Ц. 10 р.

Словацький опришок Яношік в народній поэзиі. Подав *Володимир Гнатюк*. Львів, 1900, стр. 50, in 8⁰. (Відбитка з XXXI—II т. Записок).

Десять казок для діточок. Збірка з уст народа на Буковині. Чернівці, 1900, 1—40. Виданнє Товариства «Руска Школа», II.

Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. *И. Н. Захарьина* (Якунина). Спб. 1900 г., IV—IV, 1—146, in 16°.

Збірник математично-природописно-лікарської секциі Наукового Товариства імени Шевченка. Т. IV. Вип. II. Часть математична. Під редакцією Володимера Левицкого. У Львові, 1899. Ціна 50 кр. (Содержаніе: I. Володимер Левицкий: Причинок до теорні дробів тяглих групи модулової. II. Его же: Кілька уваг про форму інтерполяцийну Lagrange'a; Его же: Кліматичні відносини Тернополя. 4. Бібліогр. математическ.).

Лепкий. З життя. Збірка оповідань. Накладом українсько-руської видавничої Спілки. Львів, 1899. (ч. 12). (Содержаніе: 1. Поэзия. 2. Аванз. 3. Підписався. 4. Для брата. 5. Дідусь. 6. Небіщик. 7. Хлопка. 8. Скани).

Лихачевъ, Н. П. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Три части. Спбр, 1899 г. Ц. за три ч. съ атласомъ 60 р.

Людові університети. Відчит *Евгена Косевича.* Львів, 1900, ст. 23, in 8° (Відбитка з I кн. Л.-Н. Вістника).

Любка, или сватанье въ с. Рихмахъ. Опереттa въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина)». Кіевъ, 1900, 1—50.

В. П. Науменко. Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, 1—31.

Н. М. Донесеніе венеціанца Альберто Вимина о козакахъ и Б. Хмельницкомъ (1656 г.) (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, 1—14.

Національна бібліотека. ч. 2. Фр. Енгельс: Людвіг Фаербах. Переклад Будового. Накладом українсько-руської видавничої Спілки. 1899., Львівъ, ст. 62, in 8°. Ц. 25 кр.

Про останки первісного комунізму у Бойків-Верховинців у Скільскім і Долинськім судовім повіті. Подав. др. *В. Охримович.* Львів, 1900, стр. 16, in 8° (Одбитка з XXXI—II т. Записок).

Памятная книжка Волынской губ. на 1900 годъ. Подъ ред. Леонтьева. Житоміръ, 1900 г. Ц. 1 р. 30 к.

Пейверинтъ П.—Морозъ.—Переклавъ Гнатъ Галайда. № 6. Харьковъ, 1900 г., in 32°, стр. 1—16. Цина 2 к.

Ромзевичъ, Н. К. I. Правильное производство слова «человѣкъ». II. Замѣтка о словѣ «Русь» (Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ замѣтокъ»). Воронежъ, 1899, 1—16+6+1.

Романовъ Е. Р. Указатель къ неоффиціальной части «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» съ 1839 по 1898 годъ. Могилевъ-Губернскій, 1899.

Українські козаки въ 1625—30 рр. Критично-історичні розвідки *Стефана Рудницького*. Львів, 1900, ст. 76, in 8°. (Відбитка з XXXI—II т. Записок).

Симони Павелъ. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Вып. 1. Спб. 1899 г. Ц. 2 руб.

Синюк Іван. Образки з життя і природи. Чернівці, 1900, 1—48. Виданне Товариства «Руска Школа». I.

Словарь россійсько-український. Том четвертий. С—V. Зібрали і впорядкували М. Уманець і А. Спілка. Львів, 1900, 1—238 (з друкарні Наукового Товариства імени Шевченка).

Тутковскій П. Къ геологіи Луцкаго уѣзда, Волынской губ. (Оттискъ изъ «Ежегодника по геологіи и минералогіи Россіи», т. II, вып. 7). Варшава, 1899, in 4°, стр. 1—9.

Kontrakty Kijowskie. Szkic historyczno—obyczajowy (1798—1898). Skreślił Henrik Ułaszyn. Sptrb. 1900 r.

Успенскіе, М. Ив. и В. Ив. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Переводы изъ собранія И. В. Тюлина. Спб. 1900. Ц въ папкѣ 35 р.

Руский сьпіваник. Зібрав Кость *Федьків*. Другий наклад. Коштом товариства „Просьвіта". У Львові, 1900., ст. 198, in 8°. Ц. 4 кр.

Уілліям Шекспір. Приборкана гостроха. Комедия в 5 діях з передогрою. Переклад П. А. Куліша. Виданий з передмовою і поясненнями Др. Ів. Франка. Накладом українсько-руської видавничої Спілки. Львів, 1900, I—XV, 1—117.

Украинськи письни. Зъ нотамы. Зибравъ А. Конощенко. Одесса, 1900 г., 1—136, in 16°. Ц. 30 к.

Юбилейный Сборникъ въ честь Всеволода Ѳедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Подъ редакціей Н. А. Янчука. Москва, 1900, in folio, I—XXII, 1—368 (съ портретомъ юбиляра). Цѣна 3 рубля.

Археологическая лѣтопись.

Къ вопросу о программѣ Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ.

Мысль о необходимости устройства въ Кіевѣ музея, давно существовавшая среди мѣстнаго общества, получила наконецъ осуществленіе—у насъ есть музей. Въ этомъ отношеніи Кіевъ опоздалъ сравнительно съ нѣкоторыми другими городами, даже небольшими, какъ европейской, такъ и азіатской Россіи, гдѣ давно уже существуютъ областные музеи, носящіе тотъ или другой характеръ. Въ однихъ изъ нихъ, наряду съ собраніями культурно-историческими, получили мѣсто и коллекціи естественно-историческія, другимъ, такихъ большинство, приданъ характеръ хранилищъ почти исключительно памятниковъ старины—таковы музеи, устраиваемые при губернскихъ архивныхъ комиссіяхъ; есть наконецъ музеи, гдѣ преобладаетъ художественная сторона, укажемъ напр., на Саратовскій Радищевскій музей.

Областные музеи, собственно говоря, и должны заключать въ себѣ собранія по всѣмъ тремъ вышеуказаннымъ отдѣламъ, должны собирать все, что такъ или иначе характеризуетъ край, въ его прошломъ и настоящемъ, не забывая при этомъ и обще-образовательныхъ цѣлей. Эти послѣднія, само собой разумѣется, немного расширяютъ программу музеевъ, раздвигая рамки за предѣлы данной области, но въ этомъ отношеніи интересно, главнымъ образомъ, лишь то, что является наиболѣе характернымъ для другихъ областей, странъ, частей свѣта.

Въ большихъ центрахъ, гдѣ много научныхъ и художественныхъ силъ, гдѣ налицо и сравнительно большія матеріальныя средства, возможна и болѣе широкая постановка дѣла, выражающаяся въ спеціализаціи различныхъ отраслей знанія и искусства, путемъ устройства самостоятельныхъ музеевъ.

Такъ поставлено дѣло во многихъ большихъ городахъ за границей, въ такомъ положеніи, отчасти, находится оно и въ нашихъ столицахъ. Здѣсь мы имѣемъ музеи естественно-историческіе, историческіе и археологическіе, этнографическіе, изящныхъ искусствъ и, наконецъ, художественно — промышленные. Каждый изъ нихъ, помимо общихъ, преслѣдуетъ свои особыя цѣли, для развитія каждый требуетъ особой организаціи, для завѣдыванія—спеціалистовъ по той или другой отрасли.

При менѣе благопріятныхъ условіяхъ для такой спеціализаціи музеевъ, всѣ ихъ разновидности могутъ быть сведены къ двумъ большимъ группамъ, первую изъ которыхъ составляли-бы собранія *естественно-историческія*, вторую—*культурно-историческія*.

Намъ кажется, что г. Кіевъ именно и нужно отнесть къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ музеи могутъ осуществиться въ только что указанной формѣ. На большее не хватитъ силъ. Что касается собраній естественно-историческихъ, то мысль о такого рода музеѣ была поднята лѣтъ десять тому назадъ въ Кіевскомъ Обществѣ Естествоиспытателей; по проекту Общества рамки музея даже были расширены за предѣлы естественно-исторической области. Впослѣдствіи, мысль эта была забыта и проектъ музея украсилъ собой очень длинный рядъ нашихъ «благихъ начинаній». Такого рода музей могли-бы вполнѣ замѣнить существующія при университетѣ кабинеты и собранія; одно время они были доступны для публики, теперь-же почему-то закрыты и кіевлянамъ предоставлены для удовлетворенія своей любознательности наѣзжающіе время отъ времени «папопти-кумы»... Мы не знаемъ причинъ такого рѣшенія, но онѣ, если и существуютъ, не представляются настолько серьезными, чтобы ради нихъ совершенно закрыть доступъ. Какъ на примѣръ, укажемъ на Варшавскій университетъ, гдѣ нѣсколько разъ въ недѣлю открытъ для всѣхъ зоологическій кабинетъ, привлекающій массу публики; повидимому, это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ правильному функціонированію учрежденія [1]).

[1]) Мы имѣемъ свѣдѣнія, что по устройствѣ кабинетовъ Кіевскаго политехническаго института, предполагается открыть ихъ и для посторонней публики,—можно только порадоваться такому намѣренію; единственное неудобство, съ которымъ

Перейдемъ теперь ко второй группѣ—собраніямъ культурно-историческимъ. Для нихъ уже есть мѣсто—Музей Древностей и Искусствъ. Мы въ общихъ чертахъ и постараемся намѣтить программу его дѣятельности, поскольку таковая представляется намъ наиболѣе подходящей при мѣстныхъ условіяхъ. Отдѣлы, которые долженъ совмѣщать въ себѣ музей, по нашему мнѣнію, слѣдующіе: антропологическій, историческій, съ подраздѣленіемъ на памятники доисторическіе и историческіе, художественный, художественно-промышленный и этнографическій.

Позволяемъ себѣ нѣсколько подольше остановиться на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Въ виду того положенія, какое заняла въ послѣднее время *антропологія*, понимая этотъ терминъ въ его широкомъ значеніи когда антропологіи посвящены спеціальныя школы, когда устраиваются спеціальные антропологическіе музеи, нечего и думать поставить въ цѣломъ объемѣ этотъ отдѣлъ въ музеѣ, придавъ ему самостоятельное значеніе,—это значило-бы включить въ него и доисторическую археологію и этнографію. Роль этого отдѣла, по нашему мнѣнію, должна ограничиться болѣе скромной задачей: собирать и хранить антропологическій матеріалъ, относящійся, главнымъ образомъ къ прошлому населенію края, не исключая, конечно, и цѣлей общеобразовательныхъ, для чего въ отдѣлѣ могутъ занять мѣсто и предметы, характеризующіе физическую сторону современнаго населенія, сравнительныя коллекціи и таблицы и т. п. Составляющія необходимую принадлежность антропологическихъ музеевъ коллекціи по первобытной культурѣ какъ прошлой, такъ и современной, найдутъ себѣ мѣсто въ отдѣлахъ археологическомъ и этнографическомъ.

Одно изъ самыхъ видныхъ. если не самое видное мѣсто въ музеѣ, долженъ занять *отдѣлъ историческій*. Всѣ условія къ этому налицо: многовѣковая древность Кіева, бывшаго культурнымъ центромъ обширной области, въ зависимости отъ этого масса древностей, оставленныхъ различными народностями, жившими подолгу или бывшими временными гостями южно-русскихъ степей. Вполнѣ справедливо замѣтилъ одинъ изъ видныхъ русскихъ археологовъ, что въ Россіи, по богатству археологическихъ находокъ, первенствуютъ только Черноморское побережье, Кавказъ и Кіевская область.

придется считаться,—это удаленность института отъ наиболѣе населенныхъ городскихъ центровъ.

Уже и теперь въ музеѣ положено солидное основаніе для древнекаменной эпохи коллекціей, пріобрѣтенной у г. Хвойко, есть много предметовъ по ново-каменному вѣку и по переходной эпохѣ отъ камня къ металлу. Не заставятъ себя долго ждать памятника скифскіе и скифосарматскіе—нѣсколько коллекцій, преимущественно заключающихъ эти памятники, уже обѣщаны музею,—останется лишь дополнять ихъ; несомнѣнно, съ теченіемъ времени, можно будетъ подобрать коллекцію и типичныхъ предметовъ эпохи переселенія народовъ. Затѣмъ идутъ древности славянскія какъ языческаго періода, такъ и христіанскаго, княжескаго. Гдѣ-же ихъ и собирать, какъ не въ Кіевѣ? По отношенію къ памятникамъ велико-княжеской эпохи, Кіевъ и Кіевская область занимаютъ единственное положеніе—собраніе этихъ памятниковъ можетъ быть составлено по широкой системѣ, подобрано въ деталяхъ—матеріалъ найдется. Гораздо труднѣе будетъ идти составленіе коллекцій для послѣдующихъ вѣковъ, вплоть до настоящаго времени. Здѣсь придется считаться съ тѣмъ, довольно страннымъ на первый взглядъ, фактомъ, что чѣмъ ближе эпоха къ намъ по времени, тѣмъ меньше сохранилось памятниковъ ея матеріальной культуры, принимая, конечно, это положеніе съ нѣкоторыми ограниченіями. Но можно надѣяться, что постепенно будетъ пополняться и этотъ отдѣлъ.

Прилагая къ организаціи историческаго отдѣла тѣ цѣли, которыя должны лечь въ основу общей организаціи музея,—цѣли чисто научныя и общеобразовательныя, необходимо придется вести и собираніе въ двухъ направленіяхъ: для научнаго изученія памятниковъ старины интереснѣе всего будутъ памятники мѣстные; ихъ здѣсь, на мѣстѣ, можно собирать систематически, не оставляя безъ вниманія даже мелочей—для науки интересна каждая мелочь. Въ видахъ-же знакомства публики съ характерными особенностями памятниковъ старины и другихъ областей Россіи, а также и другихъ странъ, необходимо включить въ собранія музея и таковые, но включить съ извѣстнымъ выборомъ—мелочи для этой цѣли излишни, онѣ лишь будутъ служить помѣхой.

Слѣдя за совершенствованіемъ тѣхъ или другихъ предметовъ на цѣломъ протяженіи вѣковъ, слѣдя за успѣхами техники въ ихъ изготовленіи, мы замѣчаемъ также какъ все съ большей и большей силой проявляется на нихъ и то стремленіе къ красотѣ, которое инстинктивно чувствовалось уже человѣкомъ каменнаго вѣка, зимѣв-

шемъ въ своемъ распоряженіи для проявленія этого чувства лишь кусокъ кости, да комокъ глины. Постепенно совершенствуясь, это чувство красоты еще въ очень отдаленныя отъ насъ времена приблизилось къ современному пониманію искусства. Не отвлекаясь въ сторону, не выходя за предѣлы нашей области, мы можемъ указать на образчики искусства греческихъ черноморскихъ колоній, на нѣкоторые предметы эпохи переселенія народовъ, наконецъ, на памятники княжеской эпохи. Все это можно будетъ найти въ историко-археологическомъ отдѣлѣ и все это можетъ служить естественнымъ переходомъ къ чисто *художественному отдѣлу*. Трудно конечно опредѣлить, что̀ должно войти въ этотъ отдѣлъ—все, что носитъ печать художественности, что можетъ доставить эстетическое наслажденіе, что будетъ вліять на развитіе вкуса, свое или чужое—все это желательно для отдѣла. Конечно и здѣсь систематичность, подборъ играютъ не меньшую, если не большую роль, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ, но осуществленіе этихъ задачъ очень трудно, требуетъ большихъ матеріальныхъ жертвъ; для примѣра возьмемъ хотя-бы устраиваемый въ настоящее время Московскій музей изящныхъ искусствъ—Кіеву еще пока нечего и мечтать о такомъ учрежденіи. Но какъ бы тамъ ни было, если будетъ хотя и небольшой отдѣлъ, посвященный искусству, составленный изъ оригиналовъ и, главнымъ образомъ, копій, онъ всетаки сослужитъ свою службу для болѣе широкихъ классовъ публики, лишенныхъ до сихъ почти совершенно возможности видѣть и изучать образчики изобразительнаго искусства и развиваться въ этомъ направленіи, результаты чего сказываются даже во внѣшней физіономіи города. Устройство художественнаго отдѣла, быть можетъ, повліяетъ также и на мѣстные художественныя силы, повліяетъ въ смыслѣ объединенія ихъ, привлеченія новыхъ, подвинетъ на болѣе интенсивную работу...

Въ тѣсной связи съ двумя предыдущими отдѣлами находится и предполагаемый къ устройству *художественно-промышленный отдѣлъ*. Если мы примемъ въ соображеніе, что въ давнее время искусство носило, главнымъ образомъ, прикладной характеръ, то отсюда ясно, что историческій отдѣлъ музея, заключая образчики подобнаго рода, этимъ самимъ составитъ какъ-бы часть художественно-промышленнаго отдѣла. То-же самое, въ извѣстной степени, относится и къ художественному отдѣлу.

Въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса за поднятіе нашихъ ремеслъ, путемъ внесенія въ нихъ элемента художественности. Сильное развитіе въ послѣднія десятилѣтія фабричнаго производства, выпускавшаго на рынокъ милліоны предметовъ, изготовленныхъ по шаблану, съ самыми жалкими намеками на красоту, имѣло результатомъ притупленіе въ массѣ стремленій къ изящному, извращеніе вкуса, полное обезличеніе тѣхъ многочисленныхъ предметовъ домашняго обихода, съ которыми намъ ежеминутно приходится имѣть дѣло и которые помимо воли дѣйствуютъ на насъ своимъ видомъ, формами, красками. Протесты отдѣльныхъ личностей противъ такого направленія промышленности переходятъ наконецъ въ болѣе обширные круги общества, художники также идутъ навстрѣчу этому движенію, принимаются мѣры и правительствомъ въ формѣ устройства художественно-промышленныхъ школъ и музеевъ. Въ виду всего этого, устройство художественно-промышленнаго отдѣла музея будетъ отвѣтомъ на насущные запросы жизни, практическіе результаты не замедлятъ сказаться. Вышеприведенныя соображенія заставляютъ поставить этотъ отдѣлъ возможно полнѣе и шире, чтобы онъ охватилъ возможно большее число отраслей индустріи. Какъ мы уже упоминали, матеріалъ для художественной промышленности прошлаго найдется въ отдѣлахъ историческомъ и художественномъ, но, помимо этого, для укомплектованія отдѣла, необходимо будетъ привлечь образчики современнаго-художественнаго производства и, по возможности, собрать демонстративныя коллекціи по техникѣ различныхъ производствъ, чтобы посѣщающій музей, кромѣ впечатлѣній отъ осмотра художественныхъ образцовъ, могъ вынесть и нѣкоторыя практическія познанія. Эти соображенія заставляютъ насъ пожелать художественно-промышленному отдѣлу возможно полнаго и разнообразнаго содержанія.

Послѣдній отдѣлъ музея, который будетъ служить необходимымъ дополненіемъ къ вышеперечисленнымъ, — *отдѣлъ этнографическій*. Само-собой разумѣется, что здѣсь придется обратить главное и почти исключительное вниманіе на внѣшнюю, матеріальную сторону народной жизни. Народъ является единственнымъ хранителемъ прошлаго: въ его постройкахъ, костюмахъ, предметахъ домашняго обихода, въ тѣхъ орнаментахъ, которыми онъ украшаетъ свои нехитрыя подѣлки, можно еще замѣтить слѣды прошлаго, они носятъ печать оригинальности, самобытности, въ нихъ сказывается характеръ народа, его отличительныя черты. Однако, новыя условія жизни, новыя потреб-

ности, не смотря на консервативность народа, постепенно вытѣсняютъ эти остатки прошлаго. Особенно въ послѣднее время нивеллировка, сказывающаяся прежде всего на матеріальной сторонѣ быта, идетъ быстрыми шагами, и недолго вѣроятно придется ждать того времени, когда наступитъ въ этомъ отношеніи полное обезличеніе народныхъ группъ. Вотъ почему необходимо теперь, пока еще не поздно, позаботиться о сохраненіи этого наслѣдія прошлаго. Этнографическій отдѣлъ, помимо чисто научнаго интереса, можетъ служить также поставщикомъ матеріала и для художника и ремесленника, такимъ образомъ, и онъ находится въ неразрывной связи съ другими отдѣлами, служа къ всестороннему освѣщенію исторіи культуры, поскольку дѣло касается матеріальной и художественной сторонъ ея. О необходимости устройства этого отдѣла можно судить по примѣру— въ музеѣ императора Александра III, посвященномъ, главнымъ образомъ, искусству, рѣшено въ послѣднее время образовать также и этнографическій отдѣлъ.

Мы коснулись въ общихъ чертахъ тѣхъ отдѣловъ, на которые, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разбить музей; вся совокупность ихъ составитъ одно цѣлое, связанное общей идеей.

Но такому учрежденію какъ музей необходимъ еще одинъ отдѣлъ, имѣющій и самостоятельное значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предназначенный обслуживать и дополнять также всѣ другіе отдѣлы. Имѣемъ въ виду *библіотеку*.

Самостоятельное значеніе ея ясно само собой, что же касается ея служебной роли, то мы расчленимъ ее по отношенію къ каждому изъ отдѣловъ.

Для историческаго отдѣла желательно имѣть по возможности полный подборъ литературы, касающейся мѣстныхъ древностей, а также необходимыя сочиненія общаго характера по данному предмету, руководства и справочныя изданія. Для доставленія полной возможности научнаго изученія памятниковъ мѣстной старины большую услугу можетъ оказать *археологическій архивъ*, гдѣ-бы сосредоточивались свѣдѣнія, описанія, рисунки, фотографіи и слѣпки съ предметовъ, найденныхъ въ раіонѣ, охватываемомъ музеемъ, и хранящихся въ другихъ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ. Сюда-же могутъ быть присоединены и отдѣльные *сборники* для той или другой мѣстности, заключающіе различнаго рода матеріалы, какъ напр. планы, общіе виды, виды отдѣльныхъ построекъ и т. п., предста-

влявшіе бы въ совокупности наглядную исторію данной мѣстности. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто долженъ занять конечно Кіевъ съ его многовѣковымъ прошлымъ, матеріала для такого сборника для г. Кіева найдется достаточно, но въ настоящее время онъ такъ разрозненъ, разбросанъ, что пользоваться имъ нѣтъ никакой возможности.

Въ виду трудности устройства художественнаго отдѣла, библіотека явится существеннымъ дополненіемъ его. Здѣсь уже представляется полная возможность составить систематическіе альбомы снимковъ съ произведеній искусства, образовать отдѣлы гравюръ, рисунковъ, прибавить сюда художественные увражи, сочиненія по теоріи и исторіи изобразительнаго искусства.

Въ этомъ-же направленіи долженъ комплектоваться и отдѣлъ библіотеки, посвященный художественной промышленности.

По отношенію къ этнографическому отдѣлу, помимо печатныхъ источниковъ, должно быть организовано и коллекціонированіе рисунковъ и фотографій съ предметовъ народнаго быта, типичныхъ костюмовъ, построекъ, произведеній народнаго искусства и т. п.

Не лишнимъ будетъ въ библіотекѣ и отдѣлъ образчиковъ письма, особенно снабженныхъ заставками и вообще орнаментированныхъ.

Можно также включить въ библіотеку и *отдѣлъ памятный*, посвященный выдающимся ученымъ, писателямъ, артистамъ или общественнымъ дѣятелямъ, мѣстнымъ уроженцамъ или посвятившимъ свою дѣятельность краю.

Болѣе детальное выясненіе программы дѣятельности музея, болѣе полное распредѣленіе его на отдѣлы, прибавленіе къ намѣченнымъ нами еще новыхъ—дѣло будущаго. Пока-же и то, что предположено, для успѣшнаго выполненія потребуетъ и силъ и затратъ; польза такихъ учрежденій, какъ Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ не требуетъ поясненій; поэтому мы и позволяемъ себѣ надѣяться, что мѣстное общество придетъ на помощь новому дѣлу и не останется глухо къ насущнымъ потребностямъ мѣстной жизни, удовлетворять которыя по мѣрѣ возможности и составляетъ задачу музея.

Н. Бѣляшевскій

Ученыя общества.

Кіевское церковно-археологическое общество въ 1899 году. Церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ отчетномъ году вступило въ 28-й годъ своего существованія. Членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-корреспондентовъ въ немъ насчитывается теперь свыше 180.

Въ 1899 году въ состоящій при обществѣ музей поступило отъ 98 учрежденій и лицъ до 635 №№ предметовъ и книгъ, которые, вмѣстѣ съ поступленіями прежнихъ лѣтъ, составятъ цифру до 30,197 №№.

Изъ этихъ поступленій наибольшій мѣстный археологическій интересъ имѣютъ памятники церковной архитектуры, живописи, скульптуры и разной утвари церковной, найденные въ самомъ Кіевѣ. Изъ Кіево-Печерской лавры доставлены найденные вмѣстѣ съ монетами подъ поломъ на хорахъ великой лаврской церкви, такъ называемые „голосники", глиняныя и цементныя плитки, указывающія на способъ постройки и украшенія великой Лаврской церкви въ концѣ XI вѣка. Къ числу наружныхъ украшеній этой церкви относится также изображеніе креста на кускѣ штукатурки надъ однимъ изъ олтарныхъ оконъ ея, а складной эмальированный крестъ изъ Троицкой церкви надъ св. вратами лавры, XII вѣка, представляетъ собою единственное въ своемъ родѣ произведеніе древнерусскаго искусства по своей техникѣ. Некоторые бронзовые фрагменты изъ Кіево-Михайловскаго монастыря указываютъ на древнюю церковную утварь его, можетъ быть на паникадила и подсвѣчники, а позднѣйшая шапка или митра изъ этого монастыря, первой половины XVII в., могла принадлежать кому-либо изъ тогдашнихъ митрополитовъ, жившихъ въ Михайловскомъ монастырѣ, или Іову Борецкому, или Исаіи Копинскому. Куски цементнаго пола и фресокъ, найденные вблизи Кіево-Подольскаго Успенскаго собора, подтверждая древность этого храма, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуютъ объ его первоначальномъ благолѣпномъ украшеніи. Къ до-татарскому періоду руской исторіи относятся поступившія въ музей спорадическія находки: бронзоваго энколпіона съ изображеніемъ Богородицы, въ Кіевѣ, въ Десятинномъ переулкѣ, на усадьбѣ Слѣсаревскихъ, и бронзоваго-же энколпіона, въ Мажаровскомъ приходѣ, константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи. Положительную рѣдкость представляетъ изъ себя змѣевикъ свѣтло-зеленой

арабской мѣди, инкрустированный серебромъ, греческаго происхожденія и съ греческою надписью, въ которой читается имя Анастасіи, замѣчательный по своей техникѣ. Изъ остальныхъ вещей этого отдѣла могутъ быть упомянуты: серебрянный окладъ на евангеліе XVI—XVII вв., съ Кавказа, и желѣзныя вериги изъ заднѣпровской Воскресенской слободы.

Къ болѣе рѣдкимъ монетамъ, поступившимъ въ музей, принадлежатъ: одна серебрянная сассанидская и одна мѣдная сицилійско-норманская XII в. Болѣе или менѣе цѣльнымъ характеромъ отличается кладъ польско-литовскихъ и западно-европейскихъ монетъ, относящійся ко времени отъ конца XV до конца XVI в. и найденный въ дер. Залисце, луцкаго уѣзда.

Въ отдѣлѣ рукописей интересны пять рукописныхъ тетрадей покойнаго Н. П. Чернева съ рисунками разныхъ монетъ, а также двѣ связки студенческихъ записей и конспектовъ студентовъ кіевской дух. академіи XV курса (1847—1851 гг.). Послѣднія представляютъ богатый матеріалъ для характеристики научной дѣятельности кіевской академіи того времени.

Въ отдѣлѣ гравюръ и иллюстрированныхъ изданій особенную научную цѣнность имѣютъ 138 изданій изъ библіотеки покойнаго члена Н. П. Чернева по разнымъ отраслямъ археологіи и искусства.

Въ учебное время, по воскресеньямъ, церковно-археологическій музей открытъ былъ, съ 12 до 2 часовъ по полудни, для членовъ общества, студентовъ академіи и сторонней публики, а въ случаяхъ надобности—и въ другіе дни. Учащіеся другихъ учрежденій и слушатели курсовъ иногда посѣщали музей цѣлыми группами и классами. Не мало было и почетныхъ и ученыхъ посѣтителей музея, особенно во время XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Изъ членовъ XI археологическаго съѣзда посѣтило музей до 300 членовъ и въ числѣ ихъ—заграничные ученые. Нѣкоторые изъ ученыхъ и художниковъ занимались въ музеѣ и вновь опредѣлили нѣкоторые изъ его предметовъ.

Въ 1899 г. было 9 засѣданій общества, на которыхъ прочитанъ былъ отчетъ общества и 15 рефератовъ, изъ коихъ мѣстный археологическій интересъ имѣютъ: два реферата „Объ археологической находкѣ на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры“, „О дачѣ братскаго монастыря Церковщинѣ“, „Видъ стараго Кіева на планѣ Кальнофойскаго 1638 года“, „Дополнительное собраніе древ-

нихъ крестиковъ и образцовъ Б. И. Ханенко", „О расписаніи стѣнъ и вообще объ украшеніи кіевскаго Владимірскаго собора", „О книгѣ каталогѣ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго", „Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-печерской лавры", „Подготовительныя работы для исторіи кіевской дух. академіи", „О кладѣ изъ золотыхъ монетъ и вещей XI в., найденныхъ въ Кіевѣ на усадьбѣ Л. И. Бродскаго, по Екатерининской улицѣ", „Историко-археологич. очеркъ г. Брянска, орловской губ., и его отношеній къ Кіеву", „Новыя данныя для исторіи древней кіевской Воздвиженской церкви", и „Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-печерской лавры". Нѣкоторыя изъ этихъ рефератовъ вошли въ составъ 2-го выпуска „Чтеній въ церковно-археологич. обществѣ", изданнаго въ 1899 году съ 5-ю таблицами фототипическихъ снимковъ (17-ти монетъ и медалей лаврскаго клада). Кромѣ того, въ 1899 году продолжала занятія комиссія изъ 5-ти членовъ по приведенію въ порядокъ и описанію стараго архива кіевской дух. консисторіи.

Денежныя средства общества простираются нынѣ до 9305 рублей (Кіевск. Сл.).

—

Историческое Общество Нестора Лѣтописца. Какъ уже извѣстно читателямъ „Лѣтописи", при Обществѣ была образована особая комиссія по вопросамъ объ охраненіи, описаніи и изданіи мѣстныхъ памятниковъ старины. Комиссія представила нѣсколько дезидератъ и просила Общество обратиться по поводу ихъ въ Московское Археолог. Общество [1]). Въ засѣданіи Общества Нестора Лѣт. 12-го декабря прошлаго года эти предложенія комиссіи были заслушаны. По двумъ ихъ нихъ, именно, объ изданіи брошюры, гдѣ-бы были сведены постановленія правительства, касающіяся памятниковъ старины, и объ изысканіи средствъ на описаніе и изданіе памятниковъ, Общество Нестора Лѣт. обратилось въ Московское Археолог. Общество. Въ засѣданіи 23-го января былъ доложенъ отвѣтъ Моск. Общ.—отвѣтъ не вполнѣ благопріятный. По мнѣнію Моск. Общ. изданіе вышеуказанной брошюры является дѣломъ труднымъ, а отчасти и безцѣльнымъ, въ виду того неопредѣленнаго положенія, въ какомъ находятся узаконенія по данному вопросу. Отказывается также Моск. Общ. взять

[1]) См. „Лѣтопись" 1899 г., декабрь

на себя и дѣло по изданію памятниковъ старины,—затрудненіе лишь въ средствахъ и Общ. совѣтуетъ обратиться за помощью къ кому нпб. изъ мѣстныхъ людей, сочувствующихъ дѣлу.

—

Въ засѣданіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества, 21-го января, проф. Н. И. Веселовскій прочелъ рефератъ на тему «Объ окрашенныхъ костякахъ». Кости бываютъ окрашены въ разные цвѣта. Наиболѣе часто въ бурый и ярко-красный цвѣта. Встрѣчаются кости окрашенныя въ розовый, бѣлый и изрѣдка желтый (въ скиѳскихъ могилахъ) цвѣтъ. По изслѣдованіи, бурая и яркокрасная краски оказались охрою и сурикомъ; профессоръ демонстрировалъ передъ собраніемъ рисунокъ такого окрашеннаго костяка. По его мнѣнію, окраска костяковъ—это культъ, относящійся къ бронзовому вѣку и удержавшійся очень долго у первобытныхъ обитателей юга Россіи.

Въ послѣднемъ общемъ собраніи общества проф. Веселовскій доложилъ «О раскопкахъ въ Кубанской области лѣтомъ 1899 года». Изслѣдованію подверглась мѣстность, лежащая на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта до р. Кубани. Изъ ряда сопоставленій референтъ нашелъ, что открытыя имъ погребенія относятся къ римскому времени, къ II—III вѣкамъ послѣ Рождества Христова. Интересны предметы изъ женской могилы, открытой въ верхней части курганъ, на небольшой глубинѣ. Могила эта сохранилась по счастливой случайности, такъ какъ обыкновенно вершины кургановъ раскапываются для укрѣпленія шалашей, устраиваемыхъ здѣсь для наблюденія за садами. Изъ предметовъ отмѣтимъ: прекрасно отшлифованный каменный топоръ, женскія оружія—кинжалъ, дротики; кольчатый панцырь, сосуды съ ручками, подобные находимымъ въ Помпеѣ, и пр. (Сѣв. Кур.).

Изслѣдованія и раскопки.

Нами получены XXXI и XXXII томы (въ одной книжкѣ) «*Записок Наукового Товариства імени Шевченка*» (Львовъ, 1899 г.), заключающіе въ себѣ рефераты, предназначавшіеся для прочтенія на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, но, за недопущеніемъ малорусскаго языка, оставшіеся не доложенными. Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ лишь часть рефератовъ, остальные войдутъ въ XXXV и XXXVI т. тѣхъ-же «Записок». Въ небольшомъ предисловіи передана исторія не-

допущенія на съѣздѣ малорусскаго языка и перечислены рефераты; ихъ всѣхъ 30: по археологіи—4, по исторіи—9, по этнографіи и фольклору—4, по языку—6, по исторіи литературы—7.

Рефераты по археологіи, исторіи, этнографіи и фольклору и составляютъ данный томъ. Мы постараемся дать краткое резюме рефератовъ по археологіи. Всѣ они принадлежатъ проф. М. Грушевскому; вотъ ихъ заголовки: 1. Похоронне поле в с. Чехах, 2. Звенигород галицький, 3. Печатка з Ступниці коло Самбора и 4. Молотівське срібло.

Послѣдній рефератъ напечатанъ въ сокращенномъ видѣ, такъ какъ содержаніе его напечатано уже раньше (въ XXV т. Записок). Мы не будемъ здѣсь говорить о немъ—читатели «Лѣтописи» знакомы съ описаніемъ этого клада. [1])

Чисто археологическаго характера первый рефератъ проф. Грушевскаго—«*Похоронное поле въ с. Чехахъ*». С. Чехи находится въ Бродскомъ у. въ Восточной Галиціи, похоронное поле расположено вблизи села на небольшой возвышенности, среди топкой, а раньше и очень болотистой мѣстности, дающей начало р. Стыру. Раскопки производились здѣсь проф. Шараневичемъ и авторомъ; всего вскрыто до 400 могилъ, причемъ авторомъ раскопано всего 14 могилъ, но зато раскопано тщательно, относительно же раскопокъ проф. Шараневича сказать этого нельзя. Въ рефератѣ авторъ приводитъ дневникъ своихъ раскопокъ и пользуется опубликованнымъ и неопубликованнымъ матеріаломъ, добытымъ раскопками проф. Шараневича.

Господствующій похоронный типъ этого могильника—погребенія скелеты находились на небольшой глубинѣ, могилы ничѣмъ не обставлены, сверху незамѣтно никакихъ насыпей. Характерная особенность погребеній—присутствіе сосудовъ возлѣ покойниковъ; сосуды зачастую бываютъ очень миніатюрны, вылѣплены отъ руки и вылѣплены очень грубо, съ плохимъ обжигомъ и даже безъ него, такъ что вполнѣ справедливо мнѣніе автора, придающаго этимъ сосудамъ ритуальное значеніе.

Кромѣ сосудовъ, при скелетахъ найдены въ большомъ количествѣ различныя украшенія изъ бронзы (шейныя гривны, браслеты, булавки височныя кольца, пуговицы и т. п.), изъ желѣза (совершенно такихъ же типовъ), изрѣдка стеклянныя бусы и очень рѣдко серебряныя;

[1]) См. „Лѣтопись“ 1899 г., май—Молотовскій кладъ.

украшенія. Изъ орудій—болѣе всего встрѣчено кремневыхъ и каменныхъ, цѣлыхъ и еще чаще—обломковъ, рѣже попадались костяныя, довольно часто—желѣзные ножики. Бронзовыхъ орудій совершенно не найдено.

Выше перечисленные предметы встрѣчались въ различныхъ комбинаціяхъ: были погребенія только съ бронзовыми украшеніями, или только съ каменными орудіями, или однимъ желѣзомъ, были и такія, гдѣ бронзовыя украшенія находились вмѣстѣ съ каменными орудіями или съ желѣзными и, наконецъ, гдѣ обнаружены желѣзо и камень.

Второй похоронный типъ, встрѣченный въ могильникѣ,—сожженіе, причемъ остатки сожженія помѣщались въ урны. Предметы, найденные здѣсь, ничѣмъ не разнятся отъ предыдущихъ, такъ что можно допустить, что эти два типа существовали одновременно, у одной и той-же народности.

На основаніи находокъ въ могилахъ, проф. Грушевскій относитъ похоронное поле въ Чехахъ къ періоду, переходному отъ камня къ металлу, причемъ, однако, одни изъ похоронъ онъ считаетъ болѣе ранними, другіе—болѣе поздними.

Что касается происхожденія предметовъ, то нѣкоторые изъ нихъ нужно признать мѣстнымъ производствомъ, другіе-же носятъ слѣды иноземной культуры, какъ напр. многія изъ бронзовыхъ украшеній, аналогичныя со средне-дунайскими бронзами.

Присутствіе стекла высокой техники и связь со средне-дунайской культурой даютъ поводъ автору датировать могильникъ приблизительно началомъ нашей эры. Принимая же во вниманіе географическое положеніе могильника, его культуру и предполагаемую эпоху, будетъ натуральнымъ признать въ народности, оставившей могильникъ, Славянъ предъ ихъ переселеніемъ на западъ или даже —поселеніе, существовавшее какъ этапъ при переселеніяхъ Славянъ до ихъ великаго переселенія. Этому не противорѣчатъ и антропологическія данныя: преобладающій типъ—длинноголовый.

Культура могильника въ Чехахъ не стоитъ одиноко,—подобная ей обнаружена еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ въ томъ-же Бродскомъ у., такъ и на галицкомъ Подоліи, въ Гусятинскомъ у. О громадномъ значеніи, какое представляетъ изученіе этой культуры, охватывающей моментъ непосредственнаго перехода отъ каменнаго вѣка къ желѣзному,—нечего говорить. Задача, которая предстоитъ

изслѣдователемъ,—болѣе тщательно прослѣдить географическое ея распространеніе. Проф. Грушевскій указалъ на аналогіи въ мѣстахъ сравнительно близкихъ,—нельзя-ли раздвинуть немного рамки, сравнить съ нѣкоторыми типами могилъ въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Чехіи и Южной Баваріи? Какъ кажется, и тамъ можно найти нѣчто аналогичное. Чѣмъ больше фактовъ, тѣмъ скорѣе можно будетъ распутаться въ вопросахъ, связанныхъ съ началомъ славянства.

Другой рефератъ проф. Грушевскаго—„*Звенигородъ Галицкій*“ носитъ характеръ историко-археологическаго изслѣдованія. Обратившись сначала къ довольно старой уже литературѣ вопроса и указавъ на существованіе въ конечныхъ выводахъ двухъ мнѣній о мѣстоположеніи Галицкаго Звенигорода, по одному изъ коихъ (Надеждинъ и Неволинъ, В. Ильинцкій, Шараневичъ) лѣтописнымъ Звенигородомъ былъ Звенигородъ возлѣ Львова, по другому, принятому въ польской литературѣ,—Звенигородъ надъ Днѣстромъ, авторъ, рядомъ сопоставленій и доказательствъ, рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ перваго мнѣнія. Для подтвержденія этого вывода отдѣльныя главы реферата посвящены тщательному разбору топографіи данной мѣстности, лѣтописныхъ свѣдѣній и археологическаго матеріала. Отдѣльная глава передаетъ въ сжатомъ видѣ исторію Звенигорода, повидимому бывшаго среди Червенскихъ городовъ въ X в. и окончательно потерявшаго свое политическое значеніе въ первую четверть XIII в. Потерю значенія авторъ объясняетъ возникновеніемъ новаго центра—Львова, обладавшаго лучшими топографическими условіями сравнительно съ Звенигородомъ, расположеннымъ въ низменной мѣстности. Въ концѣ реферата приведено описаніе археологическаго матеріала, найденнаго на мѣстѣ древняго Звенигорода. Одни изъ предметовъ, какъ каменныя орудія и нѣкоторыя бронзовыя издѣлія, относятся къ доисторическому времени, но большинство носитъ типичный характеръ великокняжеской эпохи и находится въ тѣсной связи съ подобными-же предметами Кіевской земли. Сюда относятся: пряслицы, стеклянные браслеты, кольца, перстни, буссы, каменные и металлическіе крестики—тѣльники, кресты—энколпіоны, поливанныя плитки и т. п. Особый интересъ представляютъ свинцовыя вислыя печати и свинцовая пломба. Одна изъ печатей принадлежитъ кіевскому митрополиту Константину—скорѣе всего Константину II-му (3-ья четверть XII в.).

Въ небольшомъ сообщеніи—«*Печать изъ Ступницы подъ Самборомъ*» дается описаніе интересной свинцовой вислой печати съ изображеніемъ Константина и дѣлаются предположенія о ея принадлежности.

Всѣ три реферата проф. Грушевского снабжены таблицами снимковъ съ предметовъ и рисунками въ текстѣ.

Случайныя находки.

Перечень нѣкоторыхъ находокъ изъ Юго-Западной и Южной Россіи, поступившихъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію въ 1899 году.

Кіевская губ. Переломленная надвое серебряная монетная гривна обычнаго типа, найденная въ Кіевѣ г. Тимоховичемъ.

Волынская губ. 1) Въ г. Острогѣ, въ усадьбѣ г. Кващевскаго, при устройствѣ фундамента рабочими были найдены 2 наполненные золою кувшина, разсыпавшіеся на воздухѣ, и при нихъ (?) скелетъ и 2 каменные топорика. Скелетъ и топорики относятся, быть можетъ, къ каменному вѣку и составляютъ, повидимому, остатки погребенія въ сглаженномъ курганѣ. 2) Въ с. Черницы, Острожскаго у., найденъ обрубокъ золота неправильной формы, быть можетъ, монетная гривна, $93^5/_6$ пробы, вѣсомъ 6 лот. 1 зол. (гривны клада Бродскаго вѣсомъ 33 зол. и $22^1/_4$ зол.).

Подольская губ. Около 100 серебряныхъ римскихъ монетъ времени Фаустина, Антонія, Коммода и Марка Аврелія, найденныхъ при распашкѣ близъ с. Забужья, брацлавской вол. Въ коммиссію доставлено было лишь 7 экз.

Херсонская губ. Изъ хищническихъ раскопокъ въ Ольвіи пріобрѣтены за крупныя суммы, терракотовая ваза съ рельефными изображеніями (арретинскаго типа), рядъ грубо вырѣзанныхъ изъ кости фигурокъ, представляющихъ совершенную новость, женская погрудная статуя римской эпохи и блюдо изъ мрамора.

Полтавская губ. 1) Вещи изъ кургана, раскопаннаго на частной землѣ близъ с. Еремѣевки, Золотоношскаго уѣзда: отличное овальное плоское блюдо изъ песчаника, обычной формы, но съ носкомъ, желѣзный топоръ и часть изоржавѣвшаго желѣзнаго копья. 2) Электровый большой (11 стм. въ діаметрѣ) предметъ въ видѣ

колокольчика и до 140 мѣдныхъ стрѣлокъ, найденныхъ при скелетѣ въ «Дзюбиной могилѣ» близъ с. Жовнино, того-же уѣзда. Подобный предметъ въ 1861 г. И. Е. Забѣлинымъ былъ найденъ въ Острой Томаковской мог. Екатеринославской губ. Курганъ этотъ заключалъ въ себѣ нѣсколько окрашенныхъ костяковъ, а сверху нѣсколько впускныхъ погребеній.

Кубанская обл. 1) Великолѣпное собраніе золотыхъ, серебряныхъ, стеклянныхъ и другихъ подѣлокъ изъ 4-хъ кургановъ, раскопанныхъ на частной землѣ крестьянъ хут. Зубова, Темрюкскаго отд. Вещи имѣютъ аналогіи въ сибирскихъ древностяхъ и въ извѣстномъ Новочеркасскомъ кладѣ. Судя по бусамъ, фибуламъ и различнымъ другимъ подѣлкамъ, зубовскія вещи должны быть отнесены ко времени II—III вв. по Р. Х. Слѣдовательно, къ этому же времени долженъ быть, приблизительно, относимъ и Новочеркасскій кладъ. Изъ предметовъ коллекціи особенное вниманіе возбуждаетъ рядъ золотыхъ бляхъ, украшенныхъ стекломъ и эмалью, и изоржавѣвшая серебряная чашка съ греческою надписью IV в. до Р. Х., гласящею о пожертвованіи ея храму Аполлона на Фасидѣ (р. Ріонъ). Очевидно, чашка эта была похищена изъ храма и служила варвару.

2) Грубой работы золотая овальная фибула, украшенная гнѣздами изъ стекла и золотыми кружками. Найдена въ Екатеринодарѣ.

3) Перечеканенная золотая пантикапейская монета, найденная въ с. Греческомъ.

4) Мѣдное зеркало съ изображеніемъ рыбъ въ волнахъ, 2 серьги въ видѣ вопросительнаго знака и 2 бубенчика, найденные при случайной раскопкѣ кургана въ ст. Кавказской. Вещи должны быть отнесены приблизительно къ XIV в.

Разныя извѣстія.

Въ январѣ состоялся въ Петербургѣ III-й Съѣздъ Русскихъ Зодчихъ. Изъ рефератовъ, касающихся историческихъ памятниковъ, отмѣтимъ докладъ проф. Н. В. Султанова объ охраненіи памятниковъ древности. Докладчикъ напомнилъ, что при открытіи съѣзда многими делегатами были высказаны пожеланія, чтобы наше зодчество разрабатывало бы свои національные элементы. Пожеланія эти, повидимому, совпали съ направленіемъ многихъ зодчихъ, чему служитъ

доказательствомъ архитектурная выставка. На ней не мало художественныхъ проектовъ исполненныхъ въ древне-русскомъ стилѣ. Безспорно авторовъ этихъ проектовъ вдохновляли наши древніе историческіе памятники, въ которыхъ зодчій можетъ черпать неистощимый матеріалъ для своихъ трудовъ. Къ сожалѣнію, памятники у насъ не только плохо сохраняются, но приходятъ въ разрушеніе и гибнутъ. Гибнутъ они и подъ ударами всесокрушающаго времени, и отъ стихійныхъ и атмосферныхъ вліяній, гибнутъ также и отъ невѣжества любителей современнаго церковнаго великолѣпія. Заботиться о памятникахъ некому, и хотя дѣйствующій законъ возлагаетъ заботу о поддержаніи и сохраненіи памятниковъ древности на министерство внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе, законъ остается мертвой буквой и въ жизни не примѣняется. Руское общество не можетъ оставаться равнодушнымъ и видѣть, какъ памятники старины одинъ за другимъ исчезаютъ съ лица земли, а потому Н. В. Султановъ предложилъ съѣзду обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою исходайствовать пересмотръ тѣхъ статей нашего законодательства, которыя касаются охраны древнихъ памятниковъ и принять мѣры, которыя обезпечивали бы дѣятельность ученыхъ учрежденій и обществъ для охраны памятниковъ старины.

Съѣздъ зодчихъ по докладу проф. Султанова постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи мѣръ по охранѣ памятниковъ древности. Но министерство внутреннихъ дѣлъ, оказывается, предупредило это ходатайство, оно какъ мы слышали, обратило вниманіе на разрушеніе древнихъ памятниковъ и рѣшило возложить заботы по охранѣ и реставраціи ихъ на мѣстные строительные органы и пригласить для совмѣстной работы съ ними губерскія архивныя комиссіи, археологическія общества, городскія и земскія общественныя управленія и общества любителей старины. При этомъ само министерство будетъ относить въ свои смѣты извѣстныя суммы на поддержаніе древнихъ памятниковъ. (СПв. Кур.).

—

Московское археологическое общество обратилось въ Воронежскій статистическій комитетъ съ предложеніемъ прислать депутатовъ для участія въ дѣятельности предварительнаго комитета по XII археологическому съѣзду, въ программу котораго входитъ изученіе «мѣстности по Дону» и въ частности Воронежской губерніи. Между

членами Воронежскаго губернскаго статистич. комитета, принимавшими участіе въ трудахъ археологич. съѣздовъ, такое предложеніе вызвало желаніе, въ видахъ лучшей подготовки къ Харьковскому съѣзду, организовать въ г. Воронежѣ спеціальное учрежденіе для изученія губерніи въ археологическомъ отношеніи. Подобное учрежденіе, въ видѣ *«Воронежской архивной коммиссіи»*, могло-бы въ будущемъ послужить также къ упорядоченію архивнаго дѣла въ губерніи и научной разработкѣ мѣстныхъ древнихъ актовъ. Желаніе любителей мѣстной старины, по преимуществу учителей среднихъ учебныхъ заведеній г. Воронежа, конечно, не останется безъ удовлетворенія, какъ со стороны воронежскаго губернатора, къ которому они обратились съ просьбой о ходатайствѣ его подѣлу объ открытіи архивной коммиссіи, такъ и археологическаго института, стоящаго во главѣ архивныхъ коммиссій, и г. министра внутреннихъ дѣлъ; но это дѣло можетъ затормазиться вслѣдствіе недостатка необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. (Итор. Вѣсти.).

—

Переходъ музея В. В. Тарновскаго къ Черниговскому земству, не смотря на то, что музей находится еще въ Кіевѣ, вызываетъ уже пожертвованія. Въ земскомъ сборникѣ Черниговской губ. за прошлый годъ (№№ 11 и 12) находимъ извѣстія, что А. Я. Конисскій препровадилъ въ губернскую управу 100 руб. на устройство въ Черниговѣ музея В. В. Тарновскаго. Въ пользу музея поступило отъ полковника К. М. Оберучева 11 листовъ постовыхъ вѣдомостей, писанныхъ частью или вполнѣ рукою Т. Г. Шевченка. Отъ А. М. Кулишъ—вещи покойнаго Кулиша и принадлежащіе ему три офорта Шевченка съ автографами.

Въ № 11 Сборника Б. Гринченко помѣстилъ замѣтку о своей поѣздкѣ въ Кіевъ, въ сентябрѣ прошлаго года, для приведенія въ порядокъ описи музея В. В. Тарновскаго.

—

Г-жа В. В. Каменская, живущая въ Бахмутскомъ уѣздѣ, приноситъ въ даръ Имп. Эрмитажу въ С.-Петербургѣ нѣсколько античныхъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ одного кургана въ Бахмутскомъ уѣздѣ (Приднѣпр. Кр.).

—

Вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ (изъ протоколовъ Имп. Русскаго Археолог. Общ. за 1897 г.)—«Отзывъ о трудѣ профессора Владиміра Бонифатьевича Антоновича Археологическая карта Кіевской губерніи, удостоенномъ Имп. Русскимъ Археологич. Обществомъ золотой медали, учрежденной въ память графа А. С. Уварова», представленный графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ (Спб. 1900). Въ отзывѣ дана оцѣнка и разборъ даннаго труда и помѣщены подробный обзоръ и перечисленіе археологическихъ работъ проф. Антоновича.

Іому слуга бувъ найвѣрнѣйшій,
По нашому вѣнъ [2]) звався Тарасъ.
Сей, сидя на кормѣ, хитався,
Бо ажъ по нѣльзя [3]) нахлистався
Горѣлочки, коли прощавсь.
Эней [4]) велѣвъ іого приняты,
Щобъ не пустивсь на дно ниряты [5])
И въ лучшемъ мѣстѣ бы проспавсь.

[1]) Энеемъ К. [2]) винъ П. К. [3]) по саме нильзя П. К. [4]) Еней П. [5]) ныряти П. К.

75.

Но видно, вже пану Тарасу
Написано такъ на роду,
Що тѣлко до сіого вѣнъ [1]) часу
Терпѣвъ на свѣтѣ семъ бѣду,
Бо росхитавшись, бризнувъ въ воду,
Пѣрнувъ [2]) и, не спитавшись [3]) броду,
На вѣринки [4]) вѣшла [5]) душа.
Эней [6]) хотѣвъ, щобъ окошилась
Бѣда и бѣлшъ [7]) не продолжилась,
Щобъ не пропали всѣ съ коша.

[1]) щобъ тилько до сіого винъ П. К. [2]) нырнувъ П. К. [3]) спытавши П. К. [4]) ввыринки П. К. [5]) пишла П. К. [6]) Еней П. [7]) бильшъ П. билшь К.

Конець второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТАЯ.

1.

Эней [1]) сподарь посумовавши,
На силу трохи вгамовавсь,
Поплакавши и поридавши,
Сивушкою почастовавсь,
Но все таки іого мутило
И коло серденька нудило, [2])
Небѣжчикъ [3]) часто щось вздыхавъ,
Вѣнъ [4]) моря такъ уже боявся,
Що на богѣвъ [5]) не поваплявся [6])
И батковѣ [7]) не довѣрявъ.

[1]) Еней П. [2]) крутило П. К. [3]) небижчикъ П. К. [4]) винъ П. К. [5]) богивъ П. К. [6]) полагався П. К. [7]) батькови П. К.

2.

А вѣтры зъ заду все трубыли [1])
Въ потылицю іого човнамъ,
Помчалися [2]) зо всеи сылы
По чорнымъ пѣнявымъ водамъ.
Гребцѣ [3]) и весла положили
Та [4]) сидя люлечки курыли [5])
И кургѣкали [6]) пѣсеніокъ [7])
Козацкихъ, [8]) гарныхъ, [9]) запорозкихъ, [10])

А яки знали, то [11]) московскихъ [12])
Выгадовали бреденіокъ. [12])

[1]) трубили П. К. [2]) що мчалися П. К. [3]) гребци П. К. [4]) да П. [5]) курили П. К. [6]) курникали П. кургикали К. [7]) пѣсеньки П. [8]) козацьки П. [9]) гарны П. [10]) запорозьки П. запорожскихъ К. [11]) то й П. [12]) московски П. [13]) брѣденьки П. бриденіокъ К.

3.

Про Сагайдачного спѣвали,
Либонь спѣвали и про Сѣчь,
Якъ въ пикенѣры [1]) выбѣрали, [2])
Якъ мандровавъ козакъ всю нѣчъ, [3])
Полтавску [4]) славылы [5]) шведчину,
И неня якъ свою дитину
Зъ двора проводыла [6]) въ походъ,
Якъ пѣдъ [7]) Берденью (sic) [8]) воіовалы, [9])
Безъ галушокъ якъ [10]) помѣралы [11])
Колысь, [12]) якъ бувъ голодный годъ.

[1]) пикинеры П. К. [2]) набирали П. К [3]) ничъ П. К. [4]) полтавську П. [5]) славили П. К. [6]) проводила П. К. [7]) пидъ П. К. [8]) Бендери П. Бендерью К. [9]) пидступили П. [10]) якъ безъ галушокъ П. [11]) помирали П. К. [12]) колись П. К.

4.

Не такъ то дѣется все хутко,
Якъ швидко кажуть намъ казокъ, [1])
Эней [2]) нашъ плывъ [3]) хоть дуже хутко, [4])
Да [5]) вже [6]) вѣнъ [7]) плававъ не деніокъ.
Довгенько по морю щось члялись [8]) (sic)
И [9]) сами [10]) о свѣтѣ не знались, [11])
Не знавъ Троянець ни одинъ,
Куда, [12]) про що и якъ швандують, [13])
Куды се такъ воны мандрують, [14])
Куда [15]) ихъ мчить [16]) Анхизовъ [17]) сынъ.

[1]) скочить у човнокъ П. [2]) Еней П. [3]) плывъ П. К. [4]) прудко П. К. [5]) та К. [6]) вже-жъ П. К. [7]) винъ П. К. [8]) шлали П. шлялись

К. [9]) а П. [10]) самы П. К. [11]) знали П. [12]) куды П. К. [13]) швиндують П. швендюютъ К. [14]) мандруютъ К. [15]) куды К. [16]) мчитъ К. [17]) Анхизивъ П. К.

5.

Оттакъ поплававши не мало
И поблудивши по морямъ,
Якъ ось и землю видно [1]) стало,
Побачилы кѣнець [2]) бѣдамъ.
До берега якъ разъ пристали,
На землю зъ човнѣвъ [3]) повставалы [4])
И сталы [5]) тута отдихать. [6])
Ся Нумелей [7]) земелька звалась,
Вона Троянцямъ сподобалась,
Далось и ий [8]) Троянцѣвъ [9]) знать.

[1]) видко П. [2]) конець П. кинець К. [3]) зъ човнивъ П. зъ човнывъ К. [4]) позбѣгали П. повставали К. [5]) стали К. П. [6]) отдыхать П. К. [7]) Кумскою К. [8]) ѣй П. К. [9]) Троянцивъ П. К.

6.

Розгардіяшь [1]) наставъ Троянцямъ,
Опять [2]) забули горювать: [3])
Бувае [4]) щастье [5]) скрѣзь [6]) поганцямъ,
А добрый [7]) мусить [8]) погибать. [9])
И тутъ воны не шановались,
А заразъ всѣ и потаскались,
Чого хотѣлося, шукать—
Якому меду да горѣлки,
Якому молодицѣ, [10]) дѣвки,
Оскому щобъ зъ зубѣвъ [11]) зогнать.

[1]) розгардіяшъ П. К. [2]) изновь П. [3]) горіовать П. К. [4]) и всюды П. [5]) счастье П. [6]) есть П. скризь К. [7]) добры П. [8]) мусять П. муситъ К. [9]) пропадать К. [10]) молодици П. К. [11]) зъ зубивъ П. К.

7.

Бурлакы [1]) всѣ [2]) булы моторны,
Тутъ познакомились у часъ, [3])

Зъ діявола швидки, проворны,
Пѣдпустять [4]) москаля якъ разъ.
Зо всѣми мѣтью [5]) побратались
Посватались и покумались,
Мовъ зъ роду тутечки [6]) жилы. [7])
Хто мавъ къ чему [8]) яку кибету, [9])
Такого той шукавъ бенкету, [10])
Всѣ веремѣю [11]) пѣднялы. [12])

[1]) бурлаки П. К. [2]) си П. К. [3]) той часъ К. заразъ П. [4]) пидпустять П. К. [5]) митью П. К. [6]) тутечка П. К. [7]) жили П. К. [8]) чому П. К. [9]) хибету П. К. [10]) бенькету К. [11]) веремію П. К. [12]) пидняли П. К.

8.

Гдѣ [1]) досвѣтки, где (sic) [2]) вечерницы, [3])
Або вѣсѣлье [4]) где [5]) було,
Дѣвчата где [6]) и молодицѣ, [7])
Кому родины надало,
То тутъ Троянцѣ [8]) и вродились,
И лишь [9]) гляды, [10]) то й заходились
Коло жѣнощинъ (sic) [11]) ворожить,
И чоловѣковъ [12]) пѣдноивши, [13])
Жѣнокъ, [14]) куда хто знавъ, повѣвши, [15])
Давай по чарцѣ зъ ними пить.

[1]) де П. где К. [2]) де П. [3]) вечирници П. вечерници К. [4]) весѣлья П. весилья К. [5]) де П. [6]) де П. [7]) молодици П. К. [8]) Троянци П. К. [9]) лишъ К. [10]) гляди П. К. [11]) жинокъ тамъ П. [12]) чоловѣкивъ П. К. [13]) пидноивши П. К. [14]) жинокъ П. К. [15]) повивши П. К.

9.

Якы [1]) були до картъ охочы, [2])
То не сидѣли дурно тутъ,
Играли часто до пѣвночы [3])
Въ вѣзка, [4]) въ пары, [5]) у лавы, вжгутъ, [6])
У панфиля, [7]) въ вѣзка [8]) и въ кепа,
Кому жъ изъ нихъ була дотепа,

То въ грошѣвь [9]) грали въ сѣмъ листѣвъ. [10])
Тутъ всѣ по волѣ забавлялись,
Пили, игрались, [11]) женихались,
Нихто безъ дѣла не сидѣвъ.

[1]) якижъ П. К. [2]) охочи П. К. [3]) пивночи П. К. [4]) въ носка П. К. [5]) пари П. [6]) въ джгутъ П. въ жгутъ К. [7]) у панхвиля П. памфиля К. [8]) въ визка П. въ возка К. [9]) въ гроши П. К. [10]) листивъ П. К. [11]) играли П. К.

10.

Эней [1]) одинъ не веселився,
Іому не мило все було,
Іому Плутонъ та [2]) батко снився,
И пекло въ голову въ вѣйшло. [3]) (sic).
Оставивши своихъ гуляты, [4])
Пѣшовъ [5]) скрѣзь [6]) по поляхъ шукаты, [7])
Щобъ хто [8]) дорогу показавъ,
Куда у [9]) пекло [10]) мандроваты, [11]) а)
Щобъ розизнати, роспитаты, б)
Бо въ пекло стежки вѣнъ [12]) не знавъ.

[1]) Еней П. [2]) да П. [3]) ввійшло П. К. [4]) гуляти П. К. [5]) пишовъ П. К. [6]) скризь П. К. [7]) шукати П. К. [8]) хто бы П. [9]) до К. [10]) пекла К. [11]) мандровати К. [12]) вѣнъ П. К.

а) Куды у пекло шляхъ надыбать,
б) Щобъ розглядѣти и розвѣдать П.

11.

Ишовъ, ишовъ, ажъ зъ русыхъ кудрѣвъ [1])
Въ три ряды капавъ пѣтъ [2]) на нѣсъ, [3])
Якъ ось забачивъ щось и узрѣвъ, [4])
Густый пройшовши дуже [5]) лѣсъ:
На нѣжцѣ курачѣй [6]) стояла
Та [7]) хатка, дуже обветшала,
И вся вертѣлася кругомъ.
Вѣнъ до тіи [8]) прійшовши хаты,

Хозяина [9]) ставъ викликаты, [10])
Прищулившися [11]) пѣдъ [12]) вѣкномъ. [13])

[1]) що ажъ изъ чуба П. кудривъ К. [2]) питъ П. К. [3]) нисъ П. нысъ К. [4]) изъ-за дуба П. узривъ К. [5]) уже П. [6]) нижцѣ курячій П. К. [7]) тамъ П. то К. [8]) винъ П. К. тои П. [9]) господаря П. [10]) выкликати П. К. [11]) и прищулився П. [12]) пидъ П. К. [13]) викномъ П. К.

12.

Эней [1]) стоявъ и дожидався,
Щобъ вийшовъ [2]) зъ хаты кто [3]) нибудь,
У дверы [4]) стукавъ, добувався,
Хотѣвъ бувъ хатку зъ нѣжки [5]) спхнуть,
Якъ вийшла [6]) бабище старая,
Крива, [7]) горбатая, сухая,
Заплѣснявѣла, [8]) вся въ шрамахъ,
Ряба, сѣда, [9]) безъ зуба (sic), [10]) коса,
Росхрѣстана, [11]) простоволоса,
И, якъ въ намистѣ, [12]) вся въ жовнахъ.

[1]) Еней П. [2]) вышовъ П. выйшовъ К. [3]) хто П. К. [4]) двери П. К. [5]) нижки П. К. [6]) вышла П. выйшла К. [7]) крыва К. [8]) заплѣснѣвивша П. заплѣснявила К. [9]) сыва, ряба П. сѣда, ряба, К. [10]) безъ-зуба П. беззубаК. [11]) розхристава П. росхристана К. [12]) намысти П. намыстѣ К.

13.

Эней, [1]) таку узрѣвши [2]) цяцю,
Не знавъ изъ ляку, где [3]) стоять, [4]) (sic)
И думавъ, що свою всю працю
На вѣки тута потерявъ.
Якъ ось до іого пѣдступила [5])
Яга ся и заговорила,
Роззявивши [6]) свои уста: [7])
„Гай, гай же! слихомъ [8]) послыхати,
Анхизенка у вѣчь [9]) выдаты, [10])
И якъ забрѣвъ [11]) ты въ сѣ [12]) мѣста? а)

[1]) Еней П. [2]) побачивъ П. узривши К. [3]) де П. [4]) стоявъ П. К. [5]) підступила П. К. [6]) роззявивши К. [7]) свій страшный ротъ П. [8]) слыхомъ П. К. [9]) къ вичи П. увичь К. [10]) видати П. К. [11]) забривъ К. [12]) си К.

а) Якій жъ тебе принѣсъ къ намъ чортъ? П.

14.

„Давно тебе я дожидаю
И думала, що вже пропавъ,
Я все дивлюсь да вызираю, [1])
Ажъ ось коли ты причвалавъ.
Минѣ вже росказалы [2]) зъ неба,
Чого тобѣ пилненко [3]) треба,
Отець твѣй [4]) бувъ у мене тутъ“.
Эней [5]) сіому подивовався
И бабы сучои спитався, [6])
Якъ вѣдьму злую сю зовуть? [7]) а)

[1]) выгляцаю П. [2]) уже сказали П. росказали К. [3]) пильненько П. пилненькоК. [4]) твій П. К. [5]) Еней П. [6]) спытався П. [7]) зовутъ К.

а) Якъ, нененько, тебе зовуть? П.

15.

„Я Кумская [1]) зовусь Сивилла,
Ясного Феба попадя, [2])
При іого храмѣ посѣдѣла, [3])
Давно живу на свѣтѣ я,
У Шведчину я дѣвовала,
А Татарва якъ набѣгала,
То вже я замужемъ була,
И перву [4]) сарану зазнаю,
Колись [5]) бувъ трусъ, якъ изгадаю, [6])
То вся здрыгнусь, [7]) якъ бы мала.“

[1]) паночку П. [2]) попадья П. К. [3]) посывѣла П. [4]) першу [5]) колижъ П. К. [6]) нагадаю К. [7]) издригнусь П. К.

16.

„На свѣтѣ всячину я знаю,
Хоть никуда [1]) и не хожу,
И [2]) людямъ въ нуждѣ помогаю,
Я имъ на звѣздахъ ворожу.
Кому—чи трасцю [3]) отгадати, [4])
А отъ наушниць [5]) пошептаты, [6])
Або и волосъ изогнать, [7])
Шепчу—уроки [8]) прогоняю,
Переполохи [9]) выливаю,
Гадюкъ умѣю замовлять".

[1]) никуды П. К. [2]) а П. [3]) трясьцю П. трясцю К. [4]) одогнати П. К. [5]) отъ заушинъ П. отъ заушниць К. [6]) чи пошептати П. К. [7]) изигнать К. [8]) и кори П. [9]) и перелоги П.

17.

„Теперь [1]) ходѣмо [2]) у [3]) каплицю,
Тамъ Фебовѣ [4]) ты поклонись
И обѣщай іому телицю,
А послѣ гарно помолись,
Не пожалѣй лишь золотого
Для Феба [5]) свѣтлого, святого, [6])
Та и минѣ що [7]) перекинь,
То мы тобѣ таки щось скажемъ,
А може въ пекло [8]) трактъ покажемъ,
Иди, утрись и бѣлшъ [9]) не слинь".

[1]) теперъ К. [2]) ходимо П. К. [3]) лишь въ К. [4]) Хвебовѣ П. Фебови К. [5]) Хвеба П. [6]) ясного К. [7]) тожъ П. [8]) въ пекло й П. [9]) бильшъ П. билшъ К.

18.

Пришли въ каплицю передъ Феба, [1])
Эней [2]) поклоны быты [3]) ставъ,
Щобъ изъ блакитнаго Фебъ [4]) неба
Іому всю ласку показавъ.

Сивиллу тутъ замордовало
И очи на лобъ пѣзганяло, [5])
И дибомъ [6]) волосъ ставъ сѣдый,
Клубкомъ изъ рота пѣна былась, [7])
Сама жъ вся корчилась, кривилась,
Мовъ духъ вселився въ неи злый.

[1]) Хвеба П. [2]) Еней П. [3]) бити П. К. [4]) Хвебъ П. [5]) позгоняло П. позганяло К. [6]) дыбомъ П. К. [7]) билась П. К.

19.

Тряслась, кректала, побывалась, [1])
Якъ бубонъ, синя стала вся, а)
На землю впала и [2]) качалась [3])
У берлозѣ, [4]) якъ [5]) порося.
И чимъ [6]) Эней [7]) молився бѣлше, [8])
То все Сивиллѣ було гѣрше, [9])
А послѣ якъ перемолився,
Зъ Сивиллы тѣлко [10]) пѣтъ [11]) котився,
Эней [12]) же на ии [13]) дивився,
Дрижавъ [14]) отъ страху и трусився.

[1]) подымалась П. побивалась К. [2]) упавши на землю К. [3]) валялась П. [4]) якъ у берлозѣ П. [5]) мовъ К. [6]) що П. [7]) Еней Ц. [8]) бильше П. билше К. [9]) гирше П. К. [10]) только П. тилько К. [11]) питъ Ц. К [12]) Еней П. [13]) на неи все П. ѣи Ж. [14]) дрожавъ К. И.

а) Якъ сопуха чернѣла вся П.

20.

Сивилла трохи очуняла,
Отерла пѣну на губахъ
И до Энея [1]) проворчала
Приказъ отъ Феба [2]) въ сихъ словахъ:
„Така богѣвъ [3]) олимпскихъ [4]) рада,
Що ты и вся твоя громада
Не будете по смерть въ Риму,
Но що тебе тамъ [5]) будуть [6]) знати,
Твое имення [7]) выхваляты, [8])
Но ты не радуйся сіому“.

[1]) Енея П. [2]) Хвеба П. [3]) богивъ П. К. [4]) олимпськихъ П. [5]) всѣ П. [6]) будутъ К. [7]) имя твое П. [8]) тамъ величати П. выхваляти К.

21.

„Ище ты выпьешъ добру повну,
По всѣхъ усюдахъ будешъ ты,
И долю гѣрку, [1]) невгомонну
Готовсь [2]) не разъ свою клясты.
Юнона ще не вдоволнилась, [3])
Еи [4]) злоба щобъ окошилась
Хотя бъ на правнукахъ твоихъ,
Но послѣ будешъ жить по пански,
И люде всѣ твои троянски
Забудуть [5]) всѣхъ сихъ бѣдъ своихъ.“

[1]) гирьку П. К. [2]) готовъ П. [3]) вдоволилась П. [4]) ѣи П. К. [5]) забудутъ К.

22.

Эней [1]) похнюпивсь, [2]) дослухався,
Сивилла що іому верзла,
Стоявъ, за голову узявся,
Не по іому ся рѣчь була.
„Трохи мене ты не морочишъ,
Не росчовпу, що ты пророчишъ“,
Эней [3]) Сивиллѣ говоривъ.
Діяволъ знае, хто въ [4]) васъ бреше,
Трохи [5]) минѣ було бъ [6]) не легше,
Якъ бы я Феба [7]) не просивъ“.

[1]) Еней П. [2]) похнюпывсь П. [3]) Еней П. [4]) зъ П. К. [5]) трохи бъ П. К. [6]) було П. К. [7]) Хвеба П.

23.

„Да [1]) вже, що буде, то и буде,
А буде те, що Бѣгъ [2]) намъ дасть,
Не ангели жъ, [3]) такіе жъ люде,

Колись намъ буде [4]) всѣмъ пропасть!
До мене будь лишъ ты ласкава,
Услужлива [5]) и не лукава,
Мене до батька проведы, [6])
Я проходився бъ рады [7]) скукы [8])
Побачиты [9]) пекельны муки,
А ну! на звѣзды погляды". [10])

[1]) та П. К. [2]) Богъ П. К. [3]) не духи мы П. [4]) треба П. К. [5]) послушненька П. [6]) проведи П. поведи К. [7]) ради П. К. [8]) скуки П. К. [9]) побачити П. К. [10]) погляди П. К.

24.

„Не першій я та й не послѣдный [1])
Пѣду у [2]) пекло [3]) на поклонъ,
Орфей [4]) уже [5]) якій [6]) негѣдный, [7])
Та [8]) що жъ іому зробывъ [9]) Плутонъ.
А Геркулесъ якъ увалився,
Дакъ [10]) такъ у пеклѣ росходився,
Що всѣхъ чортякъ [11]) порозганявъ. [12])
А ну, черкнѣмо [13]) для [14]) охоты,
Тобѣ я дамъ на двѣ овхоты, [15])
Да [16]) ну жъ, кажи, щобъ вже я знавъ".

[1]) послѣдній П. К. [2]) иду П. К. до К. [3]) пекла К. [4]) Орхвей П. [5]) хоть П. [6]) бувъ [7]) не дуже гидный П. негидный К. [8]) да П. [9]) зробивъ П. К. [10]) то П. К. [11]) чортивъ П. [12]) порозгонявъ П. [13]) геркнимъ П. К. [14]) а для П. К. [15]) яконсь лихоты П. [16]) та П.

25.

—„Огнемъ, якъ бачу ты играешъ",
Іому Яга дала отвѣтъ,
„Ты пекла, бачу, [1]) ще не знаешъ,
Не милъ тобѣ уже десь [2]) свѣтъ.
Не люблять [3]) въ пеклѣ жартоваты, [4])
По вѣкъ [5]) тобѣ дадутся [6]) знаты, [7])
Оттѣлко [8]) нѣсъ [9]) туды посунь.
Тобѣ тамъ буде не до чмиги, [10])

Якъ пѣднесуть [11]) изъ оцтомъ [12]) фиги, [13])
То заразъ вхопить [14]) тебе лунь".

[1]) видно П. [2]) сей П. [3]) не любятъ К. [4]) жартовати П. К. [5]) отъ-тамъ П. [6]) дадуться П. [7]) знати П. К. [8]) отъ-тилько П. оттилько К. [9]) нисъ П. К. [10]) шмиги П. [11]) пиднесуть П. пиднесутъ К. [12]) оцьтомъ П. [13]) хвиги П. [14]) вхопить К.

26.

„Коли жъ сю маешъ ты охоту
У батка въ пеклѣ побувать,
Мипѣ дай заразъ за роботу,
То я пріймуся мусовать, [1])
Якъ намъ у пекло [2]) доналитись
И тамъ на мертвыхъ подивитись:
Ты знаешъ, дурень не бере,
А хто хоть трохи въ насъ [3]) тямущій,
Умѣе жить по правдѣ сущій,
То той хоть зъ батька, то здере".

[1]) мудровать П. [2]) до пекла К. [3]) у насъ хоть трохи хто К.

27.

Покѣль [1]) же що, то ты послухай
Того, що я тобѣ скажу,
И головы собѣ не чухай,
Я въ пекло стежку покажу:
Въ лѣсу великому, густому,
Непроходимому, пустому,
Якеесь дерево росте,
На нѣмъ [2]) кислицѣ [3]) не простіи [4])
Ростуть, [5]) якъ жаръ, все золотіи, [6])
А деревце те не товсте."

[1]) покиль П. К. [2]) на немъ П. на ніомъ К. [3]) кисляци П. К. [4]) простыи П. простые К. [5]) ростутъ К. [6]) золотыи П. золотые П.

28.

„Изъ дерева сіого зломиты [1])
Ты мусишъ гѣлькy [2]) хоть одну,

Безъ неи бо ни [3]) пѣдступиты [4])
Не можно [5]) передъ [6]) сатану,
Безъ гѣльки [7]) и назадъ не будешъ, [8])
Изъ [9]) тѣломъ душу [10]) ты погубышъ, [11])
Плутонъ тебе закабалить. [12])
Иди жъ да пильно [13]) приглядайся,
На всѣ чотыры [14]) озирайся, [15])
Где [16]) деревце те заблищить". [17])

[1]) зломити П. К. [2]) гильку П. К. [3]) и К. [4]) пидступити П. К. [5]) тобѣ нельзя П. [6]) предъ П. [7]) гильки П. К. [8]) будишъ П. [9]) и съ П. [10]) и душу съ тѣломъ К. [11]) погубишъ П. К. [12]) закаббалитъ К. [13]) тилько П. [14]) чотыри П. К. [15]) озырайся К. [16]) де П. [17]) заблещить К.

29.

Зломивши жъ заразъ убѣрайся, [1])
Якъ мога швидче утѣкай,
Не становись, не оглядайся
И уши [2]) чимъ [3]) позатыкай. [4])
Хоть будуть [5]) голосы [6]), крычаты, [7])
Щобъ ты оглянувся, прохаты, [8])
Гляды, [9]) не озирайсь, [10]) бѣжи:
Воны щобъ тѣлко [11]) погубыты, [12])
То будуть все тебе маниты, [13])
Оттутъ [14]) себе ты покажи".

[1]) убирайся П. К. [2]) уха К. [3]) чѣмъ П. [4]) позатикай К. [5]) будутъ К. [6]) голоса К. [7]) крычати П. крычати К. [8]) прохати П. К. [9]) гляди К. [10]) не озирайся да П. не озырайсь К. [11]) тилько П. К. [12]) погубити П. К. [13]) манити П. К. [14]) отъ-тутъ П.

30.

Яга тутъ чортъ зна где [1]) дѣвалась,
Эней [2]) остався тѣлко [3]) самъ,
Іому все яблонь [4]) привижалась, [5])
Покою не було очамъ.
Шукать еи [6]) Эней [7]) пошхався,

Втомивсь, засапавсь, спотикався, [8])
Потѣмъ [9]) пріймовъ пѣдъ [10]) якійсь [11]) лѣсъ,
Коловсь сердечный объ терниньа, [12])
Пошарпався ввесь объ шепшиньа, [13])
Було таке, що [14]) рачки лѣзъ.

[1]) де П. К. [2]) Еней П. [3]) тилько П. К. [4]) яблоня Ц. К. [5]) здавалась П. К. [6]) ѣи П. К. [7]) Еней П. [8]) спотыкався П. К. [9]) покиль П. поки К. [10]) пидъ П. К. [11]) темный П. К. [12]) тернину П. К. [13]) шепшину П. К. [14]) а де коли и П.

31.

Се лѣсъ густый бувъ несказанно,
И сумно все въ іому було,
Щось вило [1]) тамъ безъ перестанно [2]) (sic)
И страшнымъ голосомъ ревло.
Еней, [3]) молитву прочитавши
И шапку цупко [4]) пѣдьвязавши, [5]) (sic)
У лѣсъ въ середину пѣшовъ, [6])
Ишовъ и утомивсь чимало,
На дворѣ жъ вже тогдѣ [7]) смеркало,
А яблонѣ [8]) ще не найшовъ. [9])

[1]) выло П. К. [2]) безперестанно П. К. [3]) Еней П. [4]) дуже П. [5]) пидвязавши П. К. [6]) пишовъ П. К. [7]) тогда К. тогди вже на дворѣ П. [8]) яблуни П. К. [9]) знайшовъ П. К.

32.

Уже вѣнъ [1]) начинавъ боятись,
На всѣ чотыры [2]) озиравсь,
Трусивсь, та нѣкуда [3]) дѣватись,
Далеко дуже [4]) въ лѣсъ забравсь.
А дуже [5]) ще іого злякало,
Якъ щось у вочахъ [6]) засіяло,
Оттутъ [7]) то берега пустивсь, [8])
Та якъ же послѣ удивився,
Пѣдъ яблунею [9]) опинився,
За гѣльку [10]) заразъ ухватився.

[1]) винъ П. К. [2]) чотыри П. К. [3]) никуды П. К. [4]) тяжко П. К. [5]) гирьше П. гирше К. [6]) очахъ П. [7]) отъ-тутъ П. К. [8]) сердега опустивсь П. [9]) якъ пидъ кислиціой П. якъ пидъ кислицей К. [10]) гильку П. К.

33.

И не подумавши ни мало,
Напьявсь, за гѣльечку [1]) смикнувъ,
Ажъ деревце те заблищало, [2])
И [3]) заразъ гѣльку [4]) отчахнувъ, [5])
И давъ чимъ дужъ изъ лѣсу драла,
Що ажъ земля пѣдъ [6]) нимъ стогнала, [7])
Бѣгъ такъ, що самъ себе не чувъ,
Бѣгъ швидко, не остановлявся,
Увесь объ колючки порвався, [8])
Якъ чортъ, у репяхахъ весь бувъ.

[1]) гиленьку П. гилечку К. [2]) затрещало П. затрѣщало К. [3]) винъ П. [4]) гильку П. К. [5]) одчахнувъ П. [6]) пидъ П. К. [7]) дрожала П. К. [8]) подрався П. К.

34.

Прибѣгъ къ Троянцямъ, утомився [1])
И отдихаты [2]) простягнувсь,
Якъ хлюща, потомъ ввесь [3]) облився, [4])
Трохи, трохи не захлинувсь. [5])
Велѣвъ [6]) зъ бычнѣ [7]) волѣвъ [8]) пригнаты, [9])
Зъ вѣвцями цапа [10]) припасаты [11])—
Плутону въ жертву принесты [12])
И всѣмъ богамъ, що пекломъ правлять [13])
И грѣшныхъ съ праведными [14]) давять, [15])
Щобъ гнѣву ихъ не навесты. [16])

[1]) засапався П. [2]) отдыхати П. К. [3]) весь К. [4]) обливався П. [5]) захлебнувсь П. К. [6]) звелѣвъ П. К. [7]) зъ хлѣва П. зъ бычни К. [8]) воливъ П. К. [9]) пригнати П. К. [10]) цапивъ зъ вивцями П. К. [11]) готовати П. [12]) принести [13]) правятъ К. [14]) тормошать да П. тормошатъ и К. [15]) давлять П. давятъ К. [16]) навести П. К.

35.

Якъ тѣлко [1]) темна та пѣдхмурна [2])
Изъ неба зъ слизла (sic) [3]) чорна нѣчъ, [4])
Година жъ стала балагурна, [5])
Якъ звѣзды повтѣкалы [6]) прѣчь, [7])
Троянцѣ [8]) все затормошались, [9])
Завештался, [10]) захватались [11])
На жертву приганять [12]) бѣкѣвъ. [13])
Дяки съ попами позбѣрались, [14])
Зовсѣмъ служити всѣ прибрались,
Огонь роскладенный горѣвъ.

[1]) тилько П. К. [2]) пахмурна К. та сумрачна, темна П. [3]) злизла П. сслизла К. [4]) ночь П. К. [5]) дуже невна П. [6]) повтѣкали К. повтекали звѣздки П. [7]) прочь П. К. [8]) Троянци П. К. [9]) заворушились П. К. [10]) совалися и П. [11]) камешпились П. закамешпились К. [12]) пригонять П. К. [13]) быкивъ П. К. [14]) позбирались П. К.

36.

Пѣпъ [1]) заразъ взявъ вола за рогы, [2])
У лобъ обухомъ зацѣдивъ
И, взявши [3]) голову межъ [4]) ногы, [5])
У черево нѣжъ [6]) засадивъ,
И винявъ тельбухи съ кишками,
Росклавъ гарненько ихъ рядками
И пилно [7]) кендюхъ розглядавъ,
Пошли (sic) [8]) Энею [9]) боже (sic) [10]) волю
И всѣмъ Троянцямъ добру долю,
Мовъ по звѣздамъ все вѣщовавъ.

[1]) пипъ П. К. [2]) роги П. К. [3]) сунувъ П. [4]) мижъ П. К. [5]) ноги П. К. [6]) ему нижъ въ пузо П. нижъ въ черево К. [7]) тильно П. пильно К. [8]) послѣ П. К. [9]) Енею П. [10]) божу П. К.

37.

Якъ тутъ зъ скотиною возылись [1])
И харамаркалы [2]) дяки,

Якъ вѣвцѣ [3]) и цапи [4]) дрочились,
Въ рѣзницяхъ мовъ ревли быки,
Сивилла тутъ где [5]) не [6]) взялася,
Запѣнилася, [7]) затряслася [8])
И галасъ заразъ пѣдняла: [9])
„Къ чортамъ всѣ [10]) швидче утѣкайте, [11])
Мене зъ Энеемъ [12]) оставляйте, [13])
Не ждѣть, [14]) щобъ тришія дала!“

[1]) возились П. К. [2]) харамархали П. харамаркали К. [3]) вивци П. К. [4]) цапы П. К. [5]) де К. [6]) ни К. [7]) запѣнилась и вся П. [8]) тряслася П. и тряслася К. [9]) пидняла П. К. [10]) вы П. К. [11]) всѣ изгиньте П. К. [12]) Енеемъ П. [13]) тутъ покиньте П. К. [14]) не ждить П. К.

38.

„А ты“, мовляла ко Энею, [1])
„Моторный, смѣлый молодець,
Прощайся зъ юрбою [2]) своею,
Ходѣмъ [3]) у пекло, где [4]) отець.
Насъ вѣнъ [5]) давно вже ожидае [6])
И, може, безъ тебе скучае,
А ну, пора чемчиковать, [7])
Возьми на плечи зъ [8]) ххѣбомъ клунокъ, а)
Нехай іому лихій парсунокъ, [9]) б)
Якъ голодомъ намъ помѣрать. [10]) в)

[1]) и къ Енею П. [2]) юртою П. [3]) ходимъ П. К. [4]) тамъ П. К. [5]) твій П. К. [6]) дожидае П. К. [7]) чипчиковать (sic) П. К. [8]) съ К. [9]) прасунокъ К. [10]) помирать К.

а) Возьми въ дорогу хлѣба, соли,
б) Щобъ не дойти до гѣркой доли:
в) Изъ голоду не помирать. П.

39.

„Не йды [1]) въ дорогу безъ запасу,
Бо фѣстъ [2]) отъ голоду [3]) пѣджмешъ [4])
И де, где [5]) иншого ты часу

Ни [6]) крыхты [7]) хлѣба не вбачнешъ. [8])
Я въ пекло стежку протоптала,
Я тамъ не разъ, не два бувала,
Я знаю тамошный [9]) народъ,
Дорожки всѣ и [10]) уголочки,
Всѣ закамарочки, [11]) куточки [12])
Уже не першій [13]) знаю годъ".

[1]) не йди П. К. [2]) хвистъ К. [3]) на що-серце хвистъ П. [4]) пидгнешь П. надмешъ К. [5]) де П. [6]) и П. К. [7]) крихты П. К. [8]) найдешъ П. К. [9]) тамошній П. К. [10]) всѣ П. К. [11]) закоморки П. [12]) всѣ куточки П. [13]) не первый П. К.

40.

Эней [1]) въ сю путь якъ разъ зибрався, [2])
Шкаповы чоботы обувъ, [3])
Пѣдтикався, [4]) пѣдперезався [5])
И поясъ цупко пѣдтягнувъ, [6])
А въ руки добру взявъ гирлигу [7])
Оборонять [8]) сѣдую [9]) фигу, [10])
Якъ лучится где, [11]) отъ собакъ,
А послѣ за руки взялися,
Прямцемъ до пекла поплелися,
Пѣшлы [12]) у гостѣ [13]) до чортякъ.

[1]) Еней П. [2]) зобравса П. [3]) набувъ П. К. [4]) пидтыкався П. К. [5]) пидперезався П. К. [6]) пидтягнувъ П. К. [7]) дручину П. К. [8]) оборонати К. [9]) злу К. сѣду П. [10]) личину П. К. [11]) де П. [12]) пишли П. К. [13]) у гости П. на прощу К.

41.

Теперъ я [1]) думаю, гадаю,
Трохи не годѣ [2]) вже писать,
Изъ роду пекла я не знаю,
Не смѣю [3]) жъ далебу [4]) брехать.
Хиба, читатели, пождѣте, [5])
Вгамуйтесь трохи, не гоните, [6])

Пѣду [7]) я до людей старыхъ,
Щобъ ихъ о [8]) пеклѣ роспитаты [9])
И попрошу ихъ росказаты, [10])
Що чули отъ дѣдѣвъ [11]) своихъ.

[1]) же П. К. [2]) годи П. К. [3]) вмѣю П. К. [4]) далеби П. К. [5]) пождите П. К. [6]) галите К. [7]) пиду П. К. [8]) объ П. [9]) роспытати П. К. [10]) росказати П. К. [11]) дѣдивъ П. К.

42.

Виргилій же—нехай царствуе!
Розумненькій бувъ чоловѣкъ,
Нехай не вадить, [1]) якъ не чуе,
Да [2]) вдавный [3]) дуже живъ вѣнъ вѣкъ.
Не такъ теперъ и въ пеклѣ стало,
Якъ въ старыну [4]) колись бувало,
То вѣнъ не такъ [5]) и пописавъ. [6])
Я, може, що-нибудь прибавлю,
Перемѣню и що оставлю,
Писну [7])—якъ отъ старыхъ чувавъ.

[1]) вадитъ К. [2]) бо П. та К. [3]) въ давній П. вдавній К. [4]) въ старину П. К. [5]) и якъ покійникъ П. К. [6]) написавъ П. К. [7]) пысну П.

43.

Эней зъ [1]) Сивиллою хватались,
До пекла швидче щобъ прійты, [2])
И дуже пилно [3]) приглядались,
До пекла [4]) дверы [5]) якъ найты. [6])
Якъ ось передъ якуюсь гору
Прійшлы [7]) и въ ней глибоку [8]) нору
Найшлы [9]) и вскочилы [10]) туда. [11])
Пѣшли [12]) пѣдъ [13]) землю темнотою,
Эней [14]) все мацався [15]) рукою,
Щобъ не ввалитися куда. [16])

[1]) Еней П. съ К. [2]) прійти П. К. [3]) пильно П. К. [4]) туда щобъ [5]) двери П. К. [6]) найти П. К. [7]) прійшли П. К. [8]) глубоку П. К. [9]) найшли

П. К. [10]) вскочили П. К. [11]) туды П. К. [12]) пишли П. К. [13]) пидъ П. К. [14]) Еней П. [15]) щупався П. К. [16]) куды П. К.

44.

Ся улиця вела у пекло,
Була вонюча и кална, [1])
У ий [2]) и въ день було якъ [3]) смеркло,
Отъ дыму вся була чадна.
Жила зъ сестрою тутъ дремота, [4])
Сестра же звалася зѣвота,
Поклонъ ий [5]) первый [6]) отдалы [8])
Тѣмасю [8]) нашему [9]) Энею [10])
Зъ іого старою попадею
И послѣ далѣ провелы. [11])

[1]) грязна П. К. [2]) у ней П. К. [3]) мовъ П. К. [4]) дрѣмота П. К. [5]) си П. К. [6]) перве П. первы К. [7]) отдали П. К. [8]) тѣпахѣ П. тѣмасѣ К. [9]) нашому К. [10]) Енею П. [11]) провели П. К.

45.

А далѣ [1]) смерть до артикулу
Имъ воздала [2]) косою честь,
Въ передѣ [3]) стоя калявуру, [4])
Якій [5]) у ѣи мосцѣ [6]) есть:
Чума, война, харцизство, голодъ, [7])
Короста, трясця, парши, холодъ, [8])
За сими жъ [9]) тутъ стоялы [10]) въ рядъ—
Кѣрь, [11]) вѣспа, [12]) шолудѣ, бешиха
И всѣ мирянски, [13]) знаешъ, лиха,
Що насъ безъ милости морять. [14])

[1]) потимъ П. К. [2]) отдала П. [3]) напередъ П. К. [4]) калавуру П. К. [5]) яки П. [6]) мосци П. К. [7]) холодъ П. К. [8]) голодъ П. К. [9]) за нею жъ П. [10]) стояли П. К. [11]) коръ П. корь К. [12]) виспа П. К. [13]) мірянски П. К. [14]) морятъ П. К.

46.

Еще [1]) жъ не все тутъ окошилось,
Ище брила [2]) ватага лихъ,

За смертію слѣдомъ [3]) валилось,
Жѣнокъ, [4]) свекрухъ и мачухъ злыхъ,
Вѣтчимы [5]) шли, тестѣ [6]) скупяги,
Зятѣ [7]) и свояки мотяги, а)
Сердиты шурины, браты,
Зовицѣ, [8]) невѣстки, [9]) ятровки,
Що все гризутся [10]) безъ умовки,
И всяки тутъ булы [11]) каты.

[1]) ище П. К. [2]) брѣла К. брела К. [3]) у слѣдъ П. [4]) жинокъ П. К. [5]) вотчимы П. К. [6]) тести П. К. [7]) зяти К. [8]) зовыци П. К. [9]) братовы П. [10]) грызутся П. К. [11]) були П. К.

а) Були и наши побродяги П.

47.

Якіесь [1]) злиднѣ [2]) ще стоялы, [3])
Жовалы [4]) все въ зубахъ папѣръ, [5])
Въ рукахъ каламарѣ [6]) держалы, [7])
За уха [8]) жъ настромлялы пѣръ:
Се все десяцки [9]) та соцкіе,
Начальники, [10]) пьявки людскіе
И всѣ прокляты писарѣ, [11])
Исправники всѣ ваканцовы, [12])
Судьи да стряпчи безъ толковы, (sic) [13])
Повѣренны, секретарѣ. [14])

[1]) якіись П. [2]) злыдни П. К. [3]) стояли П. К. [4]) жовали П. К. [5]) папиръ П. К. [6]) каламари П. К. [7]) держали П. К. [8]) уши П. [9]) десятски К. [10]) начальники П. К. [11]) писари П. К. [12]) ваканціовы П. [13]) безтолковы П. К. [14]) секретари П. К.

48.

За сими шли [1]) святы понуры,
Що не дивилися [2]) на свѣтъ,
Смиреннои [3]) булы [4]) натуры,
Складалы [5]) руки на живѣтъ, [6])
Умылно [7]) Богу все молились,
На тиждень днѣвъ [8]) по три [9]) постилысь [10])

И въ слухъ не лаялы [11]) людей,
На чоткахъ [12]) миръ [13]) пересуждали
И въ день николы не гулялы, [14])
Родили жъ мертвыхъ все дѣтей. а)

[1]) йшли П. [2]) дивились и П. К. [3]) смиренненькои П. [4]) були П. [5]) складали П. К. [6]) живитъ П. К. [7]) умильно П. К. [8]) дни К. [9]) по три дни П. [10]) постились П. К. [11]) лаяли П. К. [12]) но тихо П [13]) міръ К. [14]) гуляли П. К.

а) Въ ночи жъ було не безъ гостей П. К.

49.

Насупротивъ сихъ окаянниць [1])
Кварталъ бувъ цѣлый [2]) волоцюгъ,
Мандріохъ, куровъ, [3]) ярижниць, пьяныць, [4])
И бахуровъ [5]) на цѣлый плугъ
Зъ [6]) обстриженными головами,
Зъ [7]) пѣдрѣзанными [8]) пеленами,
Стоялы пліохи [9]) наголо,
И панночокъ фильтификетныхъ,
Лакеевъ [10]) гарныхъ и дотепныхъ
Багацко [11]) дуже [12]) щось було.

[1]) окаянныхъ П. окаянницъ К. [2]) була ватага П. [3]) моргухъ, мандріохъ К. [4]) фиглярокъ притаманныхъ П. пьяницъ К. [5]) бахуризъ П. К. [6]) съ П. [7]) съ П. [8]) пидрѣзанными П. пидризанными К. [9]) воны стояли П. стояли фліорки К. [10]) ласкавыхъ П. [11]) багацько П. К. [12]) вельми П.

50.

И молодицѣ [1]) молоденьки,
Що выйшлы [2]) замужъ за старыхъ,
Що всякій разъ [3]) булы раденьки
Потѣшить [4]) парнѣвъ [5]) молодыхъ,
И тѣ тутъ молодцѣ [6]) стоялы, [7])
Що недотепнымъ помагалы [8])
Для ихъ [9]) наслѣдство [10]) росплодить,
А дѣты [11]) гуртовы [12]) крычалы, [13])

Своихъ пайматокъ [14]) проклиналы, [15])
Що не дали на свѣтѣ жить.

[1]) молодици П. К. [2]) вышли П. [3]) часъ П. К. [4]) принадить П. [5]) хлопцивъ П. парнивъ К. [6]) молодцы К. дядины П [7]) стояли П. К. [8]) помагали П. К. [9]) нихъ П. К. [10]) сѣмейку К. семейку П. [11]) дѣти К. [12]) маленьки дѣты тамъ П. [13]) кричали П. К. [14]) паньматокъ П. К. [15]) проклинали П. К.

51.

Эней хоть силно [1]) тутъ дивився
Такѣй [2]) великій [3]) новинѣ, [4])
Та вже отъ страху такъ трусився,
Мовъ сидя охляпъ на конѣ.
Побачивши [5]) ище изъ далѣ, [6])
Яки тамъ дива плазовалы, [7])
Кругомъ куда ни поглядышъ, [8])
Злякавсь, къ Сивиллѣ прихилився,
Хватавсь за полы [9]) и тулився,
Мовъ отъ кота въ коморѣ [10]) мышъ.

[1]) Еней П. сильно П. К. [2]) такой П. такій К. [3]) великой П. [4]) новынѣ П. К. [5]) побачивши жъ П. К. [6]) издали К. [7]) плазовали П. К. [8]) поглядишъ П. К. [9]) за плахту П. за дергу К. [10]) въ засѣцѣ П.

52.

Тутъ вештались [1]) великаны,
Мавки, вѣдьми и [2]) упирѣ, [3])
Арапы чорны, злы, [4]) поганы,
Зъ рогами, мовъ булы [5]) турѣ, [6])
Верблюды зъ страшнимы [7]) горбами
И гадъ изъ острыми жалами,
Кипѣли, [8]) корчились, повзлы, [9])
Огненны [10]) изъ [11]) крылами зміи,
Въ пѣвъ [12]) локтя бѣлы [13]) кощеи, [14])
На курячихъ ногахъ козлы.

[1]) вертѣлися тутъ П. [2]) русалки, вѣдьмы Ц. [3]) упыри П. [4]) и П. [5]) були П. [6]) тури П. [7]) страшными П. [8]) шипѣли П. [9]) повзли П. [10]) огненныя П. [11]) зъ П. [12]) съ пивъ П. [13]) бѣгали П. [14]) кощіи П.

53.

Зъ ненаскихъ [1]) же булы Горгоны,
Кантавры, [2]) грифы, Біярей,
Химеры, карлы, геріоны [3])
И жовтыхъ бугскихъ тма [4]) ужей.
Эней [5]) хотѣвъ тутъ показатись,
Що будто вѣнъ [6]) не зна боятись,
Трощить було задумавъ чудъ,
Но за руки іого вхопила [7])
Сивилла и отговорыла, [8])
Шобъ не заходивъ дурно въ трудъ.

[1]) ненаски П. [2]) кентаври П. [3]) гарпагоны П. [4]) тьма П. [5]) Еней П. [6]) винъ П. [7]) схопила П. [8]) отговорила П.

54.

И въ далнѣйшій [1]) путь потаскала, [2])
Не баскалився бъ [3]) та [4]) ишовъ,
И такъ то швидко [5]) поспѣшала, [6])
Эней [7]) не чувъ ажъ пѣдошовъ, [8])
Хватаючися за ягою.
Якъ ось узрѣли предъ собою
Чрезъ рѣчку въ пекло перевѣзъ. [9])
Ся рѣчка Стиксомъ называлась,
Сюда [10]) ватага душъ збѣралась, [11])
Щобъ хто на той бѣкъ [12]) перевѣзъ.

[1]) Сивилла въ дальшій К. [2]) таскала К. [3]) не скалився бы П. [4]) да К. [5]) швиденько П. К. [6]) мандровала П. [7]) Еней П. [8]) пидошовъ П. К. [9]) перевозъ П. перевизъ К. [10]) сюды П. К. [11]) збиралась П. К. [12]) бикъ П. К.

55.

И перевѣзникъ [1]) тутъ явився,
Якъ цыганъ [2]) тварью смуглый [3]) бувъ,
Отъ сонця ввесь [4]) вѣнъ [5]) попалився

И губы, мовъ арапъ, [6]) отдувъ.
Очища въ лобъ позападали,
Сметаною позапливали, [7])
А голова вся въ ковтунахъ,
Изъ рота слина все котилась,
Якъ клоччя, [8]) борода избилась, [9])
Всѣмъ задававъ собою страхъ.

[1]) перевозчикъ П. К. [2]) цыганъ П. К. [3]) смуглой твари П. смуглой церы К. [4]) весь П. К. [5]) винъ П. К. [6]) пузырь П. [7]) позаплывали П. К. [8]) клочье П. повстка К. [9]) скомшилась П. К.

56.

Сорочка связана [1]) узлами,
Держалась всилу [2]) на плечахъ,
Посплѣтованна [3]) мотузками,
Якъ рѣшето, була въ дѣркахъ, [4])
Замазанна була на палець,
Засаленна, [5]) ажъ капавъ смалець,
Обутый въ драны постолы,
Въ дирки [6]) онучи волочились,
Зовсѣмъ, хоть вижми, [7]) помочились,
Пошарпаны штаны булы.

[1]) звязана П. К. [2]) въ силу П. К. [3]) попричепляна П. К. [4]) въ диркахъ П. К. [5]) запалена П. [6]) изъ дыръ П. К. [7]) выжми П. К.

57.

За поясъ лико [1]) отвѣчало,
На іому висѣвъ гаманець,
Тютюнъ, и люлька, и кресало,
Лежали губка, кременець.
Харономъ перевозчикъ [2]) звався,
Собою дуже величався,
Бо и не вшутку [3]) бувъ божокъ.
Зъ крючкомъ веселцемъ [4]) погрѣбався, [5])

По Стиксу [6]) прудко човномъ [7]) мчався,
Легкій бувъ човенъ, якъ стружокъ. [8])

[1]) лыко П. К. [2]) перевизчикъ П. [3]) бо й не на шутку П. [4]) весельцемъ П. [5]) погрибався П. К. [6]) по Стиксови П. К. [7]) якъ стрилка П. К. [8]) пушокъ П. К.

58.

На ярмарку [1]) якъ слобожане,
Або на красному торгу
До рыбы товпятся [2]) миряне, [3])
Було на сіому такъ лугу.
Душа товкала душу въ боки
И скрыготали, [4]) якъ [5]) сороки,
Той пхався, той сунувсь, иный [6]) лѣзъ,
Всѣ мялися, перебѣрались, [7])
Кричалы, [8]) спорились [9]) и рвались,
И всякъ хотѣвъ, іого щобъ вѣзъ [10])

[1]) на ярмальцѣ П. [2]) товпятся П. К. [3]) міряне П. К. [4]) скриготали К. щекотали П. [5]) мовъ П. К. [6]) иншій П. инчій К. [7]) перебирались П, К. [8]) кричали П. К. [9]) спорили П. К. [10]) визъ П. К.

59.

Якъ гуща въ сировцѣ играе,
Шипять, [1]) якъ киснуть [2]) буряки,
Якъ противъ сонця рѣй [3]) гуляе,
Гулы [4]) сѣ [5]) такъ небораки,
Харона плачучи прохали,
До іого руки протягали, [6])
Щобъ взявъ зъ собою на каюкъ,
Но сей плачу того дайдуже, (sic) [7])
На прозбы уважавъ [8]) байдуже, [9])
Злый зъ сина [10]) бувъ старый диндукъ (sic). [11])

[1]) шипятъ П. К. [2]) кваснутъ К. [3]) рій П. К. [4]) гули П. К. [5]) си П. К. [6]) простягали П. К. [7]) байдуже П. К. [8]) винъ глядѣвъ П. [9]) не дуже П. К. [10]) сына П. К. [11]) дундукъ П. К.

60.

И знай що все весломъ махае
И въ морду тиче [1]) хочъ кому,
Отъ каюка всѣхъ отганяе, [2])
А по выбору своему,
По трошечку въ човенъ сажае
И заразъ човенъ отпихае, [3])
На другій перевозить [4]) бѣкъ, [5])
Кого жъ не возьме, якъ затнется,
Тому сидѣти доведется
Небѣсь [6]) и цѣлый може вѣкъ.

[1]) тыче П. К. [2]) отганяе П. [3]) одпихае П. [4]) перевозитъ К. [5]) бикъ П. К. [6]) не бойсь П. гляди К.

61,

Эней въ кагалъ сей якъ убрався,
Щобъ зъ ближитися (sic) [1]) къ порому,
То съ Полинуромъ [2]) повстрѣчався,
Штурмановавъ [3]) що при іому.
Тутъ Полинуръ преднимъ [4]) (sic) заплакавъ,
О [5]) долѣ [6]) злѣй [7]) своѣй [8]) балакавъ,
Що черезъ рѣчку не везуть. [9])
Но баба заразъ розлучила,
Энею въ батка [10]) загвоздила, а)
Щобъ довго не базѣкавъ [11]) тутъ.

[2]) зближитися П. К. [2]) Палинуромъ П. К. [3]) що штурманомъ бувъ П. [4]) Палинуръ предъ нимъ П. К. [5]) про П. К. [6]) долю П. К. [7]) злу П. К. [8]) свою П. К. [9]) везутъ К. [10]) въ батька К. [11]) базикавъ П. К.

а) Енея къ батьку потащила П.

62.

Попхались къ берегу поближче,
Пришли на [1]) самый перевѣзъ, [2])
Гдѣ [3]) засмалціованный [4]) дѣдище [5])

Вередовавъ, мовъ [6]) въ пеклѣ [7]) бѣсъ,
Крычавъ, [8]) мовъ будто [9]) навѣженный, [10])
И кобенывъ [11]) народъ крещеный, [12])
Якъ водится [13]) въ шинкахъ у насъ:
Досталось родичамъ сердечнымъ,
Не дуже лаявъ словомъ гречнымъ,
Нехай вже носять [14]) въ добрый часъ.

[1]) нидъ К. [2]) перевизъ К. [3]) де П. где К. [4]) засмальціованный П. К. [5]) дѣдыще П. К. [6]) якъ П. К. [7]) греблѣ П. К. [8]) кричавъ П. К. [9]) будьто К. [10]) навиженный П. К. [11]) кобенивъ П. К. [12]) хрещеный П. К. [13]) водиться П. [14]) зносять П. зносятъ К.

63.

Харонъ, гостей такихъ узрѣвши,
Оскѣлками [1]) на нихъ [2]) дививсь, [3])
Якъ быкъ скаженый заревѣвши,
Запѣнявився [4]) и зазливсь: [5])
„Вѣдкѣль [6]) такіе [7]) се мандріохи?
И такъ уже васъ тутъ не трохи—
Якого чорта вы прійшлы?
Бачъ, [8]) треба [9]) хаты холодиты, [10])
Васъ треба такъ опроводиты, [11])
Щобъ вы и мѣсця не знайшлы. [12])

[1]) оскилками К. [2]) на нихъ изкоса П. [3]) подививсь П. [4]) запѣнивсь дуже П. К. [5]) озливсь П. К. [6]) видкиль П. К. васъ К. [7]) такіи П. К. [8]) хиба П. [9]) щобъ П. [10]) холодити П. К. [11]) опроводити П. К. [12]) найшли П. К.

64.

„Геть прѣчь [1]) вѣдсѣль! вбѣрайтесь [2]) къ чорту,
А то [3]) потилишника [4]) дамъ,
Побью всю пику, [5]) зубы, морду,
Що [6]) не пѣзна [7]) васъ чортъ и [8]) самъ!
И іонъ же якъ захрабровалы, [9])
Живы [10]) сюда [11]) примандровалы, [12])

Бачъ, гирявы, чого хотять! [13])
Не дуже я на васъ похваплюсь, [14])
Тутъ зъ мертвыми ось не управлюсь,
Що такъ надъ шіею [15]) стоять.“ [16])

[1]) прочь П. пречь К. [2]) вбирайтесь видциль П. К. [3]) я вамъ П. К. [4]) потыличника П. потылишника К. [5]) пыку П. К. [6]) ажъ П. К. [7]) позна П. пизна К. [8]) дѣдько П. К. [9]) захрабровали П. К. [10]) що и живы П. [11]) сюды К. [12]) примандровали П. К. [13]) хотятъ К. [14]) поквапплюсь П. К. [15]) такъ и надъ шіею П. [16]) стоятъ К.

65.

Сивилла бачить, що не шутка,
Бо дуже сердится [1]) Харонъ,
Эней же бувъ собѣ плохутка, а)
Дала старыганю поклонъ.
„Та ну, на насъ лишъ придивися“,
Сказала, „дуже не гнѣвися,
Не самы мы пришли [2]) сюда, [3])
Хиба жъ мене ты не пѣзнаешъ, [4])
Що такъ кричишъ на насъ, гукаешъ,
Отсе [5]) невиданска [6]) бѣда! [7])

[1]) сердився П. [2]) прійшли П. [3]) сюды П. К. [4]) пизнаешъ П. К. [5]) оце П. К [6]) невиданы П. К. [7]) бѣды П. К.

а) И щобъ не здѣлалась попудка П.

66.

„Ось глянся, [1]) що отце [2]) такее,
Утихомирся, [3]) не бурчи,
Ось деревце, глянь, [4]) золотее,
Теперъ [5]) же, коли хочъ, [6]) мовчи!“
А далѣ [7]) дрѣбно [8]) росказала,
Кого у пекло [9]) провожала,
До кого, якъ, про що, зачимъ.
Харонъ же заразъ схаменувся,
Разѣвъ [10]) съ чотыры [11]) погребнувся
И каючкомъ причаливъ къ нимъ.

[1]) глянься П. К. [2]) оце П. К. [3]) утихомирься П. [4]) бачь П. К. [5]) теперь П. К. [6]) хочь П. К. [7]) потимъ все П. К. [8]) дрибно П. К. [9]) до пекла К. [10]) развивъ П. К. [11]) чотыри П. К.

67.

Эней [1]) съ Сивиллою своею
Не мешкавши [2]) въ човенъ [3]) въ вѣйшлы (sic), [4])
Калною [5]) рѣчкою сѣею [6])
На той бѣкъ [7]) въ пекло поплилы. [8])
Вода въ росколины лилася,
Що ажъ Сивилла пѣднялася, [9])
Эней [10]) боявсь, щобъ не втонуть,
Но панъ Харонъ нашъ потрудився,
На той бѣкъ [11]) такъ перехватився,
Що нѣльзя [12]) окомъ измигнуть. [13])

[1]) Еней П. [2]) швиденько П. не мѣшкавши Ж. [3]) въ човничокъ П. [4]) войшли П. ввійшли К. [5]) кальною П. К. [6]) сіею П. К. [7]) бикъ П. К. [8]) поплыли П. К. [9]) пиднялася П. К. [10]) Еней П. [11]) бикъ П. К. [12]) нельзя П. К. [13]) измыгнуть П. К.

68.

Приставши висадывъ [1]) на землю,
Копѣйку взявъ вѣнъ [2]) за труда, [3])
За праціовиту [4]) свою [5]) греблю,
И що [6]) сказавъ, иты [7]) куда. [8])
Прійшовши (sic) [9]) вѣдсѣль [10]) гѣнъ [11]) издвое, [12])
Побравшись за руки обое,
Побачили, що ось лежить [13])
У бурьянѣ бровко моругій, [14])
Тры [15]) головѣ [16]) мавъ песъ сей мурый,
Вѣнъ [17]) на Энея [18]) загарчавъ.

[1]) высадивъ П. К. [2]) узявъ копѣйку П. [3]) труды П. К. [4]) праціовиту(ю) П. [5]) винъ П. [6]) ище П. [7]) ити П. К. [8]) куды П. К. [9]) пройшовши П. К. [10]) видцпль П. К. [11]) гонивъ П. К. [12]) зъ двое П. К. [13]) лежавъ П. К. [14]) муругурый П. [15]) три П. К. [16]) головы П. К. [17]) винъ П. К. [18]) Енея П.

69.

Загавкавъ рѣзко [1]) въ [2]) три языки,
Уже бувъ кинувсь и кусать,
Эней [3]) пѣдьнявъ [4]) тутъ крыкъ [5]) великій,
Хотѣвъ чимъ дужь [6]) назадъ втѣкать,
Но [7]) баба хлѣбъ бровку шпурнула
И горло глевтякомъ заткнула,
То вѣнъ [8]) за кормомъ и погнавсь,
Эней [9]) же зъ бабою старою—
То сякъ, то такъ, попѣдъ [10]) рукою
Тихенько отъ бровка укравсь. [11])

[1]) гризно К. [2]) загавкавши на три языки П. [3]) Еней П. [4]) пидняв П. К. [5]) крикъ П. К. [6]) дужъ П. К. [7]) ажъ П. К. [8]) винъ П. К. [9]) Еней П. [10]) попидъ П. К. [11]) убравсь П. К.

70.

Теперъ Эней [1]) убравсь у [2]) пекло,
Прійшовъ совсѣмъ на иншій свѣтъ,
Тамъ все поблѣдло и поблекло,
Зеленого ничого нѣтъ. а)
Тамъ тѣлко [3]) туманы велики,
Тамъ чути [4]) жалобные [5]) крики,
Тамъ мука грѣшнымъ не мала.
Эней [6]) зъ Сивиллою глядѣлы, [7])
Якіи [8]) муки тутъ [9]) терпѣлы, [10])
Якая кара всѣмъ була.

[1]) Еней П. [2]) ввалився въ П. убрався въ К. [3]) тилько П. К. [4]) чутны П. К. [5]) жалобныи П. [6]) Еней П. [7]) гляделли П. К. [8]) яки П. [9]) тутъ муки всѣ П. [10]) терпѣли П. К.

а) Нема ни мѣсяца, ни звѣздъ П. К.

71.

Смола тамъ въ безднѣ [1]) клекотѣла
И грѣлася и въ [2]) казанахъ,
Живыця, [3]) сѣрка, нефть кипѣла,

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

2—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ Ученныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканія наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на

общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

съ приложеніемъ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (Г. XII).

подъ редакціей М. Виноградова.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., на полгода— 3 руб,, и на 3 мѣс. 2 р.; *для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р.* въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. №№-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 г. можно получать по *два* руб., и 1895 и 1896 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ представляется помѣщать *безплатно* всякія объявленія относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Вышедшія №№ „Жизнь и Школа“ и „Школьнаго Обозрѣнія“ тек. г., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ— одиннадцатый *безплатно.*

Подписка принимается въ главной конторѣ „Жизнь и Школа“ и «Школьнаго Обозрѣнія»: С.-Петербургъ, Загородный пр. 34.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на областную общественную и литературную газету-журналъ

„ДНѢПРОВСКАЯ МОЛВА“

(второй годъ изданія)

ВЫХОДИТЪ ВЪ Г. Екатеринославѣ по воскресеньямъ, въ форм. и объемѣ

„НЕДѢЛИ“.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи Приднѣпровскаго края, преимущественно Новороссіи, а также по этнографіи и археологіи. 4) Научныя статьи по обществознанію и естествознанію. 5) Что дѣлается на родинѣ. Земство, города и дворянство. Экономическіе факты (главнымъ образомъ объ артельномъ дѣлѣ и кустарничествѣ). Нравы на судѣ. По Приднѣпровью и югу. Фельетонъ городской и уѣздной жизни Екатеринославской губерніи 6) Беллетристика. 7) Критика, журнальная хроника, литературно-критическія статьи. 8) Библіографія. 9) Искусства и художества. Театръ, музыка и живопись (рецензіи, отзывы). 10) Что дѣлается за границей. Обозрѣнія иностранной жизни. Письма изъ чужихъ странъ. 11) Разныя извѣстія. Письма изъ Приднѣпровья и юга. 12) Справочныя свѣдѣнія. 13) Объявленія.

Въ газетѣ будетъ обращено особенное вниманіе на разработку вопросовъ городского и земскаго хозяйства и въ связи съ послѣдними, вопросовъ сельскаго хозяйства.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой въ годъ (50 ном.) 5 р., полгода—2 руб. 50 к., три мѣсяца—1 руб. 25 коп. Отдѣльные нумера 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи «Днѣпровской Молвы», Екатеринославъ, Временная ул., д. Быкова, въ книжныхъ магазинахъ Екатеринослава, въ г. Кіевѣ въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина», Безаковская ул., № 14, въ г. Харьковѣ кн. магазинъ Сикорской, Екатеринославская ул., Александровскѣ въ земскомъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель *Н. В. Быковъ.*

2—3

Съ 1-го ноября 1899 года.

въ С.-Петербургѣ выходитъ

большая ежедневная, политическая и литературная газета

безъ предварительной цензуры

„СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ".

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: въ Россіи на годъ—10 руб., на 6 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 руб. за границу: на годъ—14 руб., на 6 мѣс.—7 руб., на 1 мѣс.,—2 руб.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка на четыре срока—по 2 р. 50 к. Лица, подписавшіяся на весь 1900 г., получаютъ газету безплатно въ текущемъ году. Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ Бол. Морская ул.. 5 (отъ 12 до 4 час. дня).

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности, и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» будетъ внимательно слѣдить какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областнаго начала, желательность

дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отведетъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области поставитъ своей задачей сплоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено интересамъ науки, искусства и литературы.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій.* Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій. К. И. Арабажинъ.*

2—3

Открыта подписка и пріемъ объявленій.

—

КАЛЕНДАРЬ „СИНЯГО КРЕСТА“

(Настольная Справочная Книга).

—

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества

Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

„Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ“, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, предприняло изданіе на 1900 г. Календаря „Синяго Креста“, который поступитъ въ продажу въ декабрѣ с. г. въ количествѣ 10000 экземпляровъ и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго. Цѣна Календаря „Синяго Креста“ по 2 руб. за экземпляръ, съ пересылкой 2 р. 50 к. Главн. складъ изданія въ Редакціи „Синяго Креста“:

С.-Петербургъ, Серпіевская ул., 41.

———

2—3

3-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 3-й годъ изданія.

на 1900 годъ

На ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1900 году подъ тою-же редакціей (В. В. Святловскаго), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той же программѣ.

Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, и между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, Е. М. Бабецкій, Д. И. Багалѣй (проф.), А. Башмаковъ, Л. Б. Бертенсонъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, А. Б—ръ (изъ Парижа), И. Ф. Василевскій (Буква), С. Глазенапъ (проф.). В. М. Грибовскій, Н. А. Греденскулъ, Зигъ-Загъ, В. И. Ивановъ, К. Н. Льдовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, К. В. Назарьева, Л. П. Никифоровъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Овсянико-Куликовскій (проф.), И. Н. Потапенко, Пружанскій (Трофимовъ), М. Г. Покровскій, И. И. Рачинскій, А. К. Розельонъ-Сошальская, П. А. Сергѣенко, Е. В. Святловскій, Скальпель (псевдон.), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, К. М. Станюковичъ, Д. И. Тихомировъ, И. О. Фесенко, К. М. Фофановъ, Фаустъ (псевдон.), А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, Кн. М. Л. Шаховскій, Шпилька (псевдон.), И. Л. Щегловъ, Д. И. Эварницкій (проф.) и друг.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агенства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы. Особенно полно будетъ обставленъ отдѣлъ корреспонденцій и газета уже обезпечена постоянными корреспондентами изъ Нью-Іорка (Русскій Путникъ), Парижа, Лондона (Н. К.), Берлина (С.), Рима (А. З.), Тегерана (Л—цкій), Брюсселя (М—кій). Кромѣ того въ 1900 году будутъ печататься изслѣдованія, предпри-

нятыя Редакціей для описанія заводовъ и рудниковъ Приднѣпровья и всего Донецкаго Бассейна по особо составленной обширной программѣ. Описаніе будетъ иллюстрировано чертежами и рисунками. Къ производству изслѣдованія редакціей привлеченъ цѣлый рядъ спеціалистовъ.

Условія подписки на 1900 годъ: съ доставкой въ Екатеринославѣ 10 р., съ пересылкой почт. въ др. города 12 р., за границу 23 руб.

2—3

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *оффиціальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы,

2) Часть *неоффиціальная*: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ *Д. Овсянико-Куликовскій.*

2—3

„НИВА“

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ 1899 г.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 ТОМОВЪ полнаго собранія сочиненій Н. В. ГОГОЛЯ, которое будетъ весьма значительно дополнено матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Гоголя, и будетъ отпечатано на хоротей бѣлой глазированной бумагѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Біографическій очеркъ, В. И. Шенрока.—ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ. Повѣсти: Сорочинская ярмарка. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Майская ночь, или утопленница. Пропавшая грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная месть. Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка. Заколдованное мѣсто. Томъ II. МИРГОРОДЪ. Повѣсти: Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Томъ III. ПОВѢСТИ: Носъ. Портретъ. Шинель. Коляска. Римъ.—КОМЕДІИ. Ревизоръ. ТОМЪ IV. КОМЕДІИ: Приложенія къ комедіи „Ревизоръ“.—Женитьба.—ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ и ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ: Игроки. Утро дѣлового человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ. Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. Томъ V. Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Томъ первый. Томъ VI. Приложеніе къ первому тому „Мертвыхъ Душъ“.—Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй. Томъ VII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Томъ VIII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе) Томъ IX. Юношескіе опыты.—Арабески Часть I. Томъ X. Арабески. Часть II. Томъ XI. Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“. Томъ XII. Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.—ПРИЛОЖЕНІЯ: Станаревъ, Дядька въ затруднительномъ положеніи.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕР. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину, (около 600 рисунк. и чертеж).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1900 г., печатан. красками.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается безплатно

ДАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ

одного 1900 года

СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ СПБ. **5 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Печковской—6 р. 25 к.; 2) Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. (Образованіе)—6 р. 50 к
Съ доставкою въ СПБ. **6 р. 50 к**

Съ перес. во всѣ города и мѣстн. Россіи . . . **7 р.**
За границу—10 р. Разсрочка платежа въ 2 и 3½ р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

Съ портретомъ, факсимиле и автографомъ.

Требованія адресовать въ Главную Контору журн. „НИВА“. С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

Открыта подписка на 1900 годъ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Южный Край".

Газета общественная, политическая и литературная.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономическія и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. **Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства".** V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. „Свѣтъ и Тѣни" (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южный Край" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Критика и библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и поч. XXII. Сторонніе сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ, въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербуга и Москвы отъ собств. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиканжи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1900 ГОДЪ:

Съ пересылкою иногороднимъ.

На 12 м. 11 р.—11 м. 10 р. 50 к.—10 м. 10 р.—9 м. 9 р. 50 к.—8 м. 8 р. 50.—7 м. 7 р. 80 к—6 м. 7 р.—5 м. 6 р.—4 м. 5 р.—3 м. 4 р.—2 м. 3 р.—1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край" на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Книжнымъ магазинамъ дѣлается уступка: съ подписокъ: годовой, 11-ти и 10-ти мѣсячныхъ по 50 к., а съ остальныхъ—по 50 к. за каждый мѣсяцъ.

„Южный Прай„ печатается въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ на ротаціонной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

— на —

„ХУТОРЯНИНЪ“

Еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

НА 1900 ГОДЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2 Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ Минист. Народ. Просвѣщ. въ безплатныя библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой 2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: въ одну строку въ концѣ текста—8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается 1) въ г. Полтавѣ въ Конторѣ и Редакціи «Хуторянина», при обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина“ при с.-х книж. магазинѣ жур. „Деревня“, уг. Б. Морской и Кирпич. пер., д. 3.—13. 3) Въ Кременчугѣ, въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельскихъ хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ. 4) Въ г. Прилукахъ, при обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ и 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

2—3

Продолжается подписка на газету

„ЮГЪ".

Издающаяся въ Херсонѣ съ 1 марта 1898 г. ежедневная газета «Югъ» заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія печатаются и въ другихъ газетахъ, а именно: дѣйствія правительства; ежедневныя телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агенства»; руководящія статьи по вопросамъ мѣстнымъ, общерусскимъ и политическимъ; извѣстія о важнѣйшихъ фактахъ изъ жизни Херсона и другихъ городовъ Херсонской и смежныхъ губерній; такія-же свѣдѣнія изъ жизни столичной и провиціальной; отзывы другихъ газетъ по важнѣйшимъ вопросамъ русской жизни, отчеты объ интересныхъ судебныхъ дѣлахъ, разбирающихся въ окружныхъ судахъ, уѣздныхъ съѣздахъ, у земскихъ начальниковъ и въ волостныхъ судахъ; извѣстія, касающіяся выдающихся событій иностранной жизни, извѣстія объ открытіяхъ въ мірѣ наукъ и о новинкахъ въ мірѣ искусствъ; оригинальные и переводные разсказы; статьи по сельскому хозяйству и проч. и проч.

Сверхъ того, согласно программѣ, утвержденной Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ только въ «Югѣ» систематически печатаются дѣйствія мѣстной администраціи: рѣшенія Херсонскаго Губернскаго Присутствія; списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ засѣданіяхъ каждаго изъ Уѣздныхъ Съѣздовъ и рѣшенія Съѣздовъ по дѣламъ безъ вызова сторонъ; опредѣленія Херсонскаго Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія; херсонскимъ отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка въ «Югѣ» публикуются свѣдѣнія о ходатайствахъ относительно выдачи ссудъ на покупку земли и о разрѣшенныхъ этимъ банкомъ ссудахъ; вообще въ «Югѣ» помѣщаются опредѣленія и распоряженія всѣхъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій, подробныя свѣдѣнія о дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ Херсонской губерніи и днѣпровскаго земства Таврич. губ. Спеціальный также отдѣлъ въ «Югѣ» составляютъ извѣстія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Одессѣ, Николаевѣ и Херсонѣ, о цѣнахъ на скотъ и лошадей на мѣстномъ рынкѣ, о сдѣлкахъ по зафрахтованію судовъ и многія другія свѣдѣнія, необходимыя для мѣстнаго населенія.

Въ отличіе отъ другихъ газетъ, «Югъ» поставилъ себѣ цѣлью освѣщеніе многосторонних нуждъ Херсонской и смежныхъ губерній, удѣляя особенное вниманіе нашей деревнѣ, ея просвѣтительнымъ и

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерній: за $1^1/_2$ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногородныхъ на годъ 8 руб., причемъ деньги могутъ быть уплочены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, оффиціальныя и вообще извѣстныя лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1899 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. М. И. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В.; 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Минист. Народ. Просвѣщенія. В. И. Фармаковскаго; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Бобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Бѣлоконскаго. 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Виреніуса; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. Н. Яновскаго; 10) Новое воспитаніе. Н. Ѳ. Арепьева; 11) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. Н. П. Л., 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Бѣлоконскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Зимницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Миропіева, А. И. Анастасіева, А. И. Кирпичникова, А. С. Виреніуса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимницкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. Кл. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики въ текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. Ѳ. Соколова; 22) Рутина въ преподаваніи географіи. Ѳ. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. И. Карѣева; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флерова; 26) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Нечаева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Сливанова; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ, В. В. Бирюковича и друг.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ

два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

Запросини до передплати

на третій рик видання

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК.

В р. 1900 „Літературно-науковий Вістник“ буде виходити під тою самою редакциєю, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакційний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцию відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австриї з пересилкою на чверть року	5 корон	
„ „ „ „ пів „	10	„
„ „ „ „ цїлий рік	16	„
В Росиї „ „ „ „ „	8 рублїв.	

В иньших державах по обчисленю пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за цїну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовженя містять ся в сих книжках. Другий річник можна дістати по цїні передплати.

Редакция і адмінїстрация у Львові, ул. Чарнецкого ч. 26.

Всякі вплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числї і передплату можна посилати також на адрес книгарнї „Кіевской Старины“, Кіевъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посьвідчувати сторонам друкованими квітками з книги Товариства. В такім разї інтересовані, замовляючи або реклямуючи Вістникъ або иньші книжки з нашого Товариства, зволять прислати в листї такий квітокъ, одержаний від книгарнї К. Стар., і все замовлене вишлеть ся їм зараз. Надїємо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росиї велику догідність.

З усякими реклямациями треба звертати ся не до книгарнї „Кіев. Старины“, а до адмінїстрациї Літ.-наук. Вістника.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Общественная литературно-политическая и экономическая

будетъ выходить въ 1900 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, юридическимъ и др.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.

3) Корреспонденціи внутреннія, заграничныя, и изъ славянскихъ земель.

4) Политическое обозрѣніе.

5) Повѣсти и разсказы.

6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).

7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.

8) Критика литературная, художественная и театральная.

9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества.

10) Мѣстная хроника: городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ учрежденій, событія и происшествія.

11) Областная хроника: корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края.

12) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой, на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова“ Большая Владимірская № 43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

литературно-политическую и общественную

„КІЕВСКУЮ ГАЗЕТУ".

Выходитъ съ 12 декабря 1899 г.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Правительственныя распоряженія.
2. Телеграммы Россійскаго и др. телеграфныхъ агентствъ, а также отъ собственныхъ корреспондентовъ.
3. Хроника текущей жизни: мѣстной, общерусской и заграничной.
4. Корреспонденціи русскія и заграничныя.
5. Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, разныхъ учрежденій и частныхъ и ученыхъ обществъ.
6. Отчеты о дѣлахъ заслушанныхъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, безъ права обсужденія рѣшеній.
7. Фельетоны беллетристическіе, научные и изъ общественной жизни, стихотворенія.
8. Библіографія. Обозрѣніе книгъ, журналовъ и газетъ съ выдержками изъ нихъ.
9. Театръ и искусство. Драматическія произведенія.
10. Шахматы, ребусы, игры, загадки и пр. Смѣсь. Отвѣты редакціи. Юмористическіе разсказы, очерки, наброски, шутки, афоризмы, эпиграммы.
11. Торговое обозрѣніе и биржа.
12. Справочныя свѣдѣнія.
13. Портреты, рисунки къ тексту.
14. Сторонніе извѣстія (рекламы).
15. Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна: на 1 годъ *6 руб.*, на 6 мѣс. *3 руб.*, на 3 мѣс. *1 руб. 50 коп.* и помѣсячно *60 коп.*

Годовые подписчики получаютъ газету съ 1-го номера,

Адресъ: г. *Кіевъ*, *Пушкинская*, *11*.

Редакторъ *Е. Игнатьевъ*. Издатели: *В. Д. Бублик*ъ и *Н. Н. Федоров* (*Соловцовъ*).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-й ГОДЪ

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ

1) выходящую *два раза въ недѣлю* газету

„ВОСХОДЪ"

и 2) ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА"

подъ новою редакціею М. Г. Сыркина.

Газета „Восходъ" выходитъ съ 1-го ноября 1899 г. ДВА РАЗА въ НЕДѢЛЮ, такъ что будетъ имѣть возможность знакомить читателей своевременно со всѣми новѣйшими извѣстіями какъ изъ текущей жизни еврейства, такъ и изъ общей политической жизни Россіи и иностранныхъ государствъ. На отдѣлы политической—иностранной и внутренней—хроники будетъ обращено особое вниманіе въ видахъ того, чтобы „Восходъ" могъ отчасти замѣнить провинціальному читателю ежедневныя политическія газеты.

Отводя столбцы газеты для текущихъ вопросовъ дня, редакція будетъ въ ежемѣсячныхъ книгахъ журнала помѣщать произведенія беллетристическаго характера и статьи научнаго содержанія—по исторіи евреевъ, археологіи, этнографіи, антропологіи и статистикѣ, а также болѣе обстоятельныя изслѣдованія тѣхъ вопросовъ еврейской жизни, которые требуютъ разработки и всесторонняго освѣщенія.

Годовые подписчики на 1900-й годъ получаютъ газету со дня подписки.

Приложенія для годовыхъ подписчиковъ: сборникъ „Еврейскія Народныя Пѣсни" (съ платою за перес. 50 коп.) и „Художественный Литературный Альбомъ" съ 10 ю картинами на сюжеты изъ произведеній: Лессинга, Гейне, Ауэрбаха, Зангвилля, Франсоза, Леванды, Богрова, Мапу, Гордона и Смоленскина, посвященныхъ евреямъ (за 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Условія подписки: на годъ газета „Восходъ" съ журналомъ „Книжки Восхода" 10 р., на $^1/_2$ г. 6 р., на 3 мѣс. 3 руб. За границу: на годъ 12 р., на $^1/_2$ г. 7 р.

При отдѣльной подпискѣ за газету 7 рублей въ годъ, за книжки 3 рубля въ годъ.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Театральная площ., 3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1900 году.

(Годъ изданія сороковый).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1900 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*“.

Указомъ Свят. Синода отъ 2—29 февраля 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духов. семинаріи, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Съ требованіями относительно журнала редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ *профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. . . .	6 руб.	На 3 мѣс. . .	1 р. 50 к.
На 6 мѣс. . . .	3 руб.	На 2 мѣс. . .	1 р. 10 к.
На 4 мѣс. . . .	2 руб.	Помѣсячно . .	— р. 55 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціею

П. М. Ольхина.

За четырнадцать рублей,

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „Новаго міра“ получатъ въ теченіе 1900 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

1) Журналъ „Новый Міръ“ съ „Современной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „Мозаика Новаго Міра“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Новаго Міра“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библіотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мірѣ“, „Мозаикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе „Новаго Міра“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,— 26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Новаго Міра“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогоднимъ, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—14 р. Роскошное изданіе—18 рублей. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Міра“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
(32 годъ изданія)
НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ОДЕССѢ
ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ
„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“
политическую, экономическую и литературную.
Одну изъ самыхъ большихъ и распространенныхъ на югѣ Россіи.
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО
СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Стяжавъ себѣ за 31 годъ существованія „единственной русской газеты на югѣ Россіи“. „Новороссійскій Телеграфъ“ и впредь намѣренъ сохранить всецѣло свой обликъ, т. е. остаться независимымъ русскимъ органомъ—независимымъ какъ отъ внѣшнихъ теченій и вѣяній, такъ и отъ внутреннихъ партійныхъ поползновеній и проявленій. Независимость эта обусловливаетъ собою вѣрнѣйшее достиженіе тѣхъ цѣлей, къ которымъ должна стремиться каждая серьезная газета.

Газета, по нашему,—не прилавокъ, не мелочная лавочка съ девизомъ „чего изволите“, а могущественнѣйшая каѳедра, съ которой кружокъ лицъ, воодушевленныхъ одной общей идеей, однимъ общимъ стремленіемъ къ той или иной высокой цѣли, руководитъ обширной аудиторіей (въ лицѣ читателей), открываетъ ей путь къ познанію текущихъ міровыхъ явленій и событій, освѣщаетъ ихъ надлежащимъ свѣтомъ и такимъ образомъ создаетъ обширный трудъ единомышленниковъ, твердыхъ въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на окружающій міръ и происходящія въ немъ явленія.

„Нов. Тел.“ за все время своего существованія (31 годъ) игралъ именно эту роль—руководящаго органа и, конечно, всѣми силами будетъ стараться поддержать таковое свое значеніе и въ будущемъ году.

Изъ столичныхъ литературныхъ силъ въ газетѣ принимаютъ участіе: Н. П Аксаковъ, г-жа Барвинокъ Е. В. (псевд.), Г. И. Бутми, князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. И. Кирпичниковъ (проф.), А. А. Коринфскій, В. С. Лихачевъ, Моравинъ, (псевд.), Г. Т. Поповъ, А. Сѣдой (А. П. Чеховъ), Сѣверцовъ (псевд.). Вл А. Тихоновъ, А. Ходневъ, С. Ѳ. Шараповъ и С. С. Шабишевъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ: А. И. Алмазовъ, (проф.), Е. А. Арбенина (псевд.), А. Ф. Воеводскій (проф), Джекъ (псевд.), П. И. Компанъ, М. А. Кривцовъ, А. А. Лебединцевъ, Г. О. Лифшицъ, Н. Н. Мальцевъ, Печоринъ (псевд.), В. М. Пуришкевичъ, М. Д. Силоренко (прив.-доц.), И. Ф. Синцовъ (проф.), А. Ѳ. Ѳедоровъ (проф), Н. Е. Чижовъ (проф.), П. Н. Шейминъ (прив.-доц.), И. Л. Яворскій (проф.) и др.

—

ЕЖЕДНЕВНЫЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

возникли на почвѣ стремленія—выдѣлить изъ газеты рисунки и весь матеріалъ, не носящій срочнаго злободневнаго характера, но тѣмъ не менѣе представляющій глубокій интересъ для всякаго читателя. Такимъ образомъ, естественно, въ приложенія отошли: беллетристика, стихотворенія, полезныя свѣдѣнія, разныя разности в юмористически-анекдотическій элементъ съ карикатурами.

Въ такомъ видѣ приложенія, въ количествѣ не менѣе 300 въ годъ, составятъ къ концу года два громадныхъ иллюстрированныхъ тома съ массой интереснаго чтенія, полезныхъ свѣдѣній и забавныхъ мелочей, не теряющихъ своего значенія и чрезъ десятокъ лѣтъ.

Въ настоящее время въ приложеніяхъ ежедневно безъ перерывовъ печатается романъ графа Л. Н. Толстого.

„Воскресеніе“

Всѣ новые подписчики получатъ начальныя главы романа въ отдѣльныхъ оттискахъ и, такимъ образомъ, будутъ имѣть полный романъ нашего знаменитаго писателя.

—

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ—14 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 60 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Такса за объявленія:

На 1-й страницѣ за строку петита 20 к., на 4-й страницѣ за строку петита 10 к. за каждый разъ. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 50 к. за строку.

Подписка на газету и пріемъ объявленій принимаются въ главной конторѣ по Ришельевской ул., въ д. Кестнера № 46.

Редакторъ-Издатель *Г. А. Липинскій.*

———

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-Й ГОДЪ

на ежедневную, политическую, литературную и художественную газету

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО"

СЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

(*седьмой годъ изданія*).

Условія подписки.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р. на 6 мѣс. 6 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.; безъ доставки на годъ 8 руб., на 6 мѣс. 4 руб. 80 коп., на 3 мѣс. 2 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 80 коп.; съ пересылкой за границу на годъ 15 руб. 40 к., на 6 мѣс. 8 руб. 60 коп., на 3 мѣс. 4 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 1 руб. 60 коп..

Подписка на газету принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и лишь до конца текущаго года. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб., къ 1-му мая—3 руб. и къ 1-му іюля—2 руб., а для служащихъ въ административныхъ, судебныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые десять мѣсяцевъ.

Иногороднихъ подписчиковъ просять обращаться непосредственно въ Главную Контору газеты: Кіевъ, Крещатикъ, 40.

1—3

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

„Памятная книжка Кіевской губерніи на 1900 г.

изъ Кіевской губ. Статистическаго Комитета.

Содержаніе: календарь, разныя свѣдѣнія о Кіевской губерніи, справочный отдѣлъ, адресъ календарь, Кіевскія общества частныя лица и учежденія.

Приложенія: 1) лечебныя благотворительныя учрежденія при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежит. монастырѣ; 2) очеркъ дѣятельности Кіевскаго благотворительнаго общества за время 1834—1898 года; 3) списокъ землевладѣльцевъ Кіевской губерніи; 4) списокъ фабрикъ и заводовъ,—и 5) нормальные уставы разныхъ обществъ. Цѣна книжки 1 руб. 25 копѣекъ.

Продается во всѣхъ магазинахъ г. Кіева и въ канцеляріи Статистич. Комитета (Виноградная, 2, зданіе Канц. Губернатора).

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
Университетскихъ Извѣстій
въ 1900 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія извѣстія въ 1900 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**